МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Рафекова Дания Рястемовна

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Е.И. Алещенко

Волгоград – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО МИРА РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ 15
1.1 Понятие и сущность лингвоаксиологии 15
1.2. Развитие и становление лингвоаксиологии 33
1.3. Лингвоаксиологический потенциал русской народной сказки 42
Выводы по главе 1 48
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ 51
2.1. Языковая репрезентация мифологических компонентов ценностной картины мира русской народной сказки 51
2.2. Вербализация христианских ценностных смыслов в лексике русской народной сказки 73
2.3. Языковая объективация аксиологической оппозиции «добро – зло» в русской народной сказке 92
Выводы по главе 2 108
ГЛАВА 3. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ 112
3.1. Семантические особенности аксиологической лексики 112
3.2. Классификация устойчивых и оценочно маркированных единиц в языке русской народной сказки 129
3.3. Символика сказочного текста 139
3.4. Языковые средства реализации аксиологических установок в нарративной организации русской народной сказки 145
3.5. Модель лингвоаксиологической организации текста русской народной сказки: критерии, уровни и результаты количественно-качественного анализа 157
Выводы по главе 3 169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 171
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 175
СПИСОК СЛОВАРЕЙ 198
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ 199

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время существует множество подходов к исследованию русских народных сказок: исторический, сравнительно-исторический, структурно-семиотический, лингвокультурологический и др. В последние десятилетия активно развивается направление, ориентированное на изучение лингвоаксиологических характеристик русской народной сказки. Его центральная задача – анализ того, каким образом ценности реализуются в языке, прежде всего в фольклорных сказочных текстах, и как через языковые средства формируется и транслируется ценностная картина мира. При этом само определение содержания понятия «ценность» остается одной из ключевых теоретических проблем.

Традиционно сказка рассматривается как жанр коллективного творчества, предполагающий совместную духовную активность, совместное размышление и общее оценивание [Менг 1989: 51]. В силу этого в сказке, как и в других формах фольклора, отражается прежде всего народное, а не индивидуальное восприятие нравственных категорий, событий и явлений. Значительное число научных работ посвящено изучению сказки как особой области лингвистического и культурного знания. Исследователи освещают широкий спектр вопросов: отличительные синтаксические характеристики сказочного текста [Брандаусова 2008: 55], специфику сказки как литературного жанра [Скороходько 1991: 10], психолингвистическое моделирование концептов персонажей [Елина 2013: 5], кросс-культурный лингвистический и фольклорный анализ [Девицкая 2014: 14], приемы лингвистической и прагматической репрезентации фантастических идей [Петрова 2011: 11], лингвокультурные признаки сказочного дискурса [Акименко 2005: 12], а также его лингвокультурные и когнитивные параметры [Эпоева 2007: 13]. Отдельное направление составляют

исследования этнолингвистических и этнокультурных аспектов сказок [Плахова 2007; Соборная 2004] и другие работы на стыке дисциплин.

Е.И. Алещенко рассматривает сказочный текст как отражение христианской языковой картины мира [Алещенко 2006: 47–52], анализирует формирование языковой картины мира в текстах русского фольклора [Алещенко 2008: 129]. Анализу фольклора посвящена диссертация С.А. Тихомирова [Тихомиров 2009: 64]. Л.А. Ильин демонстрирует лингвоаксиологический потенциал фольклора на материале колыбельных песен [Ильин 2012: 12]. И.А. Голованов анализирует аксиологическое содержание текстов русского фольклора, выявляя ключевые ценностные константы, в которых выражается национальный способ восприятия и оценки мира, и обобщая этические императивы русской культуры [Голованов 2015: 54].

Тем не менее, несмотря на широкий круг лингвистических, культурологических, когнитивных и жанроведческих исследований сказки, фольклорные тексты остаются недостаточно изученными в собственно лингвоаксиологическом ракурсе.

Современные исследования, как правило, сосредоточены либо на отдельных ценностных константах и доминирующих нравственных ориентациях, либо на описании типичных для сказки ситуаций морального выбора. В ряде работ затрагиваются вопросы ценностной проблематики фольклора, однако эти исследования обычно не выходят на системное описание собственно языковых средств выражения ценностей в сказочном тексте.

Системное описание языковых средств аксиологической репрезентации в текстах русской народной сказки остается на сегодняшний день неразработанным в отечественной лингвоаксиологии. Несмотря на богатую традицию изучения фольклорного текста в литературоведении и культурологии, собственно языковые механизмы объективации ценностных

смыслов – лексические, фразеологические, грамматические – не становились предметом специального лингвистического исследования.

Таким образом, противоречие заключается между высокой степенью разработанности лингвистических и фольклористических аспектов сказки, с одной стороны, и недостаточной изученностью системы лингвистических средств аксиологической интерпретации сказочного мира – с другой. Именно это противоречие определяет **актуальность** настоящего исследования, ориентированного на выявление и описание лингвоаксиологических характеристик русской народной сказки как особого типа текста.

Объектом исследования является язык русской народной сказки.

Предметом исследования являются лингвистические средства аксиологической репрезентации в тексте русской народной сказки – лексические, фразеологические, символические и нарративно-композиционные единицы, участвующие в вербализации ценностных смыслов.

Цель работы – изучить средства и способы оценки в языке русской народной сказки.

Целью исследования обусловлена постановка следующих **задач:**

1) обосновать теоретико-методологические основания лингвоаксиологического подхода к исследованию фольклорного текста, уточнить его понятийно-категориальный аппарат, охарактеризовать основные этапы становления лингвоаксиологии и определить ее возможности для изучения ценностной проблематики русской народной сказки;

2) охарактеризовать русскую народную сказку как особый тип фольклорного текста, представляющий собой языковую модель ценностной картины мира, и определить принципы ее лингвоаксиологического описания;

3) выявить и систематизировать языковые средства репрезентации основных компонентов ценностной картины мира русской народной сказки,

включая мифологические и христианские ценностные смыслы, а также определить специфику их вербализации в сказочном тексте;

4) описать систему языковых средств объективации базовой аксиологической оппозиции «добро – зло» и установить ее роль в распределении положительных и отрицательных ценностных характеристик персонажей, действий и ситуаций сказочного текста;

5) выделить и охарактеризовать основные лексико-семантические типы аксиологической лексики русской народной сказки, определить особенности ее системной организации и участия в формировании ценностной картины мира; охарактеризовать фразеологические единицы и устойчивые речевые формулы как средства вербализации и трансляции традиционных ценностных смыслов;

6) выявить ключевые символические образы и мотивы русской народной сказки и определить особенности их языкового оформления и аксиологического функционирования;

7) охарактеризовать языковые средства нарративной организации русской народной сказки и установить способы их участия в реализации и актуализации аксиологических установок текста;

8) на основе количественно-качественного анализа разработать интегральную многоуровневую модель лингвоаксиологической организации текста русской народной сказки, объединяющую лексический, фразеологический, символический и нарративный уровни и раскрывающую механизмы языковой репрезентации и трансляции ценностных смыслов.

Для реализации поставленных задач использованы следующие **методы и приемы исследования.** Основным является *аксиологический анализ*, направленный на выявление, описание и систематизацию языковых средств репрезентации ценностей и оценочных смыслов в текстах русских народных сказок. Его применение позволяет установить способы языковой объективации ценностных представлений, определить характер оценочной маркированности языковых единиц, выявить аксиологические оппозиции и

проследить механизмы формирования и трансляции традиционных ценностных смыслов в фольклорном тексте. *Описательный метод* применяется при инвентаризации, систематизации и характеристике аксиологически маркированных языковых единиц русской народной сказки. Прием количественных подсчетов применялся для установления частотности употребления и соотношения выделенных групп аксиологически маркированных языковых единиц. Результаты анализа обобщались посредством классификации, типологизации и моделирования лингвоаксиологической организации сказочного текста.

Семантический и компонентный анализ использовались для выявления оценочного компонента в значении лексем, определения интегральных и дифференциальных сем и установления семантических оппозиций. *Контекстуальный анализ* позволил установить особенности актуализации оценочных значений в конкретном сказочном окружении, их связь с характеристикой персонажей, событийной организацией и моральной оценкой поступков.

Источниками исследования являются тексты русских народных сказок, представленные в трехтомном собрании А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (1984), сборнике «Сказки народов мира» под редакцией В.П. Аникина (1987), а также в издании «Русские народные сказки», составленном Ю.Г. Кругловым (1992). Обращение к указанным собраниям позволило охватить разнообразие сказочных сюжетов, персонажей, образов и устойчивых речевых формул, отражающих традиционные ценностные представления русского народа. Тексты сказок послужили основой для формирования авторской картотеки аксиологически маркированных языковых единиц.

Материал исследования составила картотека аксиологически маркированных языковых единиц, сформированная методом сплошной выборки из текстов русских народных сказок, представленных в трехтомном собрании А.Н. Афанасьева, а также в авторских сборниках сказок в записях и

обработках Ю.Г. Круглова и В.П. Аникина. Картотека включает 250 языковых единиц различных структурно-семантических типов в 2400 контекстных употреблениях.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области общей и лингвистической аксиологии, семантики и лексикологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории текста и фольклористики.

При разработке понятийного аппарата исследования и описании оценки как языковой категории учитывались положения, представленные в трудах Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, В.И. Шаховского, Ю.Д. Апресяна и других исследователей. Теоретические положения системной лексикологии, семантического описания слова и анализа семантических оппозиций опираются на работы Ю.Д. Апресяна.

Лингвокультурологический и когнитивный аспекты исследования основываются на работах В.И. Карасика, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, С.Г. Воркачёва, Г.Г. Слышкина и других авторов, рассматривающих концепт, ценность, культурно маркированный смысл и способы их языковой репрезентации.

При анализе фольклорной специфики сказочного текста учитывались положения, разработанные в трудах В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, В.П. Аникина, Ю.Г. Круглова, Б.Н. Путилова и других исследователей русского фольклора и поэтики сказки. Изучение символических образов и устойчивых фольклорных формул опирается на работы по семиотике культуры, фольклорной символике и поэтике традиционного текста.

Методологическую основу диссертационного исследования образует комплекс лингвистических концепций. Системно-лексикологический подход Ю.Д. Апресяна, представленный в «Избранных трудах» (1995), привлекается для описания лексико-семантических полей лингвоаксиологической лексики, изучения интегральных и дифференциальных признаков оценочных лексем. Системно-лексикологический подход позволяет рассматривать

аксиологически маркированные единицы как элементы взаимосвязанной лексико-семантической системы, выявлять оценочные оппозиции, интегральные и дифференциальные компоненты значений.

Лингвокультурологическая концепция В.И. Карасика («Языковой круг: личность, концепты, дискурс», 2002) задает методологическую рамку для анализа ценностной составляющей концептов и их дискурсивной репрезентации. Разработанная В.И. Карасиком модель ценностного концепта, включающая понятийный, образный и ценностный компоненты, применяется при описании ключевых аксиологических единиц сказочного текста – концептов «добро», «зло», «правда», «судьба» и др. – и позволяет выявить их культурно-специфическое содержание.

В совокупности перечисленные концепции формируют целостный методологический комплекс, объединяющий семантический, функциональный, коннотативный и лингвокультурологический аспекты изучения оценочности и обеспечивающий многоуровневое описание лингвоаксиологических характеристик русской народной сказки.

Научная новизна исследования определяется разработкой комплексного лингвоаксиологического подхода к анализу русской народной сказки как особого типа фольклорного текста и получением следующих научных результатов.

1. Уточнены теоретические основания лингвоаксиологического анализа фольклорного текста и систематизирован его понятийный аппарат применительно к русской народной сказке; определено соотношение категорий оценки, ценности, ценностного смысла, аксиологически маркированной языковой единицы и лингвоаксиологической организации текста.

2. Разработана концепция русской народной сказки как многоуровневой языковой модели ценностной картины мира, в которой аксиологические смыслы получают системную репрезентацию на лексическом, фразеологическом, символическом и нарративном уровнях.

Установлено взаимодействие указанных уровней в формировании целостного ценностного пространства сказочного текста.

3. Выявлена и систематизирована совокупность языковых средств репрезентации мифологических и христианских ценностных смыслов в русской народной сказке. Определены особенности их языкового оформления, функционального взаимодействия и включения в традиционную фольклорную систему ценностей; показано, каким образом христианский ценностный компонент взаимодействует с более архаичными мифологическими представлениями, сохраняя их в трансформированном ценностно-смысловом виде.

4. Установлена системная организация аксиологической оппозиции «добро – зло» в русской народной сказке и выявлен комплекс языковых средств ее объективации, включающий оценочные характеристики, эпитеты, номинации персонажей, типизированные характеристики действий, состояний и ситуаций. Определена роль данной оппозиции как одного из организующих механизмов распределения ценностных характеристик в сказочном тексте.

5. Разработана типология аксиологической лексики русской народной сказки и выявлены особенности ее лексико-семантической организации. Определены основные типы оценочных значений и их семантические объединения, установлена функциональная роль оценочной лексики в характеристике персонажей, действий, состояний и ситуаций. Систематизированы фразеологические единицы и устойчивые речевые формулы как особый механизм сохранения и трансляции традиционных ценностных установок.

6. Выявлен и охарактеризован символический уровень лингвоаксиологической организации русской народной сказки. Определены ключевые символические образы и мотивы, установлены особенности их языкового оформления и выявлена их функция в актуализации ценностных смыслов и закреплении культурно значимых моделей поведения.

7. Установлены способы актуализации ценностных смыслов при посредстве нарративной организации сказки: последовательность сюжетных событий, повторяемость формул, противопоставление персонажей, а также использование моделей испытания, выбора, награды и наказания, которые задают условия моральной квалификации поступков и направляют интерпретацию сказочного конфликта.

8. На основе количественно-качественного анализа 2400 контекстных употреблений аксиологически маркированных языковых единиц предложена модель лингвоаксиологической организации русской народной сказки, отражающая взаимодействие лексического, фразеологического, образно-символического и текстово-композиционного уровней.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке и систематизации представлений о средствах вербализации аксиологических характеристик русской народной сказки как особого типа фольклорного текста и в развитии лингвоаксиологического направления в современной филологии. Теоретически значимым результатом является предложенная модель лингвоаксиологической организации текста русской народной сказки, позволяющая интегрировать лексический, фразеологический, символический и нарративный уровни анализа.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью применения его результатов в различных областях филологической и педагогической практики. Выстроенная в ходе исследования лингвоаксиологическая модель русской народной сказки и принципы описания средств вербализации ценностей могут быть востребованы в дальнейших научных разработках – при сравнительном анализе лингвоаксиологических характеристик фольклорных текстов разных жанров, при сопоставлении русской сказочной традиции с фольклором других народов, а также при исследовании современных текстов массовой культуры, использующих и трансформирующих традиционные сказочные

ценностные схемы. Таким образом, практическая значимость работы состоит в том, что она предоставляет готовый инструментарий и эмпирическую базу, которые могут быть непосредственно использованы в образовательной и исследовательской практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русская народная сказка представляет собой особый тип фольклорного текста, в котором ценностная картина мира получает системную языковую репрезентацию. Лингвоаксиологическая организация сказочного текста имеет многоуровневый характер и включает взаимосвязанные лексический, фразеологический, символический и нарративный уровни, совокупность которых формирует целостную систему выражения, актуализации и трансляции ценностных смыслов.

2. Мифологические и христианские ценностные смыслы образуют значимые компоненты лингвоаксиологического пространства русской народной сказки. Их вербализация осуществляется посредством комплекса оценочной лексики, традиционных номинаций персонажей и ситуаций, устойчивых речевых формул, в том числе формул благословения и проклятия, а также символических образов и мотивов. Христианский ценностный код при этом взаимодействует с архаическими мифологическими представлениями, что обусловливает сложный и исторически многослойный характер ценностной картины мира сказочного текста.

3. Аксиологическая оппозиция «добро – зло» является системообразующим механизмом ценностной организации русской народной сказки, объективируется посредством оценочных эпитетов, номинаций и характеристик персонажей, типизированных обозначений действий и состояний, а также иных лингвистических средств, обеспечивающих устойчивое распределение положительных и отрицательных ценностных характеристик между персонажами, действиями и ситуациями.

4. Аксиологическая лексика русской народной сказки образует структурированную лексико-семантическую систему, включающую типы оценочных значений и соответствующие семантические объединения, посредством которых репрезентируются основные ценностные характеристики сказочного мира. Фразеологические единицы и устойчивые речевые формулы образуют взаимосвязанный с лексической системой уровень и выполняют функцию сохранения, закрепления и межпоколенной трансляции традиционных ценностных установок.

5. Символические образы и нарративная организация являются самостоятельными уровнями лингвоаксиологической структуры русской народной сказки. Символические образы и мотивы концентрируют и актуализируют культурно значимые ценностные смыслы, тогда как композиционные схемы, повествовательные ходы, распределение речевых партий и соответствующие языковые средства организуют их последовательное развертывание в тексте и направляют интерпретацию поступков персонажей и ситуаций морального выбора.

6. Лингвоаксиологическая организация русской народной сказки может быть представлена в виде интегральной многоуровневой модели, объединяющей лексический, фразеологический, символический и нарративный уровни. Количественно-качественный анализ 250 аксиологически маркированных языковых единиц в 2400 употреблениях позволяет установить закономерности взаимодействия указанных уровней и описать механизмы формирования, актуализации и трансляции ценностной картины мира в сказочном тексте.

Оценка достоверности результатов исследования подтверждается использованием рациональных методов и приемов исследования, подкреплением выводов примерами с последующим анализом, значительной теоретико-методологической базой, публикацией основных результатов исследования в научных статьях.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования апробированы в ходе выступлений и обсуждений на заседаниях кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, а также представлены на научных мероприятиях различного уровня: Международной научно-практической конференции «Сталинградская гвоздика» (Волгоград, 2025); Всероссийской научно-практической конференции «XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» (Волгоград, 2025); III Международной научно-практической конференции «Славяно-тюркский мир: история и современность» (Чебоксары, 2025); 25-й Межвузовской студенческой научной конференции «Студент – Исследователь – Учитель» (Санкт-Петербург, 2025); Первой международной научно-религиозной конференции «Если перед нами встанет истина…» (Сириус, 2025).

Содержание исследования отражено в 6 публикациях (общий объем – 2,2 п. л.), из них 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование (общий объем – 199 с.) включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы (237 наименований), перечень словарей и справочников (11 позиций), список источников исследования (5 наименований), 23 таблицы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО МИРА РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

1.1 Понятие и сущность лингвоаксиологии

Отсутствие целостного подхода к аксиологической лингвистике проявляется в отсутствии консенсуса по ключевым аспектам, включая определение, сферу охвата, методы и терминологию. Несмотря на широкое использование таких терминов, как «аксиологическая лингвистика» или «лингвистическая аксиология» в различных исследованиях, существует заметный недостаток работ, посвященных теоретическим и методологическим основам этой дисциплины.

Можно утверждать, что на данном этапе лингвистическая аксиология служит скорее «активно используемым обобщающим термином» [Теория функциональной грамматики 1990: 13]. Термин используется для характеристики междисциплинарной области исследований, сосредоточенной на изучении ценностей и оценок внутри языка. Однако всеобъемлющие теоретические и методологические основы этой научной области остаются в процессе формирования, отражая продолжающуюся эволюцию аксиологической лингвистики.

С середины 1980-х годов отечественные лингвисты обратили внимание на лингвоаксиологический аспект изучения языка. Инициаторами этого направления стали такие ученые, как Н.Д. Арутюнова и Е.М. Вольф, но именно в середине 1990-х годов возник всплеск повышенного интереса к лингвоаксиологическим проблемам. Он был тесно связан с эволюцией новой парадигмы знания – когнитивно-дискурсивной. Согласно мнению Е.С. Кубряковой, эта парадигма включает одновременное рассмотрение двух существенных функций любого языкового явления: когнитивной функции, относящейся к его роли в процессе познания, и коммуникативной функции,

связанной с его участием в актах вербальной коммуникации. Е.С. Кубрякова утверждает, что лингвистический феномен может быть адекватно описан и объяснен только при тщательном изучении на стыке познания и коммуникации [Кубрякова 2004: 16].

Лингвоаксиология представляет собой зарождающуюся область изучения. Предмет лингвоаксиологии охватывает способы выражения ценностей и оценок в языке и речи. Ценности и оценки получают языковое выражение в значениях слов, устойчивых выражениях и высказываниях, посредством которых говорящий обозначает значимые для него явления, характеризует их как положительные или отрицательные, одобряет либо осуждает поступки и события. Ученые-лингвоаксиологи подчеркивают, что оценки и ценности признаны фундаментальными аспектами существования человека и общества [Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи 2005: 4].

При этом необходимо разграничивать понятия «ценность» и «оценка». Ценность представляет собой то, что человек или общество признает значимым, желательным и достойным сохранения, например справедливость, свободу или честность. Оценка, в свою очередь, представляет собой суждение о человеке, предмете, поступке или событии, которое формируется на основе определенных критериев, в том числе ценностных представлений. Так, справедливость выступает ценностью, а характеристика конкретного решения как справедливого или несправедливого – оценкой этого решения.

Следовательно, оценка не сводится к указанию на значимость объекта: она предполагает его сопоставление с представлениями о должном, приемлемом или желательном. Согласно Г. Ф. Гибатовой, сущность оценки заключается в выражении суждения о соответствии или несоответствии объекта нормативным идеалам, стандартам или моделям, которые могут включать ценностные представления [Гибатова 2011: 130]. Таким образом, ценности могут служить основанием оценки, а оценка показывает, насколько конкретный объект соответствует выбранным критериям.

В рамках лингвистики эмоций (эмотиологии) В.И. Шаховский последовательно показывает, что оценочность и эмотивность в языке образуют тесно переплетенный комплекс, эмоциональность «пронизывает» речевую деятельность и закрепляется в семантике слова, а эмотивная семантика в целом понимается как опосредованное языком отношение эмоционально «социологизированных» представлений человека к миру [Шаховский 1984: 101]. При этом важно, что эмотивные семы, по Шаховскому, возникают на базе логико-предметных оценочных и экспрессивных компонентов значения, т.е. эмоция встраивается в значение через уже имеющиеся механизмы оценивания и выражения отношения [Шаховский 1994: 23]. Эмотивность оказывается значимой не только на уровне «называния» эмоций, но и в коннотациях (в т.ч. при характеристике объекта/признака), что делает ее особенно продуктивной для анализа оценочности в образной лексике и фразеологии. С этим связана и прагматическая сторона, В. Шаховский вводит понятие эмотивной валентности как варианта семантической валентности и показывает, что она варьирует по типу оценочного знака эмотивности (плюс / минус / амбивалентность), по «набору» конкретных эмоций внутри знака и по степени интенсивности эмотивной оценки [Шаховский 2008: 146]. Тем самым задается удобная теоретическая рамка для дальнейшего разведения рациональной оценки (суждение о соответствии норме/критерию без обязательной эмоциональной маркированности) и эмоционально-оценочной составляющей (оценка, усиленная и «окрашенная» эмотивными смыслами и их интенсивностью), – особенно там, где оценка реализуется не прямым «хорошо/плохо», а через коннотативные, экспрессивные и устойчивые средства.

Для лингвоаксиологического анализа существенна взаимосвязь ценности и оценки: ценностные представления говорящего служат основанием для характеристики людей, поступков и событий, а оценка выражает его отношение к ним. Эта взаимосвязь проявляется в выборе

языковых средств: оценочной лексики, определений, сравнений, метафор и синтаксических конструкций. Говорящий не только сообщает о предмете речи, но и показывает, какие его свойства считает желательными или нежелательными, заслуживающими одобрения или осуждения.

Например, в сочетаниях *ангельское терпение* и *безграничное терпение* положительная характеристика одного и того же качества выражается разными способами. В первом случае метафорическое определение связывает терпение с представлением об ангельской кротости, во втором – подчеркивает высокую степень проявления этого качества. Таким образом, при общей положительной оценке терпения различаются образные средства и смысловые оттенки его характеристики. Для обозначения выражаемого отношения к объекту далее используется понятие «ценностно-оценочное содержание»: речь идет о том, какие ценности лежат в основе высказывания и какую оценку получает конкретный объект.

Оценка может быть выражена прямо, тогда как ее основание устанавливается из контекста. Под основанием оценки понимается критерий, по которому говорящий характеризует объект: например, полезность, справедливость, соответствие поставленной цели или принятой норме. Так, в диалоге – *Задание выполнено без ошибок. – Хорошо!* положительная оценка выражена словом *хорошо*, а ее основание – правильность выполнения задания – названо в предшествующей реплике. Следовательно, для понимания оценочного высказывания необходимо учитывать не только оценочное слово, но и сведения о ситуации, содержащиеся в тексте.

В этом контексте ценностно-оценочная функция языковых средств заключается в выражении значимости объекта и отношения говорящего к нему. Она реализуется на разных уровнях: посредством значений слов, словообразовательных элементов и построения высказываний. Например, уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах *домик* и *сыночек* могут передавать эмоциональное отношение говорящего, а конструкции *Какой замечательный результат!* и *Разве это справедливо?* – выражать одобрение

или сомнение в соответствии ситуации определенной ценности. При этом аффиксы участвуют в формировании значения слова, а синтаксические конструкции организуют оценку на уровне высказывания; приписывать аффиксам самостоятельное «синтаксическое поведение» в данном случае некорректно.

Для анализа неявно выраженной оценки существенен подход Е.В. Падучевой, в котором учитывается зависимость значения языковых единиц от точки зрения говорящего или другого субъекта восприятия и сознания. Содержание высказывания включает не только сведения о ситуации, но и способ ее представления: кто наблюдает происходящее, воспринимает признаки объекта или высказывает суждение о нем. В непосредственном общении такой субъект часто совпадает с говорящим, тогда как в повествовании соответствующая точка зрения может принадлежать рассказчику или персонажу.

Е.В. Падучева рассматривает слова, значение которых предполагает характеристику человека со стороны. Этим объясняется различие между примерами *Она сегодня мрачная* и *Я сегодня мрачная*. Первое высказывание естественно в ситуации, когда говорящий судит о другом человеке по внешним проявлениям его состояния – выражению лица или поведению. Второе менее обычно при таком прочтении, поскольку говорящий характеризует самого себя с позиции внешнего наблюдателя. Однако оно возможно, если человек представляет, как выглядит со стороны, например: *Я сегодня мрачная: все спрашивают, что случилось*. Таким образом, различие касается не грамматической правильности предложений, а условий их интерпретации [Падучева 2008: 3].

Для описания подобных случаев используется понятие наблюдателя – субъекта, чья точка зрения учитывается при понимании высказывания, хотя сам он может не быть назван. В работах Е.В. Падучевой различаются субъект восприятия и субъект сознания. Первый воспринимает происходящее, второй выступает носителем мнения, предположения или оценки. Понятие «субъект

вторичной эгоцентричности» обозначает такую зависимость значения от определенной точки зрения, которая не обязательно принадлежит непосредственному говорящему: в повествовании соответствующая роль может переходить к персонажу [Падучева 2010: 5].

Следовательно, отсутствие прямого указания на того, кто оценивает ситуацию, не означает отсутствия оценочной позиции. Этот субъект может подразумеваться значением слова и определяться из контекста. В таком случае он рассматривается как семантический актант, то есть участник, предусмотренный смысловой структурой языковой единицы, но не обязательно обозначенный отдельным словом в предложении [Падучева 2006: 411], что согласуется с общей установкой автора: понятие эгоцентрического элемента позволяет рассматривать дейксис и субъективную модальность как единую область прагматически релевантных смыслов, зависящих от точки отсчета/наблюдателя [Падучева 2010: 2]. Дополнительно важно, что субъективно-модальные показатели, связанные с позицией субъекта речи (напр., кажется), проявляют «главноклаузные» ограничения и тем самым демонстрируют привязку модальности к акту высказывания и носителю точки зрения [Падучева 1990: 314].

По мнению Н.О. Лосского, русская ценностная ориентация как на людей, так и на предметы в целом подтолкнула к развитию оценочных аффиксов [Лосский 2005: 152]. Однако эти аффиксы, будучи включены в производные слова, демонстрируют чувствительность к синтаксическому контексту. Г.А. Золотова, отличая оценочные наречия от безоценочных, проиллюстрировала, что оценочные наречия не всегда легко присоединяются к глаголам и что безоценочные наречия не образуют предикативных связей с инфинитивами [Золотова 2001: 277-278]. Аксиологическая функция языка находит свое отражение в синтаксисе, поскольку говорящему необходимо участвовать в оценочной предикации, формулировать оценочные суждения, создавать систему оценочных значений, указывать на совпадение оценок или различие между негативными и позитивными оценками.

В понимании В.Н. Телия оценочность удобно описывать через коннотацию и экспрессивность, поскольку здесь оценочный компонент понимается не как «добавка» к значению, а как его макросоставляющая, формирующая прагматически значимый эффект. Коннотация определяется как семантическая сущность (особый макрокомпонент значения), выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности; на этой основе языковая единица получает экспрессивную окраску [Телия 1986: 70].

Для описания оценочности продуктивен функционально-семантический подход А.В. Бондарко (петербургская школа функциональной грамматики). В этой модели исходными единицами анализа выступают функционально-семантические поля (ФСП) и категориальные ситуации: ФСП понимается как система разноуровневых средств языка, выражающих варианты определенной семантической категории; при этом поле может быть моноцентрическим или полицентрическим и вступать в пересечения с другими полями, а в речи соответствующие значения реализуются как типовые категориальные ситуации [Бондарко 2017: 132]. Применительно к модальности это дает удобную схему ядра/периферии: оценочные значения (особенно качественная шкала «хорошо/плохо») в функционально-семантической перспективе рассматриваются как область, частично сопряженная с модальностью и субъективностью, но не обязательно образующая ее центр; в литературе, опирающейся на исследование А.В. Бондарко, специально подчеркивается, что качественная оценка может трактоваться лишь как периферийная зона поля модальности, взаимодействующая с модальностью и смежными семантико-прагматическими сферами [Бондарко 2002: 236].

Когда словообразовательная структура отрицательного сказуемого включает префикс не-, синтаксическое отрицание становится еще менее ожидаемым, нейтрализуя отрицание и делая сказуемое фактически

синонимом положительной оценки, например, «приятель не нескромен» подразумевает скромного друга.

В рамках Московской семантической школы (Ю.Д. Апресян и соавт.) ключевой установкой становится рассмотрение лексического значения как системно организованной структуры: слово описывается не только через предметную отнесенность, но и через те компоненты смысла, которые регулируют его употребление, сочетаемость и прагматический эффект. Оценка выступает не «внешней» эмоциональной реакцией говорящего, а компонентом лексического значения, закрепленным в языке и воспроизводимым носителями как часть устойчивых знаний о мире. Поэтому семантический анализ слов (включая синонимические ряды) неизбежно выявляет не только «что обозначено», но и как это соотнесено с нормой/идеалом, т.е. какие ценностные координаты встроены в значение и проявляются в выборе номинации, степени экспрессивности и допустимых контекстах употребления [Апресян 1995, I: 144].

Ю.Д. Апресян связывает такую «вшитость» ценностных параметров в язык с понятием наивной картины мира: язык хранит донаучные, повседневные классификации и представления, которые могут отличаться от научных, но при этом образуют не хаос, а упорядоченные системы. Важный для лингвоаксиологии вывод здесь состоит в том, что ценности и нормы (включая «наивную этику», «наивный этикет» и т.п.) не просто отражаются в отдельных оценочных словах, а распределены по лексике как система смысловых противопоставлений и типовых семантических признаков. Отсюда следует, что задача исследователя – реконструировать эти «наивные» системы через значения слов и устойчивые правила их употребления; в формулировке, которая в традиции Ю.Д. Апресяна часто цитируется, «сверхзадача системной лексикографии» – отражать воплощенную в языке наивную картину мира (включая области этики и психологии) и описывать ее единообразно в словаре [Апресян 1995, II: 36].

Так возникает методологический «мостик», принципиальный для лингвоаксиологического анализа: ценности – лексическая семантика – способы кодирования оценки. Во-первых, ценностные различия фиксируются в толкованиях и в устройстве лексической системы (например, через выбор «более сильного/более мягкого» синонима, через семантические ограничения и типовые контексты). Во-вторых, они поддаются систематическому описанию в рамках системной лексикографии, ориентированной на реконструкцию фрагментов языковой картины мира и выделение лексикографических типов; показательно, что в коллективной монографии под руководством Ю.Д. Апресяна специально подчеркивается установка на реконструкцию языковой картины мира и анализ участков словаря, связанных, в частности, с лексикой этики и этикета [Апресян 1995, I: 146]. Следовательно, оценочность в языке может рассматриваться как регулярный, воспроизводимый компонент значения – а значит, как надежная теоретическая опора для последующего анализа оценочных моделей и ценностных оппозиций в выбранном материале.

А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев исходят из того, что каждый естественный язык фиксирует «языковую картину мира» как совокупность представлений, заключенных в значениях слов и выражений; эта совокупность образует систему не только взглядов, но и предписаний, задающих носителям языка «правильные» способы интерпретации ситуации (в том числе через имплицитные компоненты значения и фоновые допущения, которые в коммуникации принимаются как самоочевидные) [Зализняк 2005: 181]. Отсюда следует, что культурно-этическая нормативность может быть реконструирована не «вне языка», а из семантики и устойчивых способов выражения, где закреплены типовые ожидания, интерпретации и оценки.

А.А. Зализняк вводится представление о ключевых идеях русской языковой картины мира как об инвариантных смысловых установках, связанных с системой ключевых концептов и обнаруживаемых в языке через

«ключевые» (часто лингвоспецифичные и труднопереводимые) слова и выражения [Зализняк 2012: 10]. В качестве опорных узлов называются, например, *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость,* а также целый ряд единиц, где культурно значимая идея «вшита» в значение и воспроизводится на разных языковых уровнях – в лексике, конструкциях, словообразовательных моделях. Значимость определенной идеи для языковой картины мира подтверждается, с одной стороны, ее повторяемостью в значениях разных языковых единиц, а с другой – трудностью передачи ее культурно обусловленного содержания при переводе с исходного языка на другой язык. При этом наряду со словом, значение которого включает специфический для данной культуры компонент, может существовать близкое по значению слово, не выражающее этого компонента.

Для лингвоаксиологии важен подход, предполагающий выявление культурно обусловленных представлений в значениях языковых единиц и способах их употребления. Он позволяет рассматривать оценку не только как характеристику объекта по шкале «хорошо – плохо», но и как суждение о соответствии или несоответствии поступков, качеств человека и событий принятым в определенной культуре этическим нормам. Эти нормы могут проявляться как в значениях слов, например обозначающих одобряемые или осуждаемые качества человека, так и в типичных способах выражения похвалы, осуждения и других оценочных суждений.

Иначе говоря, оценочные средства (включая «этические» и «эмоционально-нормативные» предикативы типа *стыдно/совестно, обидно/жалко,* лексемы *обида, попрек, справедливость, пошлость* и т. п.) выступают индикаторами того, какая норма мыслится «по умолчанию» и какие отклонения от нее становятся коммуникативно значимыми. В результате «нормативный слой» в модели оценки не задается философской аксиологией, а реконструируется из устойчивых языковых средств и их семантики, что сохраняет исследование в границах лингвистической методологии.

В.И. Карасик определяет широкий спектр оценочных установок как лингвистических ценностей, охватывающих взгляды на различные сущности, такие как *старшие и младшие индивиды, дети, женщины и мужчины, животные, собственность, здоровье и болезни, смерть, соревнования и игры, труд и подвиг, чудеса и повседневная жизнь, уединение, дом, земля и небо, природные явления, время и пространство*. Эта концептуализация составляет основу языковой картины мира [Карасик 2002: 166].

С другой стороны, В.Л. Гак организует ценности в иерархическую структуру идеалов – ценностей высшего порядка – непреложных человеческих истин, которые, как считается, дарованы человечеству божественными силами, что перекликается с историческими примерами, такими как Моисей, получающий заповеди на горе Синай, и пророк Мухаммед, служащий голосом Аллаха в своей первой проповеди. На протяжении всей истории первостепенные вопросы веры и этики неизменно имели приоритет. Бог в этих случаях призывает людей придерживаться определенных стандартов, касающихся пользы, земного порядка и удовольствий. Ценности более высокие воспринимаются как данность, резко контрастируя с ценностями более низкими, связанными с удовольствием или выгодой [Гак 1971: 528].

Г.Н. Скляревская предлагает рассматривать «категорию оценки» как системный параметр значения, который требует строгого терминологического упорядочивания – выделения базовых понятий, их функций и рабочих границ, чтобы описывать оценочную семантику без смешения с соседними явлениями [Скляревская 1993: 179], что задает «рамку» для согласованного употребления терминов в исследованиях оценочной лексики и для сопоставимости результатов. Важное продолжение этой линии у Г.Н. Скляревской – лексикографическое закрепление оценочных (прагматически маркированных) компонентов: они могут быть зафиксированы эксплицитно (пометы/ремарки/комментарии) и имплицитно (через формулировку толкования и подбор иллюстративного материала),

поэтому словарь выступает одним из ключевых инструментов объективации оценки в языке [Скляревская 1997: 168].

Ценности могут быть разделены на материальные и духовные, и в зависимости от содержания они могут быть религиозными, моральными, эстетическими, социальными, политическими или экономическими. Примечательно, что все ценности антропогенны, являются результатом человеческого понимания, оценки и практического применения. Эта система ценностей не распространяется на животный и растительный мир; например, лев не будет мирно лежать рядом с ягненком, а скорее съест его, чтобы утолить голод. Точно так же золото не имеет никакого значения для животных; они остаются безразличными к нему.

Система ценностей имеет человеческое, социальное и культурное значение при интерпретации определенных реалий. Норма – это общепринятое правило и образец поведения, в то время как идеал – это предполагаемый образ, который формирует мышление и действия человека. Концепт, понимаемый как ментальный опыт и система узнаваемых знаков и символов, непрерывно развивается в тандеме с общественным прогрессом. Его семантические компоненты претерпевают изменения, при этом добавляются или утрачиваются определенные нюансы понимания.

Истоки аксиологического изучения языка восходят к классической философии – к этическим системам Аристотеля и Платона, в которых понятия добра, блага и красоты рассматривались как универсальные категории бытия. Однако в качестве самостоятельного философского направления аксиология оформилась в конце XIX – начале XX века в трудах Р. Г. Лотце, В. Виндельбанда и Г. Риккерта, разграничивших сферу сущего и сферу должного, действительного и ценностного. Последующее развитие аксиологической мысли в XX веке связано с именами М. Шелера, Н. Гартмана и Дж. Дьюи, каждый из которых предложил оригинальную концепцию природы ценности и ее места в системе человеческого познания. Для лингвистики принципиально важным стало постепенное осознание того,

что ценности не существуют вне языкового выражения: они кристаллизуются в словах, устойчивых оборотах, синтаксических моделях и жанровых конвенциях.

В отечественной лингвистике систематическое изучение оценки как языковой категории началось в 1970–80-х годах. Один из первых развернутых семантических анализов оценочных структур был предпринят Н.Д. Арутюновой, разработавшей детальную типологию оценочных значений. В монографии «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт» исследователь выделяет сенсорно-вкусовые, психологические (эмоциональные и интеллектуальные), эстетические, этические, утилитарные, нормативные и телеологические типы оценок [Арутюнова 1988: 75–99]. Данная классификация имеет принципиальное методологическое значение, поскольку позволяет разграничить частные виды оценочных значений и соотнести их с конкретными языковыми средствами выражения. Н.Д. Арутюнова убедительно показывает, что оценочность пронизывает всю лексическую систему языка. Именно этот тезис получает развитие в последующих лингвоаксиологических исследованиях и составляет один из базовых постулатов настоящей работы.

Параллельно и во многом в диалоге с концепцией Н.Д. Арутюновой развивалась теория оценки Е.М. Вольф, изложенная в монографии «Функциональная семантика оценки». Е.М. Вольф предлагает детально разработанную модель оценочного высказывания, в центре которой находится разграничение дескриптивного и оценочного компонентов значения [Вольф 1985: 11–22]. Согласно ее концепции, оценочное значение организуется аксиологическими шкалами «хорошо/плохо», которые структурируют представления носителя языка о норме и отклонении от нее, о желательном и нежелательном. Особую ценность для исследований фольклорных текстов представляет введенное Е.М. Вольф понятие «модальной рамки оценки», позволяющее учитывать субъективную и культурно-обусловленную природу оценочного суждения. Функциональный

подход Е.М. Вольф открывает возможность изучать оценку не только как семантическую категорию, но и как прагматическое явление, реализующееся в конкретных типах дискурса – в том числе в дискурсе народной сказки, в котором оценочные суждения приобретают характер коллективных нормативных установок.

Существенный вклад в формирование методологического аппарата лингвоаксиологии внесла теория коннотации В.Н. Телия. В монографии «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» исследователь определяет коннотацию как компонент значения, включающий оценочную, эмотивную, экспрессивную и стилистическую информацию [Телия 1986: 4–12]. Принципиально важным является положение о том, что коннотация функционирует как механизм передачи оценки через образность и эмотивность: именно коннотативный потенциал слова позволяет языковым единицам нести имплицитные ценностные смыслы, не фиксируемые в словарных дефинициях. Для лингвоаксиологического изучения сказочного текста это положение оказывается особенно релевантным, поскольку в сказке значительная часть аксиологической информации передается не через прямые оценочные суждения, а через образно-коннотативный потенциал лексики, фразеологии и символических номинаций. Теория В.Н. Телия, таким образом, предоставляет инструментарий для описания имплицитных механизмов аксиологической маркированности текста.

Важным этапом в развитии лингвоаксиологии стало формирование когнитивно-семантического подхода к описанию ценностей в языке. Фундаментальный вклад в разработку этого направления внес Ю.Д. Апресян, чья концепция «наивной картины мира» открыла принципиально новые перспективы для изучения связи между языком и ценностными представлениями носителей языка. В «Избранных трудах» Ю.Д. Апресян обосновывает понятие семантических примитивов – элементарных смысловых единиц, лежащих в основе лексических значений, – и разрабатывает теорию лексических функций как инструмент системного

описания словарного состава языка [Апресян 1995, т. 1: 56–70]. Понятие «наивной картины мира» позволяет установить, каким образом в лексической системе языка закреплены коллективные представления о норме, ценности и должном порядке вещей. Применительно к сказочному дискурсу данная концепция обеспечивает теоретическое обоснование для анализа тех устойчивых ценностных образов и нормативных суждений, которые воспроизводятся из текста в текст и составляют инвариантное ядро сказочной аксиологии.

В 1990–2000-е годы лингвоаксиология активно интегрировала достижения лингвокультурологии и дискурс-анализа. На этом этапе оформляется концептуальный подход к изучению ценностей в языке, наиболее последовательно представленный в работах В.И. Карасика. В монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В.И. Карасик разрабатывает теорию ценностного концепта как единицы лингвокультуры, включающей понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик 2002: 166–189]. Методология концептуального анализа, предложенная исследователем, позволяет реконструировать ценностную картину мира через изучение репрезентации концептов в языке и дискурсе. Особое значение для целей настоящего исследования имеет разработанное В.И. Карасиком представление о нормативно-оценочном измерении концепта, благодаря которому становится возможным рассматривать ключевые сказочные образы – «добро», «зло», «судьба», «правда» – как носители устойчивых ценностных смыслов, закрепленных в языке и актуализируемых в тексте.

На рубеже XX–XXI веков лингвоаксиология оформилась в самостоятельную научную дисциплину, располагающую собственной системой понятий, методологических принципов и исследовательских процедур. Привлечение методологического арсенала, созданного в трудах Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, Ю.Д. Апресяна и В.И. Карасика, позволяет сформировать комплексный и научно обоснованный

инструментарий для лингвоаксиологического анализа текстов русской народной сказки.

Таким образом, история лингвоаксиологии представляет собой путь от разрозненных наблюдений над оценочным потенциалом языка к системной научной дисциплине, интегрирующей семантические, когнитивные, прагматические и культурологические методы исследования ценностей.

В настоящее время лингвоаксиология активно развивается и взаимодействует с другими лингвистическими направлениями, предоставляя им как методологический инструментарий (например, семиометрия ценностных смыслов – метод, заимствованный лингвоаксиологией из социологии [Сергеева 1983: 114], так и завершенные наблюдения о ценностях в языке. Лингвоаксиология выступает как «потребитель» методологического инструментария философии и социологии, но внутри лингвистики она функционирует преимущественно как «донор», поставляя другим направлениям методы анализа ценностей и уже описанные ценностные структуры языка.

Важно отметить, что формирование границ, методологии и терминологии лингвоаксиологии все еще находится в стадии становления. Термины, такие как «аксиологическая проблематика», «ценностный подход», «аксиосфера», «аксиологичность», «аксиологическая горизонталь/вертикаль», связанные с аксиологией как разделом философии, еще не полностью утвердились в лингвистической литературе и используются не всегда последовательно. Наблюдается также неоднозначность в использовании терминов «оценка», «оценочность» и «ценность», хотя различия между ними описаны в лингвистической литературе.

Оценочность, рассматриваемая как лингвистическая категория, служит отражению мировоззрения человека, основываясь на речемыслительной операции оценки. Она тесно связана с представлениями о ценности объекта, сложившимися в языковом коллективе, и отличается социально-

исторической обусловленностью. Человек, взаимодействуя с обществом и окружающим миром, становится субъектом и объектом оценки, выражая свои ценностные отношения с использованием языковых средств оценки [Маркелова 1993: 5].

Термины «оценка» и «оценочность» часто используются как синонимы [Карпухина 2020: 66], но существует опыт разграничения этих понятий. Оценку можно определить как когнитивное действие, направленное на приписывание отрицательных или положительных свойств предмету и определение его ценности для субъекта, в то время как оценочность – это свойство языковой единицы, ее способность эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта и занимать определенное место в лингвоаксиологическом поле [Марьянчик 2005: 7].

И.А. Стернин выделяет коммуникативную оценочность как фактор коммуникативного поведения, который включает в себя стремление к вербальной оценке ситуаций и лиц, степень категоричности высказываемых оценок, допустимость негативных оценок в разговоре и другие аспекты [Стернин 2003: 11]. Термин «оценочность» может также обозначать насыщенность оценками определенного коммуникативного пространства.

В работе В.В. Лопатина выделяются два уровня понимания оценки: узкое, связанное с характеристикой объектов, признаков, фактов и ситуаций по критерию «хорошо – плохо», и широкое, где в оценочную сферу включаются характеристики «истинно – ложно» и «важно – неважно». По словам В.В. Лопатина, «оценочными (квалификативными)» считаются компоненты языка, которые, воздействуя на денотативное, референтное или пропозициональное содержание высказываний, корректируют его с точки зрения субъекта речи [Лопатин 2007: 536-537].

Эта точка зрения согласуется с классификацией Н.Д. Арутюновой, основанной на различении обще- и частнооценочных значений. Взаимодействие ценностей и оценок в текстовом пространстве находит свое отражение через функциональную семантико-стилистическую категорию

аксиологичности, определенную как «способность воспроизводить, моделировать, корректировать и создавать ценности/антиценности в языковой картине мира автора/адресата текста» [Марьянчик 2013: 248].

Таким образом, общее стремительное развитие и взаимодействие лингвоаксиологии с другими лингвистическими направлениями объясняется интересом к категории ценности, выражаемой в языке, и вопросами о ее взаимосвязи с оценкой. Популярность лингвоаксиологического подхода приводит к его обширной терминологии, что иногда может затруднять понимание и интерпретацию отдельных концепций.

Подводя итог рассмотрению понятийного аппарата лингвоаксиологии, необходимо зафиксировать рабочие определения ключевых терминов, используемых в настоящем диссертационном исследовании, поскольку именно их последовательное применение обеспечивает методологическую целостность анализа.

Аксиологически маркированная языковая единица – языковая единица (лексема, фразеологизм, устойчивая формула, синтаксическая конструкция), в семантике которой закреплен оценочный компонент – положительный или отрицательный, эксплицитный или имплицитный, – соотносящий обозначаемое явление, персонаж или ситуацию с нормативной шкалой ценностей, принятой в данной лингвокультуре. Такая единица способна нести этическую, утилитарную, эстетическую, религиозную или социальную оценку и функционировать как непосредственный носитель ценностных смыслов на любом уровне текстовой организации.

Оценочное значение – компонент лексического или фразеологического значения, выражающий квалификативное суждение субъекта речи об объекте (персонаже, действии, явлении, качестве) по шкале «хорошо – плохо» и ее частных разновидностей (нравственно/безнравственно, красиво/безобразно, полезно/вредно и др.). Оценочное значение не сводится к прямым оценочным предикатам: оно может быть имплицировано коннотацией, образностью, пресуппозицией или выбором номинации, что особенно характерно для

языка фольклорного текста, в котором оценка нередко передается через устойчивые формулы и символически нагруженные единицы.

Способы языковой объективации ценностных смыслов – совокупность лингвистических механизмов, посредством которых ценностное содержание получает устойчивое выражение в тексте. В настоящей работе к ним относятся: лексико-семантические средства (оценочная лексика, постоянные эпитеты, антонимические оппозиции типа «добро – зло»); фразеологические средства (идиомы, устойчивые формулы, символические номинации); грамматические средства (оценочные аффиксы, предикативные и атрибутивные конструкции, синтаксическое отрицание); нарративные средства (формулы зачина, медиальные и финальные конструкции, формулы финальной санкции). Именно через перечисленные способы ценностная картина мира русской народной сказки получает системное языковое воплощение.

1.2. Развитие и становление лингвоаксиологии

Формирование лингвоаксиологии уходит своими корнями в размышления античных философов, которые «оценку» трактовали как «отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности и поведению, при котором определяется их значимость и приверженность определенным нормам и моральным принципам, проявляющееся через одобрение или осуждение, согласие или критику» [Скворцова 2019: 275]. Суть философского исследования конфликта между добром и злом служит стержневой точкой для проникновения в сферу общечеловеческих ценностей.

Размышляя над сутью центральной философской проблемы, Платон обращает внимание на следующий вопрос: «...то знание, которое имеет первостепенное значение, что именно оно позволяет человеку понять? Добро и зло... Сознательная жизнь не ведет к благополучию и счастью, и не все

науки, каким бы множеством они ни были, а только одна – единственная наука о добре и зле» [Платон 2005: 224]. Платон не только вводит дихотомию добра и зла, но и является пионером в изучении этого фундаментального затруднения.

Понимание ценностей в том же направлении прослеживается в трудах древнего философа Сократа, современника и противника в диалогах Платона. Примечательно, что Сократ был первым, кто сформулировал специфический аксиологический вопрос: «Какое значение имеет исследуемый феномен для индивида и его души?» [Там же: 92].

Общая траектория развития теории оценки в Средние века определяется всепроникающим влиянием религиозной и теологической этики на более широкую эволюцию философских доктрин. В этот период понятие добра оказывается неразрывно связанным с представлениями о благодати и добродетели, прежде всего – любви к Богу. Соответственно, средневековая мысль демонстрирует устойчивое разграничение человеческой деятельности с точки зрения всеобъемлющих ценностных концепций, которые сохраняются на протяжении веков и закрепляют подход, сосредоточенный на фундаментальных религиозно-этических категориях «добра» и «зла» в общечеловеческом контексте.

В XVII веке в Европе происходит принципиальный сдвиг, связанный с формированием новой философской парадигмы Нового времени. В этот период появляются иные интерпретации ценностей, в рамках которых на первый план выдвигается личность и ее взаимодействие с материальным миром. Ключевым становится не только божественный принцип, но и человек как автономный субъект, наделенный волей, чувствами и желаниями. Наиболее отчетливо эта переориентация выражена в фундаментальном труде одного из крупнейших мыслителей Нового времени – Томаса Гоббса «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). Гоббс переосмысливает понятие добра, обращаясь к эмоционально-волевой сфере индивида и анализируя оппозиции

«притяжение – отвращение», «любовь – ненависть», на основе которых формулирует обобщенные ценностные представления о добре и зле [Гоббс 2001: 99].

Примечательным достижением философии Нового времени является признание субъективности, присущей отношению к понятиям добра и зла. Философ Джон Локк утверждает необходимость учета субъективных различий во мнениях о хорошем и плохом, подчеркивая причинный мотив оценки, то есть ее направленность «от мира к человеку». Локк утверждает, что при описании оценки крайне важно признавать градацию хорошего и плохого, признавая, что она может варьироваться по интенсивности [Зайченко 1988: 45].

Постклассический период аксиологии продолжается с 1930-х годов до настоящего времени и, в общем, основывается на концепциях, разработанных в предшествующих периодах. В данное время происходит не столько углубление, сколько расширение области применения аксиологических знаний в различных областях антропных, социальных и гуманитарных наук, как в теоретических, так и в прикладных аспектах. Заметное развитие получает аксиологический натурализм субъективистской направленности, согласно которому вещь обладает ценностью в соответствии с ее степенью желательности. Ценности могут иметь основой интерес (Р. Перри), долгосрочное удовлетворение (К. Льюис) или мотивацию и желание (Дж. Дьюи).

В этот период также развивается феноменологическое направление, в рамках которого изучаются ценностные суждения, рассматриваемые не как эмпирические, а как синтетические, что включает в себя, например, эстетические и теоретические переживания с соответствующими установками (Р. Ингарден). Кроме того активно разрабатывается семиотическое толкование ценностей на основе философии языка (Я. Мукаржовский).

Представители аналитической философии, такие как А. Айер и другие, настаивают на неопределенности ценностных понятий и утверждают, что оценочные понятия и суждения не обладают подлинным когнитивным содержанием, а лишь выражают определенные эмоциональные состояния. При внимательном рассмотрении современных философских направлений становится очевидно, что центральная трудность аксиологических теорий связана с прояснением сложной взаимосвязи между оценочным и описательным значениями, что актуализирует необходимость прямого анализа языковых проявлений соответствующих категорий. Подобно Т. Гоббсу, выступавшему за разграничение оценочных и описательных слов, многие современные философы стремятся исследовать эти два типа понятий в относительной автономии друг от друга, одновременно обозначая и уточняя характер их взаимосвязи.

Показательной в этом отношении является позиция английского философа Дж. Мура, который трактует «добро» как простое, неразложимое на более элементарные компоненты понятие, не поддающееся строгому определению. По сути, Мур утверждает, что за оценочными предикатами стоит не исчерпывающее описание объекта, а лишь одно из его свойств – особый атрибут, не сводимый к сфере естественных (то есть описательных) качеств [Мур 1984: 67].

Из сказанного следует, что аксиология создает необходимый методологический фон для исследования ценностей, однако для филологической работы принципиально важно определить, каким образом ценностные отношения получают языковую форму. В лингвистике категории ценности, иерархии и оппозиции переосмысливаются как элементы семантики, текстовой структуры и нарративной организации, что позволяет перейти от абстрактного рассуждения о ценностях к анализу конкретных языковых средств их выражения.

Обращение к проблеме становления аксиологии закономерно вытекает из ее общей истории, однако простое воспроизведение философских

концепций ценности для лингвистического исследования недостаточно. Аксиология как раздел философии выработала фундаментальные представления о природе ценностей, их иерархии, оппозициях и механизмах функционирования в культуре, но собственно лингвистический интерес возникает в тот момент, когда исследовательский фокус смещается от ценности как абстрактной мировоззренческой категории к способам ее языкового выражения.

Следующий шаг в развитии данной проблематики был связан с расширением предметного поля: от описания отдельных оценочных слов и конструкций исследование переходит к выявлению устойчивых аксиологических моделей, закрепленных в языке. Здесь на первый план выходят вопросы о том, как формируется ценностная картина мира, каким образом язык участвует в закреплении социально и культурно значимых представлений о добре и зле, норме и отклонении, должном и недолжном, прекрасном и безобразном. Таким образом, лингвистический интерес смещается от локальной характеристики конкретных оценочных единиц к системному описанию аксиологически маркированных смыслов, распределенных по различным уровням языка и текста [Новоселова 2019: 110].

Особое значение для становления лингвоаксиологии имели исследования, выполненные на стыке семасиологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и теории текста. С одной стороны, семантический подход позволил описывать ценностные компоненты значения, выявлять способы их включения в денотативную и коннотативную структуру языковой единицы. С другой стороны, когнитивно‑дискурсивная перспектива сделала возможным рассмотрение аксиологической информации не как статичного свойства отдельного слова, а как результата функционирования языковых средств в составе более сложных смысловых образований: концептов, сценариев, фреймов, текстовых моделей. Лингвокультурологический аспект, в свою очередь, показал, что ценности

закрепляются в языке как элементы коллективного культурного опыта и проявляются в устойчивых образах, символических номинациях, фразеологии, паремиологии и стереотипных речевых формулах, как отмечает О.В. Ломакина [Ломакина 2025: 622].

На этом фоне и складывается собственно лингвоаксиология – область, предметом которой становятся языковые средства репрезентации ценностей и оценок, а также способы организации аксиологической картины мира в тексте. В современных работах лингвоаксиология определяется как направление, исследующее аксиологическую маркированность языковых единиц, закономерности их функционирования в речи, а также механизмы формирования и интерпретации ценностных смыслов. Существенно, что в рамках данного подхода ценность рассматривается не только как внешняя по отношению к языку культурная данность, но и как категория, получающая специфическое языковое оформление и потому доступная для филологического анализа.

Важным этапом в развитии лингвоаксиологии стало осознание того, что носителями аксиологической информации выступают не только единицы лексического уровня. Первоначально исследовательское внимание действительно сосредоточивалось преимущественно на оценочной лексике, то есть на словах, прямо или косвенно выражающих положительную или отрицательную квалификацию. Однако дальнейшее развитие науки показало, что аксиологическая семантика реализуется значительно шире: в устойчивых словосочетаниях, фразеологизмах, паремиях, текстовых формулах, системе повторов, композиционных оппозициях и нарративных моделях. Благодаря этому лингвоаксиология приобрела межуровневый характер и стала оперировать не только понятием оценочной единицы, но и понятием лингвоаксиологической структуры текста [Общая и русская лингвоаксиология 2022: 55].

Отдельного внимания заслуживают исследования аксиологически маркированных текстов, прежде всего художественных и фольклорных.

Работы по аксиологии художественного текста показали, что ценность проявляется не только в прямой авторской оценке, но и в системе мотивов, в распределении персонажных ролей, в композиции, в характере речевых портретов и в организации сюжетных противопоставлений. В результате лингвоаксиологический анализ стал рассматриваться как способ выявления глубинной ценностной организации текста, его смыслового центра и механизмов воздействия на адресата. Этот шаг был принципиально важен для лингвоаксиологии, поскольку он позволил перейти от описания «оценочных слов» к анализу текста как целостного лингвоаксиологического образования.

Ценностная оппозиция в лингвистическом аспекте понимается как бинарная смысловая модель, реализуемая через противопоставление лексем, образов, характеристик персонажей, типов действия и финальных санкций. Аксиологический сценарий, в свою очередь, может быть описан как типовая текстовая модель, в которой ценностная установка разворачивается в последовательность мотивированных речевых и сюжетных шагов. Тем самым философские категории не переносятся в лингвистику механически, а переосмысливаются в соответствии с задачами анализа языкового материала, что отмечает Д.А, Новоселова [Новоселова 2019: 115].

Такое переосмысление особенно важно для исследования сказочного текста. В русской народной сказке ценностная иерархия обнаруживает себя не в отвлеченной форме, а через систему повторяющихся языковых характеристик: положительно маркированные персонажи описываются посредством определенного набора эпитетов, номинаций и формульных высказываний; отрицательные персонажи, напротив, получают устойчивые языковые показатели антиценности; кульминационные и финальные эпизоды закрепляют санкцию, подтверждающую нормативность определенного типа поведения. Следовательно, анализ лингвоаксиологической структуры сказки невозможен без выявления тех языковых средств, которые делают ценностные смыслы текстуально зримыми и интерпретационно значимыми.

В современной научной парадигме лингвоаксиология включает несколько устойчивых исследовательских направлений. Во-первых, это изучение оценочной лексики и оценочной семантики как ядра языковой репрезентации ценностей. Во-вторых, это анализ фразеологического и паремиологического фонда языка как области концентрированного выражения коллективных норм и представлений. В-третьих, это исследование концептов ценностного типа и ценностной картины мира, формирующих культурно обусловленные модели интерпретации действительности. Наконец, это анализ аксиологически маркированных текстов и дискурсов, в рамках которого внимание переносится на текстовые механизмы организации оценки и ценности. Все эти направления в совокупности и образуют методологический фундамент современного лингвоаксиологического исследования.

В свете сказанного лингвоаксиология в настоящем исследовании понимается как направление, ориентированное на выявление, описание и интерпретацию языковых средств выражения ценностей в структуре текста. Предметом ее являются аксиологически маркированные единицы разных уровней – слова, словосочетания, фразеологизмы, символические номинации, устойчивые формулы, а также более крупные текстовые образования, включая нарративные структуры. Цель лингвоаксиологического анализа состоит в реконструкции ценностной картины мира, закрепленной в тексте, и в установлении тех механизмов, посредством которых она становится понятной для адресата и воздействует на него. Соответственно, основными единицами анализа выступают оценочная лексика, фразеологические комплексы, символические образы, речевые формулы, сюжетно-нарративные модели и иные средства текстовой репрезентации ценности [Новоселова 2019: 115].

Краткое историческое резюме становления лингвоаксиологии позволяет выделить несколько этапов. На первом этапе исследовательский

интерес был сосредоточен на оценке как компоненте значения и на описании отдельных средств выражения положительной и отрицательной квалификации. На втором этапе предмет расширяется за счет включения аксиологической семантики, ценностных оппозиций и культурно обусловленных моделей интерпретации мира. На третьем этапе центр внимания смещается к тексту и дискурсу: исследуются аксиологически маркированные жанры, текстовые сценарии, способы распределения оценки между персонажами и сюжетными ролями, механизмы формирования ценностной картины мира текста. Именно эта последняя стадия делает возможным обращение к русской народной сказке как к материалу, в котором ценность закреплена не на одном уровне, а в целостной системе взаимосвязанных языковых средств.

Применительно к задачам настоящего исследования особую значимость имеют те положения философской и лингвистической аксиологии, которые допускают продуктивную операционализацию на материале сказки. К ним относятся, прежде всего, идея ценностной оппозиции, позволяющая описывать бинарные структуры сказочного мира; представление о ценностной иерархии, необходимое для анализа доминирующих и периферийных смыслов; а также понятие лингвоаксиологического сценария, раскрывающее типовые модели развертывания ценности в тексте. В работе эти категории рассматриваются не сами по себе, а как методологические инструменты анализа языковой ткани сказки, то есть тех лексических, фразеологических, символических и нарративных средств, через которые ценностная организация текста получает вербальное выражение.

Тем самым обращение к становлению лингвоаксиологии позволяет не только устранить разрыв между философской теорией ценностей и филологическим анализом текста, но и обосновать исследовательскую оптику настоящей диссертации.

1.3. Лингвоаксиологический потенциал русской народной сказки

Русская народная сказка традиционно рассматривается как один из центральных жанров фольклора, в котором в повествовательной форме концентрируются устойчивые представления народа о должном и недолжном, хорошем и плохом, допустимом и недопустимом. Будучи коллективным устным текстом, сказка закрепляет в языке базовые морально-нравственные ориентиры и типичные модели поведения, что делает ее особенно значимым объектом лингвоаксиологического анализа.

С.Г. Лазутин в исследовании поэтики фольклора показывает, что повторяемость и устойчивость языковых единиц в народной поэзии - прямое следствие ее коллективной природы: язык фольклора нормирован традицией, и именно эта нормированность создает устойчивый ценностно-оценочный «каркас» текста [Лазутин 1981: 47]. В.П. Аникин, характеризуя поэтический язык сказки, указывает на то, что постоянные эпитеты, формулы повторений и устойчивые образы выполняют в сказочном тексте роль аксиологических маркеров, без которых невозможна передача нравственной позиции повествования [Аникин 2004: 479]. Е.И. Алещенко, изучая концептуальную картину мира в фольклорном тексте, утверждает, что сказочный дискурс формирует особую языковую картину мира, в которой ценности закрепляются через систему повторяющихся языковых средств [Алещенко 2007: 54].

Ключевой лингвистической характеристикой сказочного текста является его формульность – опора на устойчивые речевые конструкции, воспроизводимые в относительно неизменном виде от текста к тексту. Теоретическое обоснование формульной природы устного эпоса дал А.Б. Лорд, определивший формулу как группу слов, регулярно используемую при одинаковых метрических условиях для выражения данной существенной идеи [Lord, 1960]. Применительно к русской народной сказке формульность проявляется в устойчивых зачинах («жили-были», «в некотором царстве, в

некотором государстве»), медиальных конструкциях («долго ли, коротко ли», «ни в сказке сказать, ни пером описать»), концовках («стали жить-поживать и добра наживать»), а также в повторяющихся моделях описания действия и характеристики персонажей. В.Я. Пропп, анализируя морфологию сказки, показал, что устойчивость формул определяется не произвольным повторением, а функциональной необходимостью: каждая формула закреплена за определенной нарративной позицией и несет конкретную смысловую нагрузку [Пропп 2000: 117]. Б.Н. Путилов, развивая представления о фольклорной формуле, подчеркивал, что она является не просто стилистическим приемом, но устойчивой единицей традиции, концентрирующей в себе коллективный опыт и нормативные установки [Путилов 1994: 56].

Важнейшим языковым средством выражения ценностных смыслов в сказке является постоянный (устойчивый) эпитет. А.А. Потебня, анализируя природу художественного образа, указывал, что эпитет в фольклоре не столько описывает признак предмета, сколько выражает отношение к нему, становясь носителем оценочного значения [Потебня 1990: 105–112]. А.Н. Веселовский в концепции психологического параллелизма показал, что устойчивые эпитеты в народной поэзии формируют систему соответствий между внешним миром и внутренним состоянием человека, закрепляя в языке определенные ценностные ассоциации [Веселовский 2006: 78–84]. Постоянные эпитеты русской сказки – «добрый молодец», «красна девица», «лихой человек», «чисто поле», «темный лес» – представляют собой устойчивые аксиологически маркированные номинации, в которых прилагательное является не столько дескриптивным, сколько оценочным элементом. Так, «добрый» в сочетании «добрый молодец» актуализирует не утилитарный признак («полезный»), а этическую и социальную норму – образ молодого человека, соответствующего народному идеалу; «красна» при «девице» несет одновременно эстетическую и нравственную оценку; «лихой» маркирует персонажа как носителя антиценности – агрессии,

своеволия, нарушения нормы. Данные единицы функционируют как готовые аксиологические маркеры, сигнализирующие читателю о нормативной позиции текста по отношению к персонажу или явлению еще до разворачивания сюжета.

Фольклорные формулы сказки обладают не только структурной, но и ярко выраженной аксиологической функцией. Рассмотрим наиболее показательные из них. Зачинная формула «жили-были» представляет собой бинарную глагольную конструкцию с редупликацией основы, вводящую повествование в условное временное пространство и одновременно закрепляющую идею нормального, упорядоченного существования как исходного ценностного состояния, нарушение которого запускает сюжет. Формула «ни в сказке сказать, ни пером описать» – паратаксическая конструкция с двойным отрицанием – выражает превосходную степень оценки: красота, богатство или чудесное явление настолько значительны, что превосходят возможности языка; тем самым конструкция маркирует высшую точку аксиологической шкалы, возводя описываемое явление в разряд абсолютной ценности. Формула «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» – пословичная конструкция с противительной связью – фиксирует нарративное осознание дистанции между идеальным (сказочным) и реальным мирами, одновременно транслируя ценность терпения и труда как необходимых условий достижения желаемого. Концовочная формула «стали жить-поживать и добра наживать» закрепляет положительный итог испытаний: «добро» здесь функционирует одновременно как материальная и нравственная ценность, а сама конструкция представляет собой аксиологический финальный аккорд, подтверждающий правоту положительного героя и восстановление нарушенного нормативного порядка. Аналогична функция формулы «устроили пир на весь мир»: фразеологизированное сочетание «на весь мир» актуализирует ценность соборности – коллективного, разделенного с другими счастья, – противопоставленной индивидуализму и эгоизму как антиценностям.

Особую роль в языковой организации сказочного текста играет фольклорная фразеология. О.В. Ломакина, исследуя фразеологические единицы в текстах устного народного творчества, показывает, что фольклорная фразеология является концентрированным выражением народных ценностных установок: идиомы и устойчивые обороты сказки аккумулируют в себе нравственный опыт, сложившийся на протяжении многих поколений, и транслируют его в компактной, легко воспроизводимой форме [Ломакина 2017: 88]. В.Н. Телия, разрабатывая концепцию фразеологических единиц как носителей культурного кода, подчеркивает, что фразеологизм хранит «культурную память»: его внутренняя форма и образность отсылают к архаическим представлениям о мире и закрепляют типичные оценочные сценарии, в которых те или иные явления, поступки или персонажи квалифицируются как соответствующие или противоречащие народной аксиологической норме [Телия 1999: 102]. Применительно к сказочному тексту это означает, что устойчивые обороты типа «ни в сказке сказать, ни пером описать», «скоро сказка сказывается» или «пир на весь мир» функционируют не просто как образные выражения, но как аксиологические сигналы, встраивающие описываемое явление в ценностную картину мира сказки.

Фольклорные формулы сказки обладают не только структурной, но и ярко выраженной аксиологической функцией. Зачинная формула «жили-были» - бинарная глагольная конструкция с редупликацией основы - вводит повествование в условное временное пространство и одновременно закрепляет идею нормального, упорядоченного существования как исходного ценностного состояния, нарушение которого запускает сюжет. Формула «ни в сказке сказать, ни пером описать» – паратаксическая конструкция с двойным отрицанием – маркирует высшую точку аксиологической шкалы, возводя описываемое явление в разряд абсолютной ценности. Пословичная конструкция «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» фиксирует нарративное осознание дистанции между идеальным и реальным

мирами, транслируя ценность терпения и труда как необходимых условий достижения желаемого. Концовочная формула «стали жить-поживать и добра наживать» закрепляет положительный итог испытаний: «добро» функционирует одновременно как материальная и нравственная ценность, подтверждая правоту положительного героя и восстановление нормативного порядка. Формула «устроили пир на весь мир» актуализирует ценность соборности – коллективного, разделенного с другими счастья, – противопоставленной индивидуализму и эгоизму как антиценностям.

Особую группу языковых средств аксиологической репрезентации составляют формулы финальной санкции – конструкции, фиксирующие воздаяние персонажу в соответствии с его ценностной позицией.

В языке сказки система номинаций персонажа строго аксиологически организована. Имена и устойчивые именования героев несут значительную оценочную нагрузку, определяя их нормативный статус в тексте. «Василиса Прекрасная» и «Елена Премудрая» содержат эпитеты, актуализирующие два ключевых аксиологических измерения женского идеала – эстетическое и интеллектуально-нравственное. «Иван-царевич» как номинация закрепляет благородное происхождение и соответствие социальной норме; «Иванушка-дурачок», напротив, содержит диминутивный суффикс и оценочную характеристику «дурак», которая в ходе нарратива переосмысляется: «дурость» героя оказывается особым видом мудрости, открытостью к чудесному и готовностью к искренности, что демонстрирует парадоксальную аксиологическую инверсию, характерную для сказочного текста. Таким образом, уже на уровне номинации сказка задает ценностную рамку восприятия персонажа, формируя у читателя/слушателя четкие оценочные ожидания.

Совокупность рассмотренных языковых механизмов позволяет рассматривать русскую народную сказку как целостную лингвоаксиологическую систему, в которой ценностные смыслы закреплены на всех уровнях текстовой организации – лексическом, фразеологическом,

грамматическом и нарративном. Формульность языка обеспечивает устойчивость и воспроизводимость аксиологических маркеров; постоянные эпитеты формируют систему нормативных характеристик персонажей и явлений; фольклорные формулы фиксируют ценностные состояния и переходы между ними; конструкции финальной санкции закрепляют принцип нравственного воздаяния. Сказочный текст, таким образом, не просто содержит ценностную информацию – он организован таким образом, что сама его языковая структура является носителем и транслятором аксиологических установок, складывавшихся на протяжении многих поколений коллективного творчества.

Текстовая организация рассмотрена в следующих аспектах:

1. Лексический аспект. Оценочная лексика («добрый», «злой», «умный», «глупый», «худой знак», «страшное дело»), устойчивые характеристики героев («молодец», «умница-разумница», «дурачок»), типичные обозначения состояний и итогов («стали жить-поживать и добра наживать») задают систему позитивных и негативных качеств, которые маркируются как норма или отклонение.

2. Фразеологический и формульный аспект. Частотные формулы начала и конца («жил-был», «долго ли, коротко ли», «стали жить-поживать…»), пословичные и паремийные вставки, устойчивые реплики персонажей служат компактными носителями оценочных установок и фиксируют ценностные итоги повествования (награждение, наказание, восстановление справедливости).

3. Символический аспект. Образы и предметы (дорога, лес, дом, печь, мост, вода, чудесные помощники, «легкая» и «тяжелая» работа, «правый» и «левый» путь) несут устойчивую лингвоаксиологическую нагрузку: они противопоставляют опасное и безопасное, свое и чужое, чистое и нечистое, благодать и угрозу.

4. Нарративный аспект. Типовые сюжетные ходы («испытание героя», «нарушение запрета», «путь туда – не знаю куда», «чудесное

спасение», «справедливое воздаяние») организуют развертывание лингвоаксиологических сценариев: через последовательность событий и речевых актов закрепляется, какое поведение признается должным, а какое ведет к наказанию.

5. В настоящем исследовании русская народная сказка рассматривается как текст, в котором ценностная картина мира народа получает устойчивое языковое оформление. Материалом служат тексты из трехтомного сборника А.Н. Афанасьева, а также из сборников Ю.Г. Круглова и В.П. Аникина; на их основе формируется картотека средств вербализации лингвоаксиологических характеристик. Такой корпус позволяет выявить и описать систему лексических, фразеологических, символических и нарративных средств, посредством которых сказка реализует базовые ценностные оппозиции («добро – зло», «свое – чужое», «правда – кривда»), выстраивает ценностные иерархии и формирует устойчивые лингвоаксиологические сценарии.

Выводы по главе 1

Рассмотрение теоретико-методологических основ исследования позволило определить лингвоаксиологию как направление лингвистического анализа, изучающее способы выражения ценностей и оценок в языке и тексте. Становление данного направления связано с переходом от философского осмысления природы ценности к исследованию конкретных языковых средств, посредством которых закрепляются представления о значимом, желательном, должном и недопустимом. Для настоящей работы принципиально, что ценностное содержание рассматривается не как внешняя характеристика сказочного повествования, а как содержание, выраженное в значениях и взаимодействии его языковых единиц.

В качестве необходимого условия последовательного анализа установлено разграничение понятий «ценность», «оценка» и «оценочность».

Ценность обозначает признаваемые человеком или коллективом значимые блага, качества и ориентиры; оценка представляет собой суждение об объекте на основании определенного критерия; оценочность характеризует способность языковых средств выражать положительное или отрицательное отношение к обозначаемому. Указанное разграничение позволяет избежать отождествления ценностных представлений с отдельными эмоциональными реакциями и рассматривать оценочное высказывание с учетом субъекта, объекта и основания оценки. При этом индивидуальная позиция говорящего соотносится с культурно обусловленными нормами, но не обязательно полностью совпадает с ними.

Сопоставление семантического, функционального, когнитивного и лингвокультурологического подходов показало необходимость комплексного исследования ценностно-оценочного содержания. Его выявление предполагает анализ не только прямых оценочных обозначений, но и коннотаций, образных характеристик, словообразовательных средств, устойчивой сочетаемости и контекстных связей. Соответственно, отсутствие слов с явным значением одобрения или осуждения не свидетельствует об отсутствии оценки: она может формироваться посредством выбора номинации, противопоставления персонажей, представления событий с определенной точки зрения и описания последствий поступков.

Теоретически обоснована продуктивность обращения к русской народной сказке как материалу реконструкции ценностной картины мира. Коллективный характер фольклорной традиции и воспроизводимость речевых формул создают условия для сохранения устойчивых представлений о приемлемом и неприемлемом поведении. Вместе с тем ценностное содержание сказки нельзя выводить исключительно из принадлежности персонажа к определенному типу или из отдельно взятого эпитета. Его установление требует соотнесения исходной характеристики героя с его речью, действиями и итоговым положением в повествовании. Это особенно

существенно в случаях, когда первоначальная оценка персонажа переосмысляется по мере развития сюжета.

Определено, что исследование ценностной организации сказочного текста должно объединять лексико-семантический, фразеологический, грамматический и текстовый уровни анализа. Постоянные эпитеты и номинации задают первоначальные характеристики персонажей; устойчивые выражения и речевые формулы воспроизводят традиционные способы представления ситуаций; противопоставления и повторы обеспечивают связь частных оценок; описание награды, наказания или изменения положения героя позволяет выработать итоговое отношение к его поведению. При этом символическое значение образа и оценочная функция формулы должны подтверждаться контекстом, а не приписываться им заранее.

Таким образом, в первой главе сформирована методологическая основа последующего исследования: от выявления аксиологически маркированных единиц – к установлению их контекстных функций, реконструкции ценностных оппозиций и описанию типовых сценариев оценки поведения. Применение этой последовательности к выбранному сказочному материалу позволит раскрыть, какими языковыми средствами выражаются ценностные ориентиры и как их взаимодействие формирует целостную ценностную организацию текста.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

2.1. Языковая репрезентация мифологических компонентов ценностной картины мира русской народной сказки

Русская народная сказка, являясь одной из важнейших частей национального фольклора, сохраняет в себе множество мифологических смыслов, образов и традиционных ценностных представлений, значительная часть которых сегодня утрачена. Важно подчеркнуть, что указанные представления закрепляются в сказочном дискурсе не только на уровне сюжетной организации и образной системы, но и в системе языковых средств. Языковая репрезентация мифологических компонентов ценностной картины мира осуществляется через выбор лексики, типичные эпитеты, устойчивые формулы, символические номинации и нарративные конструкции, которые задают для адресата определенный способ оценивания персонажей, поступков и ситуаций. Помимо сюжета, персонажей и символики, сказка отражает глубинные философские представления народа о добре и зле, справедливости, судьбе, честности, мужестве, трудолюбии и других базовых аксиологических категориях.

Мифологические представления закрепляются в языке сказки через несколько устойчивых механизмов. Во-первых, через глагольные характеристики, приписывающие неодушевленным предметам и животным действия, типичные для человека: дерево говорит, конь думает, река отвечает. Во-вторых, через числовые повторы (три, семь, девять), которые не только организуют сюжет, но и служат структурным элементом аксиологической системы сказки, задавая ритм испытания и воздаяния. Именно эти языковые механизмы и будут рассмотрены в данном параграфе как основные инструменты репрезентации мифологического пласта ценностной картины мира.

В своей основополагающей работе «Русская сказка» В.Я. Пропп подчеркивает, что волшебная сказка представляет особый интерес, если рассматривать ее через призму исторической эволюции. Он утверждает, что «волшебная сказка воспринимается как символическое выражение глубочайшей древности. В древности эта мудрость казалась ясной и доступной – когда-то сама сказка была мифом» [Пропп 2000: 117]. Фольклорное повествование служат средством преобразования и сохранения фундаментальных мифологических верований, таких как анимизм и тотемизм, которые сыграли решающую роль в формировании человеческого познания и философских исканий.

Эдвард Б. Тайлор в книге «Первобытная культура» подчеркивает основополагающую роль анимизма как в примитивных, так и в развитых обществах, утверждая, что «анимизм действительно является основой философии как у дикарей, так и у цивилизованных народов» [Тайлор 1989: 211]. Его размышления о тотемических представлениях еще раз подчеркивают их огромное историческое значение, о чем свидетельствует их широкое географическое распространение: «В настоящее время наиболее важным фактом, касающимся тотемизма, является установление его исторического значения, выражающегося в широчайшем географическом распространении» [Там же: 383]. Анимизм, как мировоззрение, утверждает, что не только живые существа, но и неодушевленные предметы обладают душами, оказывают влияние на существование человека и могут выступать как в роли благодетелей, так и в роли врагов.

Живучесть анимистических мотивов очевидна в русском фольклоре, особенно в сказках, где деревья, кустарники или растения проявляют разум, наделяют главных героев волшебными дарами и вершат правосудие над противниками. Яркий пример можно найти в русской народной сказке «Жадная старуха», в которой дерево награждает скромного старика богатством за то, что он сохранил ему жизнь: «Жил старик со старухою; пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить.

Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю». – «Ну, сделай, чтобы я богат был». – «Ладно; ступай домой, всего у тебя вдоволь будет».

На лексическом уровне анимистическая традиция закрепляется прежде всего через устойчивые атрибутивные сочетания, в которых прилагательное несет аксиологическую нагрузку: *чудесная яблоня*, *волшебное дерево*, *заколдованный лес*. Прилагательные *чудесный* и *волшебный* обладают положительной коннотацией и маркируют объект как обладающий сверхъестественной и благой силой [МАС, т. 4: 686]. Это противопоставлено сочетаниям с отрицательной маркировкой: *дремучий лес*, *темная чаща*, *непролазная глушь*, где прилагательные *дремучий* (в переносном значении: «глухой, непроходимый», с коннотацией опасности и закрытости [Даль, т. 1: 492]) и *темный* фиксируют пространство угрозы и испытания.

На грамматическом уровне антропоморфизация дерева реализуется через переходные глаголы действия с субъектом-растением: *яблоня ответила*, *ветви склонились*, *дерево говорит*, *сучья расплетают*. Конструкции «не руби меня» (повелительное наклонение от имени дерева) и «что тебе надо, все сделаю» (глагол в форме 1 лица единственного числа с субъектом-деревом) придают растению статус речевого агента – существа, наделенного волей и ответственностью за судьбу человека.

В синтаксическом плане значима прямая речь дерева: она оформляется по той же модели, что и речь человека, – с обращением, предложением условия и обещанием вознаграждения. Тем самым дерево включается в коммуникативный контракт «милосердие – награда», который является базовым ценностным сценарием сказки. Именно глагольные конструкции (не лексема «дерево» сама по себе) становятся носителями аксиологического смысла: ценность бережного отношения к природе передается через синтаксис диалога, а не через прямое называние ценности.

На языковом уровне анимистическое представление об «оживленном» дереве реализуется, во-первых, в наделении его человеческими

способностями – оно говорит от первого лица, использует формы повелительного наклонения («не руби меня»), обещает награду («что тебе надо, все сделаю»). Во-вторых, в речи дерева присутствует формула исполнимого желания, которая закрепляет представление о дереве как субъекте, распоряжающемся человеческой судьбой. Таким образом, ценностный смысл (вознаграждение за милосердие, отказ от насилия) передается не только сюжетом, но и специфическим набором глагольных форм, обращений и модальных конструкций, которые маркируют дерево как носителя высшей справедливости.

Здесь дерево выступает в роли волшебного покровителя главного героя, изображаемого как разумное существо, наделенное разумом, речью и сверхъестественными способностями. Та же анимистическая традиция отражена в сказках, где волшебные деревья или кустарники вырастают на местах захоронений невинно убитых людей. Одним из таких примеров является русская сказка «Хаврошечка», в которой чудесная яблоня, выросшая из костей принесенной в жертву коровы, помогает героине выйти замуж за дворянина. Молодой человек клянется жениться на девушке, которая подаст ему яблоко, но завистливым сводным сестрам главного героя мешает разумное дерево, которое активно сопротивляется им: «Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне. А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами. Сестры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались – руки изодрали, а достать не могли» [Аникин 1959: 10]. И все же, когда Хаврошечка приближается, дерево отвечает ей щедростью: «Ветви склонились, и яблоки сами упали ей в руки [Аникин 1959: 10].

Языковая репрезентация ценностного потенциала чудесного дерева проявляется, в частности, в описании его поведения по отношению к разным персонажам: по отношению к сводным сестрам используются глаголы с семантикой сопротивления и наказания («сыплет листья в глаза»,

«расплетает косы», «не дает сорвать»), тогда как встреча с Хаврошечкой сопровождается глаголами с коннотативно положительной, «покровительственной» окраской («склонились ветви», «яблоки сами упали в руки»). Эти противопоставленные глагольные ряды формируют в тексте аксиологическую оппозицию «свое – чужое», «достойный – недостойный»: одно и то же дерево оказывается благосклонным к героине и враждебным к завистницам, а различие в ценностном статусе персонажей закрепляется именно в выборе глагольных характеристик. В данном случае важно, что оценка не называется прямо: позитивный и негативный статус персонажей задается через регулярно повторяющиеся глагольные конструкции, и именно они являются основным носителем аксиологического смысла.

При этом значительная часть аксиологической нагрузки оказывается связанной не с узуальным, словарным значением отдельных лексем, а с их функционированием в устойчивых сказочных контекстах. Так, слова «дерево», «яблоня» или «лес» в общеязыковом употреблении не обладают выраженной оценочностью, однако в структуре сказочного текста они регулярно включаются в позиции «помощника», «испытания» или «судьи» и тем самым приобретают дополнительное, контекстуально обусловленное ценностное измерение. Это позволяет говорить о формировании в сказке особых аксиологически нагруженных лексико-семантических рядов, которые выявляются только при анализе текста, а не при обращении к словарю. Результаты исследования по анимизму отражены в таблице 1.

Таблица 1.

Языковые средства аксиологической характеристики образов растений в русских народных сказках

Языковое средство	Примеры из сказок	Аксиологическая маркировка
Атрибутивные сочетания (положит.)	*чудесная яблоня*, *волшебное дерево*	+ (сверхъестественная благая сила)
Атрибутивные сочетания (отрицат.)	*лес дремучий*, *темная чаща*, *непролазная глушь*	− (опасность, испытание)

Предикативная конструкция с субъектом-растением	*яблоня ответила, ветви склонились, сучья расплетают*	+ / − (в зависимости от ситуации)
Прямая речь (обещание)	*«Не руби меня - все сделаю»*	+ (договор, справедливость)
Глаголы сопротивления	*листья засыпают глаза, косы расплетают*	− (наказание недостойного)
Глаголы покровительства	*ветви склонились, яблоки упали в руки*	+ (вознаграждение достойного)

Аксиологический аспект использования подобных образов заключается в том, что они транслируют народные представления о справедливости, нравственности и взаимоотношениях человека с миром природы. Деревья в сказках выступают своеобразными хранителями морального баланса, воздающими каждому по заслугам. Они символизируют идею космического порядка, в котором добро неизменно вознаграждается, а зло наказывается. Представление о справедливости и нравственном законе, передающееся через сказочные образы, является важной частью аксиологической системы традиционной русской культуры. Оно формирует у слушателя определенные этические нормы, закладывая базовые категории добра и зла, почтительности к природе и уважения к сакральному знанию, воплощенному в мифологических элементах фольклора.

Одной из самых ранних мифологических систем, лежащих в основе этих повествований, является тотемизм, система религиозных верований, в рамках которой люди ведут свою родословную от определенного животного, птицы, насекомого или даже растения, тотемные предки почитаются как священные существа, часто олицетворяемые как защитники и духовные наставники. На тотемных животных обычно не охотятся и не употребляют в пищу, поскольку считается, что они воплощают души умерших, обеспечивая преемственность между царствами людей и животных. Согласно этому мировоззрению, тотем служит защитой от несчастий, стихийных бедствий и экзистенциальных угроз, таких как засуха, наводнения и голод. Как отмечает

Тайлор в книге «Первобытная культура»: «Если туземцу удается задобрить змею, медведя, волка, лебедя или других птиц и животных, то он приобретает могущественных покровителей, ибо в них, как он верит, обитают грозные духи» [Тайлор 1989: 382], что глубоко укоренилось в структуре сказок, где трансформация человеческих форм в животные является повторяющимся мотивом. Главные герои сказок часто отправляются в путешествия, которые приводят их во владения, где правят животные – львы, тигры, мыши, орлы, вороны и куры, – которые не просто являются элементами фона, но и служат волшебными союзниками, которые обладают мудростью, даруют зачарованные дары и защищают главного героя от опасностей [Егорова 2018: 110].

Примечательно, что в ранних племенных обществах тотемами часто становились существа, кажущиеся хрупкими или непритязательными. Тотемом могла быть небольшая рептилия, изящная птица или даже цветок. Люди из племени Чен дают представление об этом явлении, объясняя, что для древних людей природа была пространством, где каждое живое существо играло жизненно важную роль [Кравцов 2009: 11]. Например, крошечная птичка ассоциировалась с ветром – фундаментальной силой, от которой зависело выживание человека. Точно так же такие существа, как жабы и лягушки, которые процветали на водно-болотных угодьях, были связаны с более грозными водными хищниками, такими как змеи и драконы. Мир представлялся как обширная сеть семейных связей, где тотемные животные служили посредниками, устанавливая родственные связи между людьми и могущественными природными силами, которые они стремились умиротворить и привести в соответствие с собой [Пропп 2000: 5].

Например, в сказке «Медведь – липовая нога» ценностное содержание тотемического образа реализуется через сочетание зоонима «медведь» с описаниями, подчеркивающими его «неуничтожимость» и целеустремленность: герой «мастерит ногу», «идет мстить», «ищет» виновных. Эти глагольные ряды, а также зловещая ритмизованная реплика

медведя («Скырлы, скырлы, скырлы…») формируют в тексте чувство тревоги и сакрального страха, показывая медведя как носителя высшей справедливости. Таким образом, тотемическая идея возмездия закрепляется в системе глаголов действия и в особой формуле «песни» медведя, которая выполняет функцию вербального маркера приближающейся кары.

Рассмотренный пример показывает, что мифологические компоненты ценностной картины мира русской народной сказки реализуются в тексте через целый комплекс языковых средств: выбор зоонимов и фитонимов, систему эпитетов, повторяющиеся глагольные характеристики, формулы прямой речи, ритмизованные «песни» персонажей. При этом аксиологические смыслы нередко выходят за пределы словарной семантики и обнаруживаются только на уровне устойчивых контекстов и типичных сюжетных позиций. Именно поэтому анализ мифологических образов в сказке в лингвоаксиологическом аспекте предполагает не столько реконструкцию «верований», сколько выявление тех языковых механизмов, посредством которых ценности (представления о справедливости, воздаянии, покровительстве, сродстве человека и природы) вербализуются и становятся доступными для интерпретации.

Ритмичные повторы и навязчивые образы стиха усиливают напряженность повествования. В «песне» медведя типа «Скырлы, скырлы, скырлы… / На липовой ноге, / На березовой клюке…» многократно повторяются одинаковые звукосочетания и синтаксические параллели, создающие эффект заклинания.

В сказке № 30 «Зимовье зверей» (Приложение 1) «плюс» выносливости задан самооценками персонажей («шуба тепла», «никакой холод не возьмет», «я не боюсь»), но ценностный смысл здесь не в самохвальстве, а в том, что способность «перезимовать» и устроить зимовье оказывается социально значимой: к быку приходят «погреться», и тепло в модели сказки приравнивается к спасению. Отсюда видно, что положительные ценности в сказках чаще всего закрепляются не одним эпитетом, а серией языковых

сигналов: предикативы результата («до сыта», «ладно», «добром кончилось»), формулы согласия и одобрения («хорошо», «ладно, так и быть»), устойчивые ярлыки достоинства («молодец», «славный молодец»), а главным «экзаменатором» нормы выступает финал, где распределяются награда и благополучие. Именно эти лексико−грамматические средства и рассматриваются в настоящем исследовании как основные инструменты языковой репрезентации положительной аксиологической зоны сказочного текста.

Негативная оценка в рассмотренном корпусе оформляется как «минус», зона «недолжного», «порочного», «опасного» – того, что нарушает сказочную норму и потому либо прямо осуждается словами, либо «выводится на свет» через последствия (утрата, позор, ухудшение положения, наказание). В № 242 «Дорогая кожа» недолжное эксплицируется уже в позиции рассказчика глаголом морального дефекта: «…да и тому Данило завидовал».

В № 30 «Зимовье зверей» повторяющаяся модель «испугались и ушли» и формула самооценки «мне не управиться» создают негативную характеристику поведения как недостаточного: здесь «плохо» не потому, что персонаж причиняет зло, а потому, что он не выполняет ожидаемую функцию защиты/действия. В таких случаях оценка чаще выражена глагольными предикатами состояния и поведения (испугался, ушел, не управиться) и считывается через несоответствие сказочной норме стойкости и взаимопомощи.

Различаются два источника оценки, и это различие принципиально для реконструкции культурной нормы, рассказчик „раскладывает» мир по шкале должного и недолжного прежде всего через выбор предикатов и оценочных ярлыков, сопровождающих описание статуса и действий персонажей, тогда как персонажи оценивают либо из личной эмоции (обида, страх, злость, торг), либо берут на себя роль «социального судьи», проговаривая норму в форме приговора, угрозы, правила виновности или афоризма. Рассказчик

чаще всего маркирует оценку через рамочные оппозиции статуса и через причинно-следственную санкцию. Так, он задает исходную шкалу уже в экспозиции («один богатый, другой бедный… богатый – один как перст») и тем самым «подсвечивает» нужду как неблагополучие, а одиночество – как скрытую цену богатства (№ 114 «Сказка про утку с золотыми яйцами»). В № 14 «Снегурушка и лиса» ценность благодарности задается через ряд глаголов и существительных, обозначающих дар и угощение: старики «приносят молока, яиц, творогу», «стали лисицу потчевать за ее услугу», а просьба лисы «чтоб в награду дали ей курицу» прямо связывает оказанную помощь и ожидаемый ответ. Здесь языковая репрезентация нормы строится прежде всего на глаголах «потчевать», «дать в награду» и существительных, обозначающих пищу‑дар: именно они делают видимой модель «доброе дело – благодарность – вознаграждение». Положительная оценка проявляется не столько в словах похвалы, сколько в самой структуре действий, вербализованных через эти глаголы и номинации.

Дальше именно рассказчик закрепляет нормативную связку «порок – ущерб»: «богатый брат позавидовал, озлобился» (эмоции названы как порицаемые мотивы), а затем подозрительность оформляется ярлыком-подозрением «Верно, какой-нибудь грех за ним водится!» (здесь оценка не фактологическая, а морализующая: успех другого объясняется «грехом», то есть анти-нормой).

В других сюжетах рассказчик действует аналогично, только еще резче: фиксирует «за бесценок», «беднее», «обанкрутился/гол как сокол» как статусы и итоги; при этом ключевой прием – не столько назвать «плохо», сколько показать падение статуса как закономерный итог неправильного поведения. В №13 «Лиса и журавль» важен разрыв между языковой формой и реальным содержанием поступка. Лиса обращается к журавлю через ласкательные формы «куманек», «голубчик-куманек», «дорогой», что в обычной коммуникативной практике маркирует близость и доброжелательность. Однако последующий текст («журавль не мог

покушать») показывает, что за внешней вежливостью скрывается намерение посмеяться над гостем. В лингвоаксиологическом плане это означает, что одних положительных формул обращения недостаточно для признания ценности гостеприимства: оценка определяется не только словом, но и результатом взаимодействия, и именно несоответствие между ласковой формой и обманным содержанием выявляет здесь нарушение нормы.

Рассказчик же чаще всего использует финал для оценки ситуации: «помирились, поладили и повенчались», «стали жить в счастьи и радости», «стали жить-поживать да добра наживать» – финальные формулы выступают как санкция нормы (воздаяние, восстановление гармонии) и не требуют дополнительных комментариев Персонажи, напротив, дают оценку в максимально слышимой форме – в прямой речи, где особенно продуктивны ярлыки, императивы и угрозы. Их оценка часто ситуативна и эмоциональна: богатый брат унижает бедного не рассуждением, а предикативной отсечкой («Сегодня мне не до тебя… так бедному не приходится тут быть!»), превращая социальную иерархию («князья да бояре») в инструмент морального давления и нарушая норму родственной помощи (№ 114). В ответ бедный оформляет свою позицию как нормативное прошение о милости («накорми… при бедности… нам и пообедать нечего!»): здесь оценка бедности как зла и просьба о помощи выражены не абстракцией, а крайней предикативной нехваткой «нечего».

В № 155 «Заклятый царевич» самообвинение («Ах, боже мой, что я сделала!») показывает, что героиня считывает нарушение как моральный проступок: здесь не рассказчик оценивает поступок, а сам персонаж признает его недолжность экспрессивной формулой

Аналогично в № 113 «Рога» просьба «только долг прости!» оформляет прощение как акт милости в прямой речи, то есть как ценность, которую персонаж ожидает как норму великодушия – важный момент: должное может артикулироваться и «снизу», из позиции просителя. Есть и третий, промежуточный тип – этикетные формулы, которые на поверхности звучат

как положительная оценка («куманек», «голубчик», «любезный друг»), но функционально могут обслуживать обман: тогда подлинная оценка восстанавливается не по словам, а по последствиям, и корпусная разметка фиксирует это расхождение как отдельный механизм (антифразис/маска).

Средства выражения оценочности распределяются неравномерно: то, что попадает в зону недолжного (порицаемого, опасного, антинормативного), оказывается и лексически богаче, и жанрово мобильнее, чем то, что относится к должному, что связано не только с психологией восприятия, но и с устройством самой сказочной речи: отрицательная оценка чаще требует «озвучить» конфликт, назвать дефект, обозначить угрозу, назначить виновного, а положительная оценка чаще закрепляется без многословия – результатом, финальной формулой, восстановлением порядка. Поэтому асимметрия – не случайность выборки, а системное свойство сказочного дискурса, которое подтверждается на уровне конкретных языковых сигналов в нашем корпусе.

В зоне должного набор средств сравнительно стабилен и «экономен». Во-первых, это эпитеты и ласкательные обращения, которые маркируют социальную близость, доверие, поддержку. В № 178 «Данило Бессчастный» положительная оценка «своего» оформлена минималистично, но очень узнаваемо: «Вставай, милый друг!» – здесь работает не описание достоинств, а сама формула доверительного контакта; «милый» и «друг» выступают как готовые этикетно-ценностные маркеры, в которых заключена норма поддерживающего отношения. Во-вторых, в «плюсовой» зоне часто активируется поэтизация как способ «наградного» описания: красота, счастье, избранность выражаются не перечислением признаков, а сравнением и гиперболой. В том же № 178 ценность «красной девицы» подана через метафорику, связанную с драгоценностями («…сквозь косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался»): оценка из области «хорошо/плохо» переносится в область эстетического сияния, где сама образность выполняет лингвоаксиологическую функцию. Сюда же

примыкают финальные формулы благополучия («стали жить в счастьи да в радости», «жить-поживать, добра наживать») и предикативы результата («сыт», «сполна выручены», «зажил привольно, богато»): они дают положительную санкцию кратко и «без спора», как итог должного поведения (№ 185, № 187, № 188). Третья линия положительной оценочности – нормы разумности и мастерства: «ум-разум», «мудра», «верный», «добрый молодец». Эти характеристики тоже компактны и часто выступают как «паспорт эталона»: «служил… верный стрелок» (№ 122), «добрый молодец» (№188), «дочь твоя мудра» (№ 188). Они могут повторяться, но обычно не разворачиваются в многоступенчатую полемику; сказке достаточно назвать качество и подтвердить его успешным прохождением испытания или вознаграждением (сватовство, богатство, «поладили и повенчались»).

Совсем иначе ведет себя зона порицаемого и опасного. Здесь вступает в игру целый арсенал экспрессивных и жанрово разнородных средств, и именно поэтому «негативных» оценочных единиц в корпусе больше. Прежде всего это существительные-ярлыки и сниженная лексика, которые создают мгновенный «этический приговор» без аргументации. Ярлык «дурак» в нашем материале вариативен и повторяем: «Не дурак ли ты?», «Вот дурак!», «Не ты ли дурак!» (№ 180), «Пусть дурак воронье жрет!» (№ 185). Его продуктивность объясняется тем, что он одновременно оценивает интеллект, статус в коммуникации и право голоса: назвать «дураком» – значит исключить из разумного, а в сказочной картине мира «худой разум» действительно трактуется как источник бед («Первое худо… третье худо: худой разум», «…от худого разума не уйдешь – все с тобой», «На худом-то разуме…» – № 186). Отрицательная оценка получает «метаязык причины»: неудача объясняется не случайностью, а дефектом разума, который объявляется главным пороком и потому многократно вербализуется. Негативные ярлыки охотно переходят в перенос: «ворона, ворона» как насмешка над неумехой (№ 181), зоометафоры высокого градуса враждебности («пес смердящий», «поганый», «безбожный») в историко-

эпическом типе повествования (№ 182). Перенос здесь усиливает оценку: он делает ее образной, запоминающейся и социально «коллективной», потому что животный ярлык понятен без пояснений и сразу размещает адресата в зоне чужого/недостойного.

Вторая значимая группа средств порицаемого – угрозы, приказы, нормативные формулы санкции. Там, где сказка моделирует «суд» и право, отрицательная оценка почти автоматически выражается через язык наказания: «Кто три раза перебьет меня, того без пощады казнить» (№ 115) или «посадить в темницу» как итог несостоятельности (№ 187). Важно, что здесь оценка становится институциональной: плох не потому, что «мне не нравится», а потому что «за это положено». Отсюда высокая жанровая пригодность отрицательной оценочности: она легко оформляется как закон, приговор, запрет, угроза, присяга. Парадоксальные решения («пока у нее хвост вырастет») в № 184 «Шемякин суд» показывают еще один механизм: осуждение возникает косвенно через абсурд «неправого суда» – то есть отрицательная оценка может быть устроена как комический эффект и одновременно как критика анти-нормы (неправосудия). Здесь отрицательное становится «сюжетно удобным»: оно дает сцену, напряжение, поворот, смех, и поэтому получает больше языковых воплощений.

Третья группа – предикативы ущерба, дефицита и неблагополучия, которые фиксируют порицаемое или несчастное как состояние. Они широко представлены: «Нет ничего!» (№ 178), «ни в чем счастья не было» (№ 179), «не имел… даже новой одежи» (№ 179), «нам и пообедать нечего!» (№ 114), «по миру ходить – зима студена», «собаки съедят», «не во что милостыню класть» (№ 251).

Таким образом, мифологические представления формируют в русской народной сказке не «декорацию» чудесного, а базовую ценностную оптику, через которую оцениваются персонажи, их поступки и итоговые развязки. Архаическая картина мира задает первичное разделение пространства на «свое» и «чужое», «безопасное» и «опасное», «упорядоченное» и

«хаотическое», а вместе с этим – систему норм поведения: герой считается должным тогда, когда умеет правильно входить в пограничные зоны, соблюдать запреты, распознавать силу и обращаться с ней, принимать помощь и отвечать на нее благодарностью. В языке сказки эта аксиология проявляется устойчивыми оценочными механизмами: ярлыками и эпитетами («добрый молодец», «злой»), предикативами состояния («дело плохо», «не рад и подарку»), формулами-правилами виновности и воздаяния, а также финалом как санкцией нормы. Именно мифологическая логика «нарушение порядка – испытание – восстановление (или кара)» делает оценку структурной частью нарратива: ценность не просто проговаривается, а «доказывается» судьбой героя.

Важно и то, что мифологический пласт задает особую семантику силы: она амбивалентна и потому требует этического выбора. Сила может быть защитной (помощник, чудесный предмет, правильный обрядовый жест), а может быть разрушительной (чужая, «нечистая», враждебная); в обоих случаях сказка оценивает не сам факт сверхъестественного, а способ взаимодействия человека с ним. Отсюда устойчивость бинарных оппозиций, на которых держится ценностная система: смелость/трусость, разум/»худой разум», щедрость/скупость, верность слову/предательство, милость/жестокость. Оппозиции, укорененные в мифологической модели мира, обеспечивают воспроизводимость сказочной нормы: слушатель узнает ее по повторяющимся формульным средствам и по закономерности итогов.

Тотемический статус медведя в языке сказки закрепляется прежде всего через систему его номинаций. Зооним *медведь* в сказочных текстах регулярно сопровождается антропонимизацией - присвоением имени и отчества: *Михайло Потапыч*, *Михайло Иваныч*. Подобное именование, включающее имя + отчество по модели человеческого антропонима, является лингвистическим средством выражения уважения, почитания и социального статуса животного-тотема. Функционально это аналог формулы вежливого обращения к старшему или значимому лицу [Суперанская 1973: 84].

Параллельно с антропонимом медведь получает социально-ролевые номинации: *хозяин* – маркер власти над территорией, *лесной царь* – метафора верховной власти. Существительное *хозяин* в своем основном значении обозначает «тот, кто владеет чем-либо» [МАС, т. 4: 604], а в сказочном контексте переносит эту семантику на зверя, закрепляя за ним положительно окрашенный статус распорядителя природного пространства.

Глагольные характеристики медведя строятся по той же модели, что и глагольные характеристики человека-персонажа: *медведь сказал*, *медведь подошел*, *медведь мастерит ногу*, *медведь идет мстить*. Употребление ментальных глаголов с субъектом-животным (*сказал, решил, нашел*) является синтаксическим способом антропоморфизации, то есть включения зверя в систему человеческих ценностей и намерений.

Особого лингвистического внимания заслуживает «песня» медведя: *«Скырлы, скырлы, скырлы, на липовой ноге, на березовой клюке...»* [Аникин 1987: 187]. С точки зрения фонетики это звукоподражательное слово (*скырлы* – имитация скрипа деревянной ноги) создает ономатопейный эффект приближения опасности. На синтаксическом уровне «песня» построена как параллельные конструкции с анафорическим повтором («все по селам спят... одна баба не спит»): противопоставление *все – одна* задает аксиологическую оппозицию «покой – нарушение покоя», «правильный мир – нарушитель». На лексическом уровне притяжательные местоимения *моей коже, мою шерсть, мое мясо* эксплицируют тему нарушенного права собственности, что является языковым выражением ценностной категории «неприкосновенность / возмездие». Таким образом, тотемическая идея неизбежного возмездия закрепляется в тексте не описанием, а самой структурой этой ритмизованной угрозы - ее фонетикой, синтаксисом и лексической семантикой.

Таблица 2.

Языковые средства выражения аксиологической двойственности образа медведя в русских народных сказках

Языковое средство	Примеры	Аксиологическая функция
Антропонимизация	*Михайло Потапыч*, *Михайло Иваныч*	Уважение, высокий статус
Социально-ролевые номинации	*хозяин*, *лесной царь*	Власть над пространством
Предикативные конструкции с субъектом-зверем	*медведь сказал*, *медведь решил*	Антропоморфизация, включение в нравственный мир
Ономатопея	*скырлы, скырлы*	Фонетический маркер приближающейся угрозы
Синтаксический параллелизм	*все спят - одна не спит*	Оппозиция норма/нарушение нормы
Притяжательные местоимения	*моей коже, мою шерсть*	Вербализация права собственности и возмездия
Контрастные эпитеты	*страшный* vs *добрый кормилец*	Аксиологическая бинарность образа

Мифологические представления о пространстве закрепляются в сказочном тексте через устойчивые атрибутивные сочетания с пространственной семантикой. Прилагательное-эпитет выступает здесь основным носителем аксиологической маркировки.

Пространство отрицательное (опасное, чужое) маркируется следующими сочетаниями:

– *лес дремучий* – прилагательное *дремучий* в переносном значении «непроходимый, темный» [Даль, т. 1: 492] несет семантику заброшенности и угрозы;

– *темный лес*, *черный лес* – цветовой эпитет *темный/черный* задает оппозицию «освоенное/неосвоенное», «свое/чужое»;

– *дремучая тайга*, *глухомань* – существительные с семантикой глубины и непроницаемости.

Пространство положительное (свое, защищенное) маркируется через:

– *светлый мир*, *белый свет* – эпитет *светлый/белый* в значении «открытый, жизнеутверждающий» [МАС, т. 4: 62] вербализует ценность упорядоченного мира;

– *чисто поле* – прилагательное *чистый* в значении «открытый, без помех» указывает на пространство свободного действия героя.

Особую группу образует хронотопическая формула *тридевятое царство, тридесятое государство*. Числительное *три* в составе числовых сложений *тридевять* (= 27) и *тридесять* (= 30) является числом-усилителем, маркирующим максимальную удаленность и сакральную инаковость иного мира. Само сочетание – устойчивая фразеологизированная конструкция, воспроизводимая как целостный знак «иного мира» [Потебня, 1990: 105]. С лингвоаксиологической точки зрения эта формула устанавливает ценностную границу между «своим» (нормативным) и «чужим» (испытательным) пространством сказки.

Таблица 3.

Аксиологические коннотации языковых средств обозначения сказочного пространства

Языковое средство	Примеры	Коннотация
Эпитеты пространства угрозы	*лес дремучий*, *темный лес*, *черный лес*	− (чужое, опасное)
Эпитеты пространства нормы	*светлый мир*, *белый свет*, *чисто поле*	+ (свое, открытое)
Хронотопическая формула	*тридевятое царство*	Нейтр./− (иной мир, испытание)

Числа *три*, *семь* и *девять* функционируют в языке сказки не только как количественные обозначения, но и как структурные аксиологические

маркеры. Именно они организуют систему испытаний, наград и наказаний, задавая ритм ценностного сценария.

Число *три* является наиболее частотным сакральным числом в русской народной сказке. На синтаксическом уровне оно реализуется через конструкции с троекратным повтором: *«три раза поклонился», «три задания выполнил», «три ночи не спал»*. Синтаксический параллелизм («три дня шел / три реки перешел / три горы одолел»), как отмечает Е.М. Вольф, является формальным средством нарастания оценочной интенсивности [Вольф 1985: 93]: каждое последующее испытание усиливает аксиологическую «цену» итогового поступка героя.

Числительное *три* входит в устойчивые сочетания, приобретающие фразеологизированный характер: *три брата* (устойчивая формула распределения типов персонажей: старший – средний – младший), *три дороги* (формула выбора пути), *три задания* (формула испытания). В этих конструкциях лексема *три* получает дополнительное аксиологическое измерение: третий выбор, третий брат, третья попытка – всегда несут положительную маркировку и совпадают с правильным решением.

Число *семь* встречается в сочетаниях *семь богатырей*, *семь лет искал*, *за семью замками* и маркирует полноту и предельность. Семантика «максимума» [Толстой 1995: 87] задает аксиологическое значение «наивысшее испытание» или «наивысшая ценность».

Число *девять* (*тридевятое царство*) – см. выше.

На словообразовательном уровне числа участвуют в формировании сложных прилагательных со значением предельного качества: *трижды могучий*, *семижды мудрый* – числовые префиксы выступают как интенсификаторы оценочного значения».

Таблица 4.

Числовая символика и её аксиологические функции в русских народных сказках

Число	Типичные конструкции	Аксиологическая функция
три	*три брата*, *три задания*, *три раза*	Структура испытания; третий = правильный
семь	*семь лет*, *за семью замками*, *семь богатырей*	Предельность, максимум ценности
девять	*тридевятое царство*, *за тридевять земель*	Маркер иного (испытательного) мира

Помимо медведя, зооморфная лексика русской народной сказки образует разветвленную систему аксиологически маркированных единиц. Ниже рассматриваются наиболее частотные зоонимы и их коннотации.

Серый волк – устойчивое атрибутивное сочетание, в котором прилагательное *серый* несет двойственную коннотацию. С одной стороны, *серый* в значении «обычный, невзрачный» [МАС, т. 4: 102] может указывать на неприметность; с другой – в сочетании *серый волк* это устойчивый эпитет, нейтрализующий угрожающий потенциал зоонима и маркирующий волка как помощника героя. Функцию аксиологического переключения выполняет именно атрибут: *серый* сигнализирует о «своем» волке в отличие от безымянных «страшных зверей». Глаголы при образе серого волка – *понес*, *перенес*, *помог*, *достал* – формируют устойчивый глагольный ряд помощника с положительной аксиологической маркировкой.

Жар-птица – сложное существительное, первый компонент которого (*жар*) несет семантику огня, света и нечто труднодостижимого [Даль, т. 1: 526]. Коннотация сочетания - положительная («редкая ценность»), однако в сюжете жар-птица регулярно выступает объектом труднодостижимой цели - испытания, а не помощником. Устойчивые глагольные конструкции с жар-птицей – *поймать жар-птицу*, *достать жар-птицу* – закрепляют за зоонимом семантику предельного испытания. Эпитет в сочетаниях с жар-

птицей: *золотые перья*, *огненный хвост* - атрибуты из семантического поля «свет/огонь», несущего положительную оценочную нагрузку.

Конь (вещий конь, буланый конь, конь богатырский) – устойчивые атрибутивные сочетания, в которых эпитеты выполняют разные функции:

– *вещий* (от *вещать* – «знать будущее» [МАС, т. 1: 189]) – маркирует положительную оценку: мудрость, провидение;

– *богатырский* – социально-ролевой эпитет, связывающий коня с ценностью воинской доблести;

– *буланый* – цветовой эпитет без оценочной нагрузки, выполняющий описательную функцию.

Глаголы при образе коня-помощника: *конь сказал*, *конь указал путь*, *конь предупредил* – те же антропоморфные глаголы, что и при образе дерева: речь, совет, предвидение.

Таблица 5.

Аксиологические коннотации зоонимов и устойчивых сочетаний с ними в русских народных сказках

Зооним	Устойчивые сочетания	Коннотация	Источник
медведь	*Михайло Потапыч*, *хозяин*, *лесной царь*	Двойственная: угроза + покровительство	МАС, т. 2: 241
серый волк	*серый волк помог*, *перенес*	+ (помощник)	МАС, т. 4: 102
жар-птица	*поймать жар-птицу*, *золотые перья*	+ (цель/ценность) + испытание	Даль, т. 1: 526
вещий конь	*конь сказал*, *конь предупредил*	+ (мудрость, помощь)	МАС, т. 1: 189
лиса	*хитрая лиса*, *лисонька-лиса*	− / нейтр. (хитрость, обман)	МАС, т. 2: 190
Жар-птица	*огненный хвост*,	+ (красота, редкость)	-

(перо)	*золотые перья*		

Языковые средства выражения мифологических представлений и ценностно-оценочного содержания сказки приведены в таблице 6.

Таблица 6.

Уровни анализа языковых средств репрезентации сказочных образов и их ценностно-оценочные функции

Уровень анализа	**Тип языкового средства**	**Примеры**	**Представление или образная модель**	**Ценностно-оценочная функция в контексте**
Лексический	Антропонимическое именование животного	*Михайло Потапыч*	Уподобление животного человеку	Характеризует способ представления персонажа; само по себе не задает положительной или отрицательной оценки
Морфологический	Сочетание существительного с определением	*лес дремучий, чудесная яблоня*	Образ сказочного пространства; представление о необычных свойствах растения	Определяется контекстом: лес может быть пространством опасности и испытаний, яблоня – помощником героя
Морфологический	Сочетание числительного с существительным	*три брата, семь лет*	Возможная числовая символика	Обозначает количество персонажей или продолжительность событий; символическая и оценочная функции требуют контекстного обоснования
Синтаксический	Конструкция с приписыванием растению или животному речевого действия	*яблоня ответила, медведь сказал*	Олицетворение; наделение нечеловеческого персонажа человеческими способностями	Позволяет представить персонажа как участника диалога; оценка зависит от содержания его речи и поступков
Морфологический	Сочетание притяжательного местоимения с существительным	*моей коже, мою шерсть*	Обозначение принадлежности части тела персонажу	Может участвовать в выражении жалобы, требования или обвинения; конкретная функция устанавливается по полному высказыванию

Лексико-текстовый	Повтор количественного обозначения	Повтор сочетания *три раза*	Повторяемость действий или испытаний	Организует последовательность эпизодов; нарастание оценки устанавливается при сопоставлении этих эпизодов
Формульный	Устойчивая сказочная формула	*тридевятое царство*	Образ удаленного сказочного пространства	Обозначает пространственную отдаленность; положительная или отрицательная оценка непосредственно формулой не выражена
Лексико-фонетический	Звукоподражательная единица	*скырлы, скырлы*	Звуковая характеристика действия или появления персонажа	Может создавать ощущение угрозы, если такая интерпретация подтверждается описанием ситуации

Рассмотренные языковые средства позволяют выявить способы выражения мифологических представлений в сказочном тексте. Вместе с тем для характеристики его ценностной организации необходимо учитывать и религиозно-нравственные мотивы. Далее рассматривается, как эти мотивы выражаются в речи персонажей и повествователя и каким образом соотносятся с оценкой поступков, запретами и представлениями о воздаянии.

2.2. Вербализация христианских ценностных смыслов в лексике русской народной сказки

Христианские ценностные смыслы закрепляются в языке русской народной сказки через несколько устойчивых механизмов. В частности, через оценочные эпитеты христианского происхождения: праведный, грешный, святой, нечестивый. Закрепление идет также через антропонимическую систему, прежде всего через имя Иван и его производные формы. Именно эти языковые средства составляют предмет анализа настоящего параграфа.

Как отмечает Е.И. Алещенко, влияние христианского мировоззрения на фольклор проявляется двумя основными способами. Во-первых, православное христианство в значительной степени сформировало

идеологическую основу русских народных сказок, направив их конфликты и решения в русло христианских морально-этических парадигм. В результате повествования, которые когда-то были основаны на чисто мифологических или языческих темах, постепенно перенимали элементы христианской доктрины, незаметно трансформируя смысл и структуру традиционного повествования. Во-вторых, христианство проникло в фольклор через повседневные детали и символы, интегрируя религиозные верования в ткань народных повествований. Принятие христианства не только привнесло новые идеологические мотивы, но и способствовало появлению самостоятельных фольклорных жанров, таких как духовные стихи и народные интерпретации библейских историй [Алещенко 2006: 48].

Влияние христианства на русские народные сказки проявляется по-разному. Заметной трансформацией является включение христианской терминологии и образности, включая упоминания о Боге, духовенстве, священных предметах, религиозных ритуалах и литургических атрибутах, которые не только обогатили фольклорный лексикон, но и тонко переосмыслили моральные принципы народных повествований, приведя их в соответствие с христианскими ценностями, сохранив при этом структурную и образную глубину традиционного повествования [Там же: 49].

В сказках подчеркиваются не уникальные черты отдельных персонажей, а универсальные качества, присущие всем людям. Вот почему главный герой сказки почти всегда тесно связан с такими понятиями, как «родина», «клан» и «семья». Как правило, герой сталкивается с жизненными трудностями и в конечном счете преодолевает их – не только за счет личных усилий, но и с помощью и поддержкой животных или других людей [Нигматуллина 2023: 208].

Одно из самых знаковых имен в русских сказках – Иван, имя древнееврейского происхождения (Йоханан) состоит из двух элементов: «Яхве» и «милость» [Румянцева 2007: 44], что переводится как «Яхве (Бог) милостив» или «Божья благодать». С принятием христианства в Киевской

Руси это имя вошло в русский лексикон через свою греческую форму Ἰωάννης (Иоаннос), связанную с Иоанном Крестителем.

Для лингвоаксиологического анализа особую ценность представляет диминутивная форма Иванушка. Суффикс -ушк- / -юшк- в русском языке является полифункциональным: помимо значения уменьшительности, он регулярно выражает одобрение и ласковое отношение говорящего [Земская 1992: 118].

Иван-дурак, полностью осознавая свой предполагаемый недостаток интеллекта, не пытается развить его обычными способами. Вместо этого он обращается к сверхъестественному помощнику, прося не только мудрости, но иногда даже красоты: «По щучьему веленью, по моему прошенью, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!». Ум, как он понимается в повседневной жизни, часто изображается как тривиальный или даже смехотворный. Представляя дурака слабым или бессильным, сказка игриво критикует общепринятые представления о мудрости и рациональности. В конце концов, интеллектуальная гордыня всегда побеждается смиренной простотой, в то время как мирские амбиции – одержимость материальными заботами, мелкими спорами и корыстными устремлениями – подрываются сознательным бездействием. «Я ленив!» – гордо заявляет Иван-дурак, демонстрируя свое полное безразличие к земному богатству и общепринятому успеху [Смирнова 2011: 54].

Важно отметить, что триумф Ивана-дурака не связан с такими личными качествами, как интеллект или физическая сила.

Во многих сказках простой, но священный жест крестного знамения заставляет злые силы отступить, исчезнуть или даже погибнуть полностью. Важность креста еще больше подчеркивается в сценах, где герой входит в незнакомое жилище, будь то скромная хижина или величественный дворец. В сказках этот момент часто описывается с благоговением: «Иван вошел в

царские покои, помолился перед святыми иконами, поклонился царю и сказал...» [Аникин 1959: 86].

На синтаксическом уровне ритуальное действие описывается цепочкой глаголов совершенного вида: вошел – помолился – поклонился – сказал. Такая последовательность передает не перечисление поступков, а протокол нормативного поведения: каждый глагол фиксирует обязательный шаг ритуала. Именно глагольная цепочка, а не эпитеты, является основным языковым средством репрезентации христианской поведенческой нормы. Атрибут святыми при слове иконами – единственный эпитет в конструкции - усиливает аксиологическую нагрузку: без него предложение было бы нейтральным описанием; с ним - маркером благочестивого поведения.

Лексемы *Бог, ангел, молитва, крест, икона, грех, благодать, спасение* образуют ядро христианского лексического пласта. По Словарю Даля, благодать – «дар Бога человеку, духовное сокровище» [Даль, т. 1: 93], грех – «поступок, противный закону Божьему» [Даль, т. 1: 399]. Оба слова несут четкую аксиологическую маркировку: благодать – положительную (+), грех – отрицательную (−). В контексте «помолился перед святыми иконами» ценность благочестия передается не через оценочный эпитет, а через глагольный предикат помолился в сочетании с атрибутом святыми: именно глагол-действие является основным носителем аксиологического значения.

Формулы благочестия – *Бог в помощь!, Господи, помилуй!, На все воля Божья* – представляют собой фразеосхемы: синтаксические конструкции с закрепленным прагматическим значением [Телия 1996: 14–19]. Формула *Бог в помощь!* – эллиптическая двусоставная конструкция (субъект + обстоятельство, без глагола), реализует значение доброго пожелания и апелляции к высшей силе (знак +). Формула *Господи, помилуй!* – апеллятивная конструкция (обращение + императив в значении просьбы), выражает смирение (знак +).

Антитетическую группу образуют формулы проклятия: *Чтоб тебя разорвало!, Провались сквозь землю!* Это также фразеосхемы, но с

устойчивым знаком «−». Синтаксическая модель: частица *чтоб* + субъект + инфинитив. Именно синтаксическая конструкция, а не отдельные лексемы, является носителем отрицательной оценки.

Эпитеты *праведный, грешный, святой, нечестивый, безгрешный, блаженный* образуют аксиологически полярные пары. По классификации Н.Д. Арутюновой, это этические оценочные прилагательные – слова, выражающие оценку с позиций моральной нормы [Арутюнова, 1988: 78–80]. Праведный - «живущий по заповедям» [МАС, т. 3: 354] – знак (+). Грешный - «отступивший от закона Божьего» [МАС, т. 1: 353] – знак (−). Структурно эти прилагательные функционируют как постоянные эпитеты с устойчивой сочетаемостью: праведная душа, грешное дело, святые иконы, нечестивый человек.

Е.И. Алещенко пишет, что крещение часто вводится в нарратив косвенно – через описание роли крестных родителей (духовных опекунов) в жизни героя или особых связей, возникающих между крестными родителями и крестными детьми, упоминания о крещении можно найти даже в сказках о животных, например, в сказке «Лиса и журавль» текст намекает на духовное родство: «Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах». Точно так же в «Глупом волке» крещение всплывает в диалоге волка со свиньей: «А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить» [Алещенко 2006: 50].

Более того, многие сказочные сюжеты разворачиваются в прямом соответствии с моральными принципами, изложенными в Заповедях блаженства, провозглашенных Иисусом Христом в Нагорной проповеди. Благодаря этим нравственным заповедям русские народные сказки создают глубокую духовную основу, выводя людей за пределы обыденных реалий повседневной жизни к большему моральному и экзистенциальному осознанию. Сказка, глубоко укоренившаяся в фольклоре, также служит средством понимания национальных архетипов и коллективных ментальных

установок, в конечном счете способствуя пониманию фундаментальных принципов христианской веры и образа жизни.

Глубину влияния христианства на волшебные сказки отмечает Е.Н. Трубецкой, утверждая, что христианское мировоззрение столь глубоко пронизывает их, что обнаруживается даже там, где это не сразу очевидно. По его мнению, отголоски христианской духовности звучат во всех этих повествованиях: в глубоком осознании героем собственной незначительности, в его непоколебимой вере в высшую, чудесную силу и в радости от единения с невестой, нередко символизирующей Софию, Премудрость Божию. Этот союз, в свою очередь, знаменует переход героя в «иное царство» – пространство по ту сторону материального мира, где начинается подлинная жизнь, не омраченная земными заботами [Трубецкой 1998: 483].

Нормативность в сказке часто задается не «морализаторским» словарем, а особым режимом речи: оценка предъявляется как уже готовое знание, не требующее доказательств, и потому воспринимается как культурная аксиома, что хорошо видно в нарраторной формуле «Все знают, как за мачехой жить», где лингвоаксиологический смысл возникает из квантора все и глагольной конструкции знают: говорящий как бы снимает индивидуальную ответственность за суждение и переводит его в разряд коллективной истины, фиксируя отрицательный статус самой ситуации «жизни за мачехой» без прямых ярлыков «злая/плохая». В том же ряду работает и параллельное сопоставление «Ветер пошумит и затихнет, а старая баба пошумит да не уймется»: оценка формируется сравнением природного и человеческого, причем негатив «неумеренности» встроен в «да не уймется» (не знает меры, не умеет прекратить), а не выражен отдельным эпитетом.

В корпусном материале аналогичный механизм нормирования через «само собой разумеющееся» особенно отчетливо проявляется в коротких предикативных формулах, которые маркируют благополучие/неблагополучие как состояние мира. В № 30 «Зимовье зверей»

нарратор фиксирует наступление угрозы не через эпитеты к персонажам, а через оценку времени: «Время приходит холодное; где тепла искать?» – «холодное» здесь не просто признак сезона, а знак опасности, который вынуждает к поиску защиты; вопросительная форма делает эту опасность «общей» (это не чья-то частная проблема, это проблема всех). Внутри того же текста оценка неблагополучия может быть «служебной», рабочей, без экспрессии: «Бык видит – дело плохо, надо одному хлопотать» – предикатив «плохо» мгновенно вводит минус-рамку и сразу же связывается с обязанностью действовать («надо хлопотать»), показывая, что сказочная норма не только описывает, но и предписывает выход из ситуации.

Характерно, что положительное качество нередко подается через демонстратив и разговорное «видишь»: «У меня шуба тепла – вишь какая шерсть!» – тепло как ценность задано предикативом «тепла» и усилено показом «вишь», то есть оценка делается «наглядной» и телесной. Сказка часто распределяет оценку по линиям «страх/нестрах», «слабость/выносливость», причем это тоже выражается предикативами и гиперболами. В «Зимовье зверей» звучит самооценка стойкости: «А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: зароюсь в землю да и пролежу до весны», где «не боюсь» выступает главным ценностным маркером, а «хоть какие морозы» задает шкалу предельности и тем самым повышает «вес» положительной характеристики.

Аналогично у гуся: «меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую» – отрицание и обобщающее «никакой» создают модель «неуязвимости» как достоинства. Напротив, самооценка бессилия формулируется так же кратко и нормативно: «Мне не управиться, иди ты вперед!» – слабость/непригодность предъявлены без оправданий; сама формула «не управиться» работает как минус-ярлык состояния. Сильным каналом ценностной разметки остается номинация-ярлык, когда оценка «вшита» в существительное и не требует дополнительных эпитетов. «Был у старика сын дурак» (№ 31 «Медведь и петух») задает минус-портрет одним

словом, и дальше этот ярлык начинает сопровождать сюжет как устойчивый параметр героя.

Показательно, что речевые формулы способны имитировать положительную оценочность как стратегию воздействия: «Ну, любезные куманьки… не бойтесь, берите!». Ласковое обращение создает иллюзию «своего» круга, однако в контексте оказывается частью обманной тактики. В этом случае оценка переносится в прагматическую плоскость, где «плюс-лексика» (лексические средства с положительной коннотацией) обслуживает «минус-намерение» (негативно маркированную коммуникативную цель).

Существенную роль играют благодарственные и одобрительные формулы как средства социального подтверждения ценности поступка: «Хорошо, кумушка! Вот спасибо, удружила; мы твоих услуг никогда не забудем!». Здесь позитивная оценка выражена сразу несколькими средствами: предикативом «хорошо», формулой благодарности «спасибо» и гиперболой «никогда», закрепляющей идею долговременной памяти о добре как нормативной модели отношений.

Одновременно сказка последовательно репрезентирует и «анти-нормативную» модель. Так, в тексте № 32 «Собака и дятел» люди характеризуются как нарушающие трудовую и этическую норму посредством обобщающего суждения «они не знали, что есть за работа», а затем – как нарушающие норму благодарности: «Теперича она нам не надобна!». Предикатив «не надобна» превращает старость и утрату полезности в основание для изгнания, что формирует лингвоаксиологический конфликт.

В тексте № 45 «Пузырь, соломинка и лапоть» важной оказывается связка «ирония – наказание»: насмешка над чужим несчастьем трансформируется в причину собственной гибели, что реализует нравственный императив в форме причинно-следственного финала.

Аналогичным образом в тексте № 46 «Репка» трудовая норма конструируется через формулы усилия и результата: «тянет-потянет,

вытянуть не может» репрезентирует отрицательную рамку неуспеха, тогда как «вытянули репку!» – положительную рамку коллективного действия. Оценка труда задается не эпитетами, а структурой повторяющихся формул, где успешность выступает критерием правильности совместного усилия.

Характерным для «аксиологии условий» является оценивание пространства и бытовой среды через предикативы «темно/светло», «холодно/тепло», которые приобретают статус культурных индикаторов нормы. В тексте № 49 «Солнце, месяц и ворон Воронович» диалог «Темно…» – «Нет, светло; ступай» демонстрирует, что «светло» маркируется как благоприятное и безопасное, тогда как «темно» – как тревожное и опасное. Реплика «Темно!» функционирует как разоблачение ложного обещания и тем самым переводит оценку условий в оценку речи и поведения.

Финальная санкция «они оба упали и убились» усиливает отрицательную рамку как «катастрофу контакта», обусловленную ложными ожиданиями и неверным расчетом. Даже в текстах с эксплицитным обозначением зла наблюдается разнообразие языковых средств оценки.

Таким образом, «плюс» формируется через инверсию обычной негативной ситуации, что характерно для сказочной аксиологии. Финал «Иван-царевича вверх и подбросило… прямо попал на небо… а ведьма-змея осталась на земле» закрепляет вертикальную модель ценностей: верх (небо) ассоциируется со спасением, низ (земля) – с миром зла; дополнительная номинация «ведьма-змея» усиливает отрицательную характеристику.

Наконец, значимой является социальная аксиология, в рамках которой персонажи оценивают себя и других через категории статуса и обязанности. В тексте № 47 «Грибы» самоописания «Мы грибовыя дворянки…», «Мы богатые мужики… неповинны на войну идти», «Мы господские стряпушки…» демонстрируют, что оценка строится не только по шкале «добрый/злой», но и по параметрам «высокий/низкий статус» и «привилегия/обязанность». Эти значения выражаются через номинативные обозначения и предикативы долженствования. Одновременно утверждается

позитивная норма коллективности: «Мы грузди – ребятушки дружны, пойдем на войну!», где прилагательное «дружны» и глагольная форма «пойдем» репрезентируют ценность совместного действия.

Для отрицательного полюса характерно, что негативная оценка выражается не столько через отдельные прилагательные, сколько через нарушение базовых этических норм, особенно в отношении слабого.

Отрицательная оценка стабилизируется на уровне поведения и телесной экспрессии угрозы: «стала на людей смотреть, зубы точить», «разозлилась ведьма, скрипит зубами», «Гнала-гнала; еще немножко… и уйти нельзя!», «Вот близко, вот нагонит!», «Теперь не уйдешь от меня!». В этих репликах видно, как сказка делает зло «видимым» через лексику преследования, через эллипсис и повторы, то есть через синтаксис предельной угрозы: опасность не объясняется, а предъявляется в самом ритме речи. При этом персонажный голос сообщества выдает прямой ярлык: «Ах ты, ведьма проклятая!», где проклятая усиливает не психологическую характеристику, а культурный приговор.

Отдельный класс примеров демонстрирует негативную норму через существительные-ярлыки, которые сами по себе уже выполняют оценочную работу. В № 200 «Королевна и разбойники» и 201 «Мудрая девица и семь разбойников» достаточно назвать субъект и статус: «те кавалеры были все разбойники», «приехали… разбойники – семь человек», чтобы запустить «минус» без дополнительной характеристики, потому что разбойник в сказочной системе – не нейтральная социальная роль, а носитель анти-нормы. В сказке № 203 «Убогий» отрицательный полюс также разворачивается от ярлыка к норме поведения: «На разбой поехал» задает преступную идентичность, а затем важнейшим становится бытовой показатель нарушения человечности: «а нищих не зовут». Минималистическое предложение работает как моральный диагноз: не зовут – значит, не признают права слабого на участие в общей трапезе и общей защите.

В сказке «Жадная старуха» в одной реплике совмещены приказ, пренебрежение и номинация-оскорбление: «Поди-ко, старой хрыч, хоть дрова руби!». Здесь отрицательность не только в слове хрыч, но и в общей конструкции принуждения: адресат лишается права на уважение и на собственную волю, а грубая номинация закрепляет социальное унижение как допустимую модель общения. Похожим образом в сказках, где развернута бранная номинация, минус-оценка наращивается через ритм и накопление ярлыков, превращая речь в инструмент давления; для лингвоаксиологии важно, что «плохая речь» становится маркером «плохого мира», где агрессия легализуется словом. В сказке «Зимовье зверей» это прямой маркер того, что добыча через обман – анти-норма, даже если персонаж говорит ласково и использует «плюс-лексику» как приманку: «Ну, любезные куманьки… не бойтесь, берите!».

Негативная норма нередко проявляется как общеизвестное ожидание опасности, и в афанасьевских текстах это оформляется предикативами и модальными конструкциями. В сказке «Бесстрашный» звучит рациональная оценка работника: «сюда страшно ехать», где страшно фиксирует нормативно оправданную установку (ночь, лес, возможные нападения). В 205. «Рассказы о мертвецах» страх и опасность также уплотняются краткими предикативами и формулами испытания («страшно!»; «по ночам мертвецы встают!»), а затем поддерживаются речью угрозы («Отдай мой саван!»), показывая, как «минус» становится событием, предъявленным через прямую речь. В сказке «Счастье и несчастье» отрицательная рамка задается исходной формулой нужды: «был человек бедный…», и повтор плача («плака… плака») выступает не просто эмоцией, а лингвоаксиологическим сигналом неблагополучия, на фоне которого любые эпизоды помощи (дар, удача, находка) читаются как временное восстановление нормы.

Модальность в афанасьевских сказках действительно выступает как «этика в виде грамматики»: норма не столько описывается, сколько предъявляется в форме предписания, запрета, предупреждения, условия и

приказа. В сказке «Бесстрашный» регулятивная оценка строится уже на предикативе и модальности вероятности: «Эх, хозяин, сюда страшно ехать; ведь теперь ночь, могут либо звери напасть, либо разбойники обидеть». Здесь «страшно» фиксирует негативную оценку ситуации, но нормативность дает именно конструкция «могут…» – потенциальная агрессия превращает поездку в действие, которое не следует совершать. В этом же тексте регулятивность оформляется не только советом, но и властной директивой: «…положил в повозку и велел ехать дальше». Глагол «велел» задает не психологию героя, а его право устанавливать линию поведения – это грамматически маркированная позиция контроля и решительности, которая в сказочной системе обычно соотносится с «правильным» поведением в опасности.

В сказке «Рассказы о мертвецах» модальность работает еще плотнее, потому что проверка нормы разворачивается в цепочки императивов. «Ну, ежели не боишься, – говорят попрядухи, – дак поди мимо погосту к церкви, сними с дверей образ да принеси» – здесь важен сам синтаксис: условное «ежели» превращает оценку смелости в условие допуска к статусу, а повелительные формы «поди», «сними», «принеси» материализуют норму как обязательный маршрут действия. Дальше в этом же тексте регулятивная модальность появляется в устах потустороннего как принуждение и запрет: «Отдай мой саван!» и «пущай она отнесет туда, где взяла!», что принципиально для анализа: повелительное наклонение не «по природе доброе» и не «по природе злое»; оно маркирует силу и право навязывать норму. У «попрядух» императивы организуют испытание, у мертвеца – восстанавливают нарушенный порядок (взятое должно вернуться на место), но в обоих случаях оценка формируется грамматически: не «плохо/хорошо», а «так должно быть».

Сходный механизм виден в сказке «Ведьма и Солнцева сестра», где регулятивные конструкции задают не мораль, а стратегию спасения, и именно поэтому они так удобны для фиксации «границ допустимого».

«Попроси у дядьки наилучшего коня» и «Дай мне коня самого лучшего» – суперлативы «наилучшего», «самого лучшего» соединены с просьбой-предписанием, то есть норма выражена через «правильный выбор средства»: спасение возможно только при выполнении предписанного. Далее сказка буквально формулирует запрет как защитный барьер для зла: «Нет ведьме проходу!» – это короткая предикативная формула, где «нет проходу» выступает регулятивной оценкой пространства и действия: ведьме запрещен доступ, и запрет – это благо. Здесь хорошо видно, что модальность в сказке может оценивать не только поступок, но и возможность: запрещенное для зла оказывается «правильным» для мира.

Регулятивность может проявляться и в форме внутреннего «самозапрета», когда норму задает не внешняя власть, а внутренняя граница. В 203. «Убогий» это выражено предельно просто: «…нечем ему с семьей кормиться, а воровать боится». Формально здесь нет слова «нельзя», но оно присутствует семантически: страх выступает модальным ограничителем поступка, и тем самым норма честности фиксируется как грамматическая невозможность переступить черту. В сказке «Мудрая девица и семь разбойников» регулятивная оценка звучит через осторожность и предупреждение: «не возьму я ваши деньги; неравно проторгуюсь – чем я вам долг заплачу?» – условность «неравно» и вопрос «чем заплачу?» создают модель поведения «не бери чужого, если не уверен, что вернешь», и это тоже не эпитет, а грамматическая этика ответственности. Даже когда жена реагирует раздраженно, ее реплика сохраняет регулятивный оттенок нормы умения и порядка: «Я б получше твоего припрятала!» – сравнительная форма «получше» задает шкалу «как следует делать», пусть и произносится с упреком.

Параллельно с модальностью мощнейшим каналом лингвоаксиологии остаются существительные-ярлыки: они не описывают, а классифицируют, то есть мгновенно помещают персонажа в ценностную клетку. В сказке «Королевна и разбойники» это видно уже в экспозиции: «…сватались

двенадцать кавалеров, а те кавалеры были все разбойники». Никакой дополнительной характеристики «плохие» не требуется: слово «разбойники» уже содержит моральный приговор, и дальше текст просто подтверждает эту классификацию через «следы» их мира – «бочки с кровью», «человечьи головы, ноги, руки», «человечьи кости». Ярлык здесь работает как рамка, а перечисления – как наполнение рамки. В сказке «Мудрая девица и семь разбойников» классификация повторяется: «приехали… разбойники – семь человек».

Ярлык «ведьма» работает сходно, но иначе семантически: он сразу выносит персонажа за пределы человеческого и нормального. В 50. «Ведьма и Солнцева сестра» классификация задается прямой формулой «страшная ведьма», и далее угрозы «Съем отца, съем мать, съем и брата!» оказываются не «случайной жестокостью», а закономерным раскрытием типа. Очень показательна и составная номинация «ведьма-змея» в развязке, потому что она усиливает анти-норму двойным ярлыком: ведьма как социально-мифологическая категория соединяется со змеей как хтоническим знаком. В таком материале особенно хорошо видно, что оценка задается не столько прилагательными («страшная»), сколько самой номинацией, которая запускает готовый сценарий ожиданий.

Даже если сюжет в дальнейшем переигрывает ожидание, для языка важно само первоначальное присвоение ярлыка: оно фиксирует, как «людская» оценка оформляется не прилагательным, а существительным в позиции идентификатора. Модальность делает оценку регулятивной: «страшно ехать», «могут…», «велел…», «ежели… поди… сними… принеси», «Отдай…», «пущай… отнесет», «попроси… наилучшего» – все это не столько характеристика, сколько установка границы допустимого и предписание действия. Ярлыки же делают оценку типологизирующей: «разбойники», «разбой», «ведьма», «мачеха», «дурак» не уточняют, а распределяют персонажа по ценностным клеткам, из которых уже логически вырастают и ожидания сюжета, и санкции финала. Именно поэтому в

разметке корпуса такие случаи особенно надежны: они дают оценку, «собранную» в одном слове или в одной грамматической конструкции, и позволяют с высокой точностью описывать культурную норму как повторяемый языковой шаблон.

Семейная оппозиция «свой / чужой» проявляется в сказке прежде всего через распределение заботы, любви и права внутри одного домашнего пространства. В сказке из сборника А.Н. Афанасьева «Морозко» эта оппозиция задана уже в начальной характеристике: у мачехи есть «падчерица» и «родная дочка»; при этом родная дочь получает одобрение независимо от поступков, а падчерица, напротив, не может заслужить признания, поскольку для нее «все не так, все худо» (№ 96).

Семейная девиация проявляется и в нарушении братской нормы справедливости, где «плохо» фиксируется не ярлыком, а глагольной конструкцией присвоения на фоне ожидания должного: (Афанасьев, № 201 «Мудрая девица и семь разбойников»: «Думал, что брат брата не изобидит»); (Афанасьев, № 201 «Мудрая девица и семь разбойников»: «…все наследство у себя удержал»). В этих формулах отрицательная оценка строится на несоответствии культурному смыслу родства: «брат» должен быть гарантом взаимности, но становится субъектом удержания и исключения. В том же источнике положительная норма общинной поддержки задается эмоционально-нормативной лексикой, которая легитимирует помощь как «правильное» действие: (Афанасьев, № 201 «Мудрая девица и семь разбойников»: «…соседи, жалея его бедность, …дают ему денег»). Слово «жалея» здесь работает как культурная санкция сострадания: бедность требует отклика, а не презрения.

Эмоциональные состояния персонажей – жалость, страх, благодарность – в сказках А.Н. Афанасьева часто выполняют функцию показателей ценностной границы даже в тех случаях, когда в тексте отсутствуют прямые эпитеты добрый, злой, хороший, плохой. Нравственная норма может проявляться через противопоставление нужды и внутреннего запрета на

недолжное поведение. Так, в сказке «Убогий» бедность Нестерки описывается через формулу лишения: «детей-то много, да имения никакого, нечем ему с семьей кормиться, а воровать боится» (№ 347). Выражение воровать боится показывает, что герой находится в ситуации нужды, но не переступает нравственную границу: запрет выражен не словом нельзя, а внутренним страхом совершить дурной поступок. Положительная оценка милосердия в той же сказке передана через действие включения слабого в пространство заботы: «Нестерка взял этого убогого, посадил на повозку и поехал» (№ 347). Здесь ценностно значимым оказывается не оценочный эпитет, а последовательность поступков: герой замечает беспомощного, принимает его просьбу и берет с собой. Напротив, нарушение нормы гостеприимства и человечности маркируется краткой формулой исключения: «а нищих не зовут» (№ 347). В данном случае отрицательная оценка создается через глагольную форму не зовут: персонажи не признают за нищими права на участие в общей трапезе и тем самым выводят их за пределы человеческого общения.

В сказке «Королевна и разбойники» эмоциональное состояние героини становится телесным знаком моральной опасности: «Кралеўне аж млосно зрабилася са страху» (№ 344). Слово млосно в примечании к тексту объясняется как тошно; следовательно, страх передан не только как душевное переживание, но и как физическое состояние – дурнота, телесная слабость, ощущение угрозы. Такая безлично-предикативная конструкция показывает, что зло обнаруживается для героини не через рассуждение, а через непосредственную реакцию тела на увиденное и услышанное. К этому же семантическому полю относится афористическая формула из сказки «Крошечка-Хаврошечка»: «Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!» (№ 100). Здесь отрицательная оценка связана не просто с грубостью, а с отсутствием ласки, поддержки и человеческого участия. Глаголы ткнуть, толкнуть обозначают насильственное, унижающее воздействие, тогда как приветить и приохотить

задают противоположную ценностную сферу – заботу, принятие и доброжелательное отношение. Поэтому доброта в данном эпизоде понимается не только как практическая помощь, но и как способность поддержать другого словом и отношением.

Афоризм и «комментирующая» формула ценны тем, что переводят оценку из индивидуального отношения в режим закона: (Афанасьев, № не указан: «Кто копает другому яму, тот и сам в нее попадет»). Обобщающее «кто» и симметрия частей создают причинно-следственную модель, в которой антиценность определяется механизмом возврата зла. Внутри афанасьевского материала аналогично работает краткая санкционирующая причинность, связывающая проступок и воздаяние: (Афанасьев, № 203 «Убогий»: «Это господь за разбой покарал!»). Здесь «за разбой» оформляет причину, «покарал» – предикат санкции, а вся конструкция функционирует как речевой эквивалент пословицы: зло получает закономерный ответ мира. Показательно, что причинность может выражаться и через ироническое наказание без морализаторского комментария: (Афанасьев, № 45 «Пузырь, соломинка и лапоть»: «Пузырь хохотал-хохотал да и лопнул!»). В этой формуле злорадство читается как антиценность, а гибель – как санкция, то есть «моральная грамматика» реализуется в связке действия и итога.

Случаи «маски-оценки» и потенциального антифразиса проявляются там, где положительная оболочка речи обслуживает отрицательный замысел, и истинная оценка раскрывается по контексту действия. В 30-й сказке ласковое обращение и успокоение используются как инструмент управления адресатом: (Афанасьев, № 30 «Зимовье зверей»: «Ну, любезные куманьки… не бойтесь, берите!»). Лексически это «плюс», прагматически – приманка; поэтому такие реплики в корпусе требуют отдельной пометы, иначе «плюсовая» лексика исказит распределение оценок. Истинный «минус» в этом же источнике задан глагольной формулой порочного средства: (Афанасьев, № 30 «Зимовье зверей»: «Лиса поднялась на хитрости… лежит, будто мертвая»). Здесь антиценность названа прямо («на хитрости»), а

сравнение «будто мертвая» усиливает ложность как норму «анти-добра». Для контраста в том же тексте присутствует эталон благодарственной речи как позитивного речевого поведения: (Афанасьев, № 30 «Зимовье зверей»: «Хорошо, кумушка! Вот спасибо, удружила; мы твоих услуг никогда не забудем!»). Предикатив «хорошо», формула «спасибо» и гипербола «никогда» закрепляют норму памяти о добре.

Финальные санкции в афанасьевских сказках работают как процедура легитимации оценки: мир распределяет судьбу и тем самым подтверждает «плюс/минус» без обязательной оценочной лексики. В 204-й сказке отрицательный полюс подтверждается реакцией зла, лишающей его силы и права на власть: (Афанасьев, № 204 «Бесстрашный»: «…разбойники… с испугу разбежались»). В 49-й сказке негативность ситуации легитимируется катастрофическим итогом, который выступает приговором без комментария: (Афанасьев, № 49 «Солнце, месяц и ворон воронович»: «…они оба упали и убились»). В 200-й сказке санкция выражается исключением нарушителей из порядка, а восстановление нормы – возвращением героини в «правильную» социальную структуру: (Афанасьев, № 200 «Королевна и разбойники»: «…те кавалеры были все разбойники»), где ярлык запускает ценностную рамку, а последующие развязки закрепляют ее судьбой. Языковые средства вербализации христианских ценностных смыслов представлены в таблице ниже.

Таблица 7.

Разноуровневые языковые средства выражения религиозно-нравственных ценностей в русских народных сказках

Аспект	Тип единицы	Примеры	Ценность	Знак
Лексический	Лексика прямой номинации	*Бог, молитва, грех, душа*	Сакральный мир	+ / −

Лексический	Оценочный эпитет	*праведный, грешный, святой*	Нравственная норма	+ / −
Лексический	Антропоним	*Иван, Иванушка, Иван-дурак*	Близость / амбивалентность	нейтр./+/±
Словообразовательный	Диминутивный суффикс	*-ушк-* в *Иванушка*	Одобрение, близость	+
Фразеологический	Фразеосхема (благочестие)	*Бог в помощь!, Господи, помилуй!*	Смирение, доверие	+
Фразеологический	Фразеосхема (проклятие)	*Чтоб тебя разорвало!*	Нарушение нормы	−
Грамматический	Глагольная цепочка СВ	*помолился - поклонился - сказал*	Ритуальная норма	+
Синтаксический	Атрибутивное сочетание	*святые иконы, праведная душа*	Сакральное пространство	+

Таким образом, система языковых средств позволяет репрезентировать в сказочном тексте ценностную оппозицию добра и зла, праведности и греха, духовного и земного. Положительно маркированные единицы формируют

образ сакрального мира и утверждают нравственный идеал, тогда как отрицательно маркированные средства фиксируют отклонение от него и подчеркивают необходимость морального воздаяния.

В результате анализа можно утверждать, что христианские традиции и образы в русской народной сказке выполняют прежде всего нормативно-аксиологическую функцию: они задают «вертикаль» оценки и переводят бытовые и социальные конфликты в плоскость высшего порядка.

2.3. Языковая объективация аксиологической оппозиции «добро – зло» в русской народной сказке

В русской лингвокультуре граница между противоборствующими силами добра и зла часто размыта. Хотя добро и зло являются основополагающими темами для русских сказок, их присутствие в первую очередь выражается с помощью метафорических образов и прямого противостояния. Примечательно, что эти понятия вербализуются через антонимические оппозиции, актуализирующие семантическую полярность ключевых лексем. Тем самым противопоставляемые слова образуют полюса одной ценностной шкалы, а не просто фиксируют разный смысл.

Оппозиция «добро – зло» реализуется на всех уровнях языковой организации сказочного текста. На лексическом уровне – через антонимические пары добрый – злой, правда – кривда, светлый – темный, живой – мертвый. На морфологическом – через диминутивные суффиксы с оценочной коннотацией. На синтаксическом – через параллельные конструкции и формулы зачина/концовки. На фразеологическом – через устойчивые обороты нечистая сила, живая/мертвая вода, добрый молодец. Анализ этих средств в их системном единстве составляет задачу настоящего параграфа.

Традиционно в русской народной сказке герой получает помощь от волшебных персонажей или предметов, обеспечивающих победу над злом.

Однако в лингвокультурном аспекте особый интерес представляет не сама бинарная оппозиция «добро/зло», а ее семантическая подвижность, реализуемая на уровне языковых средств.

Номинации персонажей в русской народной сказке формируют первичный уровень аксиологической разметки текста. Именно имя персонажа, устойчивое словосочетание или закрепленная сказочная номинация задают первоначальный ценностный знак еще до развертывания действия. Положительный полюс репрезентируют сочетания *добрый молодец* и *красна девица*, которые в сказочном тексте функционируют как устойчивые оценочные номинации. В сочетании *добрый молодец* прилагательное *добрый* реализует не только общее значение положительной оценки, но и специализированный сказочный смысл – «достойный, храбрый, заслуживающий одобрения герой». В сочетании *красна девица* компонент *красна* сохраняет архаическое значение «красивая, прекрасная, достойная», поэтому данная формула одновременно обозначает внешний и нравственно-положительный статус персонажа.

Отрицательный полюс образуют номинации *Баба Яга*, *Кощей Бессмертный*, *ведьма*, *злодей*, *нечистый*. Эти единицы не просто называют персонажа, а сразу вводят его в отрицательно маркированную зону сказочного мира. Лексема *ведьма* уже на уровне словарного значения содержит признак опасности и связи с темной силой, а составная номинация *Кощей Бессмертный* акцентирует отклонение от естественного миропорядка: бессмертие в сказке принадлежит не норме, а враждебной, нарушающей силе.

Таблица 8.

Аксиологическая поляризация номинаций персонажей русских народных сказок

Полюс	Номинация	Тип единицы	Лингвистическая характеристика	Аксиологический знак

Положительный	*добрый молодец*	устойчивое сочетание	эпитет + существительное, формульная положительная номинация	+
Положительный	*красна девица*	устойчивое сочетание	архаизированная эпитетная формула	+
Положительный	*Иванушка*	антропоним с диминутивом	форма близости, одобрения, сочувствия	+
Отрицательный	*Баба Яга*	сказочная номинация	устойчивое имя персонажа с отрицательной коннотацией	−
Отрицательный	*Кощей Бессмертный*	составная номинация	имя + признак нарушения нормы	−
Отрицательный	*ведьма*	существительное прямой номинации	отрицательно окрашенная лексема	−
Отрицательный	*злодей*	существительное прямой оценки	прямая моральная квалификация	−
Амбивалентный	*Иван-дурак*	составная номинация	поверхностная отрицательная оценка, сюжетная переоценка	− / ±

Особое место занимает номинация *Иван-дурак*. Поверхностно она несет отрицательный знак, поскольку слово *дурак* выступает как ярлык социального несоответствия. Однако сюжетное развитие переосмысливает этот знак: сказка переводит внешне отрицательную номинацию в амбивалентную, а затем нередко и в положительную, поскольку за кажущейся глупостью скрываются смирение, простота, нравственная чистота и способность к правильному действию.

Фольклорные формулы целесообразно выделять в самостоятельную группу языковых средств, поскольку они отличаются от фразеологизмов текстовой закрепленностью и жесткой позиционной фиксацией в структуре сказки. Если фразеологизм может употребляться в разных типах речи, то формула привязана к определенной композиционной позиции: к зачину, переходу, кульминационному диалогу или концовке. Положительный аксиологический полюс здесь репрезентируют формулы *Жаль мне тебя* и *Стали жить-поживать да добра наживать*. Первая формула вводит сочувствие и эмпатию как норму отношения к другому; вторая закрепляет итоговое торжество справедливого миропорядка через образ благополучной доли. Отрицательный полюс формируют формулы *Съем тебя!*, *Тут ему и конец*, *Злой девице живой не быть*. В них оценка предельно сжата и оформлена либо как угроза, либо как итоговая санкция, вынесенная сказочным порядком.

Таблица 9.

Типы сказочных формул и их роль в выражении положительной и отрицательной оценки

Тип формулы	Пример	Полюс	Функция
Формула сочувствия	*Жаль мне тебя*	+	выражает эмпатию, жалость, готовность к помощи
Формула счастливой развязки	*Стали жить-поживать да добра наживать*	+	закрепляет торжество нормы и справедливой доли
Формула угрозы	*Съем тебя!*	−	маркирует насилие и враждебность
Формула финальной санкции	*Тут ему и конец*	−	завершает линию зла наказанием

Формула приговора	*Злой девице живой не быть*	–	выражает нормативное исключение злого персонажа

Отдельного рассмотрения требует формула *жили-были*. Относить ее к фразеологизмам в узком смысле оснований недостаточно, поскольку эта единица не обладает полностью фиксированным лексическим составом: сказка допускает варианты *жил-был старик*, *жили-были дед да баба*, *жили-были старик со старухой*. Следовательно, устойчивость здесь обеспечивается не неизменностью слов, а повторяемостью синтаксической модели и прагматической функции. Именно поэтому формулу *жили-были* точнее квалифицировать как фразеосхему - устойчивую синтаксическую конструкцию с закрепленным коммуникативным значением начала сказочного повествования.

Структурно эта фразеосхема строится на соединении форм прошедшего времени глаголов *жить* и *быть* с обозначением субъекта. Семантически она маркирует переход из реального времени в условное сказочное прошлое. Аксиологическая функция данной формулы состоит в том, что она не просто открывает рассказ, а вводит слушателя в особый хронотоп, где действуют специфические законы сказочного мира: добро в конечном счете торжествует, зло получает санкцию, а ценностная шкала становится заранее понятной.

Показательным в этом отношении является образ Бабы Яги, чья аксиологическая амбивалентность закреплена в системе номинаций и речевых действий. С одной стороны, она характеризуется через устойчивые отрицательные обозначения, с другой – ее речь структурирована как последовательность инструктивных и дарительных актов. Передача магических предметов (клубок, яблоко, меч-кладенец) сопровождается глаголами со значением передачи («дай», «возьми», «ступай»), что переводит персонажа в функционально позитивную зону. Таким образом, оценка

персонажа формируется не столько через эпитет, сколько через совокупность его речевых и предметных действий.

Эпитеты в языке русской народной сказки выполняют функцию прямой аксиологической квалификации персонажа, предмета или состояния. В отличие от номинаций, которые закрепляют за образом исходный статус, эпитеты уточняют его оценочную природу и делают ценностный знак более явным. С опорой на классификацию Н.Д. Арутюновой такие прилагательные целесообразно рассматривать как этические и нормативные оценочные единицы, поскольку они выражают соответствие или несоответствие персонажа нравственной норме. Положительный полюс формируют эпитеты *добрый, светлый, честный, ясный, чистый*. Эти слова объединяет семантический признак открытости, правильности, соответствия норме. Отрицательный полюс формируют эпитеты *злой, лихой, темный, нечистый, окаянный*. Их объединяет семантика скрытой угрозы, искажения, разрушительности и связи с отклонением от должного.

Таблица 10.

Семантические группы и типы оценки положительных и отрицательных эпитетов в русских народных сказках

Полюс	Эпитет	Семантическая группа	Тип оценки
Положительный	*добрый*	открытое, нравственно правильное	этическая
Положительный	*светлый*	ясное, чистое, неопасное	нормативная
Положительный	*честный*	правдивое, соответствующее норме	этическая
Положительный	*ясный*	прозрачное, понятное, упорядоченное	нормативная
Положительный	*чистый*	незапятнанное, правильное	этическая / нормативная
Отрицательный	*злой*	враждебное,	этическая

		разрушительное	
Отрицательный	*лихой*	опасное, недоброе	этическая
Отрицательный	*темный*	скрытое, угрожающее, непроясненное	нормативная
Отрицательный	*нечистый*	связанное с демоническим, недолжным	нормативная
Отрицательный	*окаянный*	проклятое, греховное	этическая

С точки зрения функциональной семантики оценки такие прилагательные выстраиваются в аксиологическую шкалу, где положительные эпитеты маркируют приближение к норме, а отрицательные – удаление от нее. В сказке эта шкала особенно устойчива: эпитеты повторяются из текста в текст, закрепляя культурно узнаваемое распределение добра и зла. Поэтому сочетания *добрый молодец*, *светлый терем*, *честное слово* или, напротив, *злая мачеха*, *лихой человек*, *нечистая сила* воспринимаются не как случайные определения, а как готовые формулы ценностной классификации.

Аксиологическая подвижность проявляется и в сказках типа «Правда и Кривда», где оппозиция «добро/зло» получает лингвистическое выражение через антонимическую пару, восходящую к пространственной метафоре «прямое/кривое». Номинации «Правда» и «Кривда» представляют собой субстантивированные абстракции, семантика которых мотивирована внутренней формой слов: «прямой» ассоциируется с нормой и правильностью, «кривой» – с отклонением и искажением. Эта оппозиция поддерживается и фразеологическим уровнем («кривить душой»), где переносное значение фиксирует связь между физической деформацией и моральным нарушением [Телия 1996: 188].

Сюжетная динамика данных текстов строится на временном доминировании «Кривды», что вербализуется через лексику обмана и присвоения, однако финал сопровождается восстановлением нормы,

выраженным через речевые акты разоблачения (свидетельские показания, чудесные «голоса истины»).

В «Крошечке-Хаврошечке» лингвоаксиологическая шкала разворачивается через глагольные оппозиции: «ткнуть/толкнуть» – «приветить/приохотить». Таким образом, добро и зло концептуализируются как тип коммуникативного поведения, а не как отвлеченные качества. Отсутствие «доброго слова» вербализует дефицит нормы, тогда как наличие ласковой речи маркирует включенность в социально одобряемую модель взаимодействия.

Глаголы в сказочном тексте объективируют оппозицию «добро – зло» как различие не между абстрактными качествами, а между типами действия.

Таблица 11.

Семантические группы глаголов выражения положительной и отрицательной оценки

Семантическая группа	Глаголы положительного полюса	Глаголы отрицательного полюса
Помощь / вред	*помог, выручил, накормил, приютил*	*навредил, погубил, сгубил*
Дар / лишение	*одарил, наградил, дал*	*отнял, украл, разорил*
Поддержка / разрушение	*спас, уберег, защитил*	*извел, сломал, уничтожил*
Честная речь / ложь	*сказал правду, открыл, предупредил*	*обманул, солгал, перехитрил*
Ласковое обращение / насилие	*приветил, приохотил*	*ткнул, толкнул, ударил*

Именно глагольная семантика позволяет показать, каким образом нравственная оценка закрепляется за поступком. Положительный полюс формируют глаголы помощи, поддержки и дара: *помог, выручил, накормил, приютил, одарил*.

Рассказчик в народной сказке почти никогда не выступает «моралистом» в прямом смысле (не разворачивает рассуждения о том, что хорошо и что плохо), но постоянно нормирует мир через короткие авторские вставки, сравнения с «естественным порядком», обобщающие формулы и итоговую санкцию. Поэтому аксиологическая дихотомия «добро/зло» здесь переживается как нечто само собой разумеющееся: не доказывается, а предъявляется – как правило, через языковую форму оценки.

В «Морозко» (Афанасьев, № 52) негативная характеристика мачехиной «неуемности» задается не ярлыком («злая», «дурная»), а контрастом меры: «Ветер хоть пошумит да затихнет, а старая баба расходится – нескоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать». Зло здесь вербализуется через семантику склочности и злопамятного «придумывания», а также через разговорно-экспрессивный оборот «зубы чесать», который снижает образ и подсказывает читателю норму: природное – мерно и циклично, человеческая злость – бесконечно «разгорается», то есть выходит за границы должного. В этой же сказке авторская позиция «подписывает» ценность героини метафорой абсолютной пробы: *а надо правду сказать, девочка была золото*. Переносное имя «золото» переводит нравственное качество в разряд безусловной ценности: доброта/кротость/трудолюбие не просто «приятны», а равны драгоценности, то есть общественно значимы и редки.

Показательно, что рассказчик часто формирует оценку через короткую формулу уверенности («а надо правду сказать…»), тем самым заранее снимая возможность спора: оценка подается как «очевидный факт», как коллективное знание. Подобные вводные конструкции маркируют не индивидуальное мнение повествователя, а «голос нормы», то есть культурную картину, где добродетель должна быть признана всеми, а порок – всем понятен без объяснений.

В «Дочь и падчерица» (Афанасьев, № 54) порок жадности фиксируется через телесную метафору и экспрессивную «картинку»: *…полон воз добра!* Важен сам тип предиката: здесь оценивается не только «качество» личности,

но и способность к социальной адекватности; ярлык «дурак» в сказке часто выполняет функцию речевой границы между нормой и отклонением, причем именно персонажное употребление особенно агрессивно, потому что адресовано человеку «в лицо» и производит эффект унижения.

Та же логика видна в оценках, направленных на противника или «нечистую силу»: персонажи используют абсолютные ругательные номинации, закрепляющие зло как анти-норму, причем нередко в форме экспрессивного выкрика. В «Солдат избавляет царевну» (Афанасьев, № 90) звучит: «– Ах, проклятые!» – это не сообщение о свойствах противника, а эмоциональная маркировка его как «недопустимого». В «Иванко Медведко» (Афанасьев, № 89) черти обобщенно названы «чертовым племенем», а в другом месте противник унижается через физиологически сниженный образ: «…устал окаянный – пот так и льет с рыла!»; подобные формулы объединяют оценку и «снижение» образа зла, делая его одновременно опасным и презираемым. В «Шабарше» (Афанасьев, № 88, Приложение 1) речевая стратегия героя строится на колебании между псевдопохвалой и упреком: «– Хорошо свистишь… а все не по-моему! Не силен знать ты, бесенок!» – комплимент мгновенно превращается в вербальное доминирование, где «бесенок» фиксирует противника как слабого и младшего по статусу. Здесь «оценка-оружие» видна в чистом виде: слово задает иерархию и переводит борьбу в регистр превосходства.

Персонажная похвала тоже чаще всего формульна и «социальна»: одобряется соответствие роли, успешность действия, смелость, «ладность» поведения. В корпусе устойчиво повторяются похвальные номинации типа «молодец» и «славный молодец». В «Два Ивана – солдатских сына» (Афанасьев, № 92) прямо сказано: «А Иван – славный молодец», а оценка труда оформляется бинарно и предельно конкретно: «– Хорошая работа!» / «– Плохая работа!».

Комический, но методологически значимый пример – антифразис и ирония: в «Иванко Медведко» звучит «– Экой разумник!» как внешняя

похвала, которая по смыслу является порицанием буквальности и несоответствия здравому смыслу. В «Беглом солдате и черте» механизм антифразиса еще прозрачнее: солдат приветствует нечистого формулой «– Здорово, добрый человек!», а дальше подчеркнута реакция: «Черт аж поморщился…», то есть слово «добрый» здесь употреблено не как реальная положительная характеристика, а как насмешка и принижение зла через навязанное ему «человеческое» имя. Оценка может быть не только прямой («проклятые», «вор», «скверный»), но и «обратной», когда положительная лексема выполняет функцию отрицательного смысла, и эта инверсия становится маркером культурного знания о том, кто «не имеет права» на доброе имя.

Наконец, персонажная оценка часто несет в себе социальную риторику – она звучит как обобщение, которое претендует на норму и поддержку коллектива. В «Беглом солдате и черте» формула «Кто не рад веселому товарищу!» оформляет одобрение не как частную симпатию, а как «правило общения». В «Батраке» персонажи рассуждают о шансах и результате в обобщающих репликах: «Получше тебя ходили, да ни с чем ворочались», где оценка адресата строится через сравнение с «другими» и тем самым как бы легитимируется опытом мира. Даже угрозы и жестокие планы могут быть оформлены «деловым» коллективным решением: «…пошлем-ка мы батрака… в лес…; пускай его лютые звери съедят!» – и в этом случае язык оценки раскрывает не эмоцию, а социальную норму группы, где устранение опасного/неподконтрольного человека мыслится допустимым. Поэтому анализ персонажных оценок принципиален: он показывает, как в сказке сталкиваются не только добро и зло как абстракции, но и разные речевые стратегии – одни стремятся назвать «по правде» и восстановить меру («хорошая работа», «неладно ты поступаешь»), другие используют слово как насилие, как способ «сделать» из человека ленивицу, дурака, вора или обречь его одним решением; и именно в этом речевом столкновении ценностная шкала сказки становится видимой на уровне конкретного предложения.

Противопоставление добра и зла в сказке закрепляется не только «темой» и фабулой, но прежде всего системой языковых сигналов, по которым слушатель мгновенно считывает ценностный знак. Наиболее очевидный слой – прямая оценка, когда признак или статус называются открыто: прилагательными и краткими формами (злой, добрый, лютый, догадлив), существительными-ярлыками (дурак, вор, ленивица, неряха), а также формульными номинациями (добрый молодец, верные слуги). В «Морозко» (Афанасьев, № 52) мачеха «переименовывает» падчерицу через ярлыки «ленивица» и «неряха», а семейная похвала «умница!» распределяется по принципу «свой/чужой», что демонстрирует прямую оценку как средство социального давления (оценка здесь не описывает реальность, а навязывает ее).

В анализируемых текстах особенно показателен «голос рассказчика»: он как будто не спорит и не доказывает, а задает ценностную рамку как само собой разумеющуюся норму. В «Крошечке-Хаврошечке» (Афанасьев, № 56) рассказчик начинает с обобщающего нравственного деления людей: «есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся» – и тем самым заранее маркирует зло как выпадение из порядка (безбожие, бесстыдство, разрушение родственной/общинной связи).

Внутри финала сказки «Дочь и падчерица» важна сама лексика причинности: смерть выводится из «горя и злости», то есть зло показано как саморазрушительное чувство, не выдерживающее миропорядка. Показательно, что и предвосхищение наказания дается через «небольшой» голос сказочного мира – мышку: «Злой девице живой не быть!» Формула звучит как пророчество нормы: если героиня нарушает минимальные правила доброжелательности и меры, она «не должна» остаться живой – и текст потом подтверждает это «сверху» (финалом).

На уровне персонажной речи оценка становится более экспрессивной и конфликтной: герои активно «переименовывают» друг друга, спорят о

статусе и праве, используют ругань, унижение, угрозу и – реже – похвалу. В той же сказке № 54 «Дочь и падчерица» мачеха спорит даже не с человеком, а с собакой-вестником, отменяя «чужую правду» грубым ярлыком и обвинением во лжи: *Врешь ты, шавчонка! Моя дочь стада гонит и возы везет.*

Здесь «шавчонка» работает как сниженная номинация, обесценивающая источник истины; зло проявляется как речевое насилие, пытающееся переделать реальность под желаемое. Важно, что сказка специально дает «оценку снизу» (собачья реплика) в параллельной, почти рифмованной конструкции: «Дідова дочка як панночка, а бабиної дочки у торбинці кісточки!». Это типичная сказочная «социальная риторика», где правда звучит в формульной, легко запоминаемой фразе, а отрицание правды – в грубом окрике; тем самым фиксируется норма: добро связано с «панночкой» как образом достойной доли, зло – с «косточками» и мешком, то есть с редукцией человека до останков.

Материал показывает, что прямая оценка (через прилагательные и ярлыки) и косвенная оценка (через состояние, образ, контраст, финал) в сказке постоянно переплетены, а иногда намеренно «ломаются» антифразисом. В «Иван-царевиче и Белом Полянине» (Афанасьев, № 96) насмешка сестер «ах ты, храбрый воин!» маркирует не похвалу, а упрек несоответствию роли защитника; и рядом – прямое порицание: «Какой же ты воин?!»

Антифразис важен тем, что позволяет увидеть ценностную шкалу «в негативе»: если «храбрый» сказано насмешливо, значит, храбрость действительно считается обязательной нормой, просто герой в данный момент ей не соответствует. Аналогично в «Хрустальной горе» (Афанасьев, № 97) и рассказчик, и змей одинаково «поддевают» героя формулой: «где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасет!» – здесь «добрый молодец» не отменяется, наоборот, на его фоне сильнее видна «нестыковка» поведения и

статуса. Таким приемом сказка показывает, что доброта в героическом мире – это не только мягкость, но и нормативная готовность к борьбе за порядок.

Финалы при этом работают как самый сильный лингвоаксиологический механизм, потому что именно они окончательно разводят ложные оценки персонажей и «правильную» оценку самой сказки. Положительный исход часто кодируется формулами, которые почти не нуждаются в расшифровке: «Стал Иван-царевич с своею женою жить-поживать да добра наживать» (Афанасьев, № 96); «…зажил батрак на славу…» (Афанасьев, № 88); «И добром кончилось дело» и «Стали жить-поживать да добра наживать» (Афанасьев, № 92). В этих концовках добро выступает как восстановленная «ровность» жизни: согласие, достаток, слава, «лад». Напротив, наказание зла часто формулируется кратко и жестко: «И смерть пришла злодею» (Афанасьев, № 92); «Смерть Кощею пришла от яйца» – и рядом симметричная положительная развязка «А Иван-царевичу – счастье и лад» (Афанасьев, № 94). Даже когда финал не проговаривает «награду» словами «добро/лад», он может делать ее образно, через снятие чар и освобождение мира: «гора скоро растаяла» (Афанасьев, № 97), где исчезновение преграды само становится знаком восстановленной справедливости.

Показателен и финал в «Солдат избавляет царевну» (книга II Афанасьева): после победы над «наваждением» текст фиксирует признание и новый статус героя, а затем формульно закрепляет «правильную долю» через брак и гармонию: «женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости». Сказка «ставит печать» на истинной оценке: кто бы что ни говорил внутри сюжета, итог сообщает, чью сторону принимает традиция.

Преобладание отрицательных оценок в анализируемом корпусе (Приложение 1) при этом закономерно и лингвистически объяснимо. Во-первых, сказка строится на отклонении от нормы: чтобы добро было видимо, зло должно быть развернуто – как жадность, унижение, клевета, угрозы, жестокость, разрушение меры (это и «с горя и злости», и «злой девице живой

не быть», и «смерть пришла злодею»). Во-вторых, отрицательная оценка выражается не только прилагательными, но и множеством речевых действий – окриком, оскорбительным ярлыком, запретом, угрозой, отменой чужой правды; тогда как добро часто маркируется формулой, которая «закрывает» сюжет одним оборотом («жить-поживать да добра наживать») и потому дает меньше разнообразных контекстов для лексико-семантического анализа. Наконец, важен эффект внимания: «плохое» в сказке не подается как норма, оно именно «выступает» из обычного, потому и получает больше языковых меток – от грубой реплики «Врешь ты, шавчонка!» до формульного приговора, от антифразиса до телесной метафорики состояния. В сумме это приводит к тому, что добро и зло в русской сказке оказываются не отвлеченными понятиями, а двумя полюсами ценностной шкалы, на которой язык особенно подробно фиксирует нарушение нормы, но неизменно возвращает мир к «правильной доле» – к труду, мере, человеческой ласке и справедливому вердикту финала.

Таким образом, в русской народной сказке добро и зло образуют не абстрактное философское противопоставление, а функциональную ценностную ось, на которой держится и сюжет, и язык. Дихотомия проявляется как система устойчивых норм и анти-норм, распознаваемых слушателем по повторяющимся речевым сигналам: оценочным словам, формульным характеристикам, обобщающим авторским вставкам, пословично-афористическим репликам, а также по распределению награды и наказания. Добро в сказке регулярно соотносится с мерой, трудовой доблестью, кротостью и умением «жить по правде» – то есть поддерживать порядок отношений и не разрушать человеческую связь; зло, напротив, маркируется как утрата меры и как агрессивное вмешательство в чужую долю – через жадность, жестокость, зависть, клевету, унижение и речевое насилие.

Проведенный лингвистический анализ показал, что аксиологическая оппозиция «добро – зло» в русской народной сказке реализуется как

многоуровневая языковая система, в которой оценка не сводится к отдельным лексемам, а распределяется по всем уровням организации текста – от словообразования до прагматики и нарративной структуры. При этом ключевой особенностью является не статичность, а динамический характер данной оппозиции, обусловленный коммуникативной природой сказочного дискурса.

Таблица 12.

Система языковых средств репрезентации положительного и отрицательного аксиологических полюсов в русских народных сказках

Аспекты	Тип средства	Средства положительного полюса	Средства отрицательного полюса
Лексический	Номинации персонажей	*добрый молодец, красна девица, Иванушка*	*Баба Яга, Кощей Бессмертный, ведьма, злодей*
Лексический	Эпитеты	*добрый, светлый, честный, ясный, чистый*	*злой, лихой, темный, нечистый, окаянный*
Глагольный	Глаголы действия	*помог, выручил, накормил, приютил, одарил*	*погубил, разорил, извел, сгубил, обманул, украл*
Антонимический	Лексические пары	*правда, добро, живой, свой*	*кривда, зло, мертвый, чужой*
Фразеологический	Устойчивые единицы	*добрый молодец, красна девица, живая вода*	*нечистая сила, кривить душой, мертвая вода*
Текстовый	Фольклорные формулы	*Жаль мне тебя; Стали жить-*	*Съем тебя!; Тут ему и конец;*

		поживать да добра наживать	*Злой девице живой не быть*
Синтаксический	Фразеосхема	*жили-были*	-
Словообразовательный	Оценочные формы	*Иванушка*	*Иван-дурак* (поверхностно отрицательная, сюжетно амбивалентная)

Проведенный анализ позволяет говорить о специфике сказочного оценочного кода, в котором язык не только отражает, но и конструирует моральную реальность, делая ее доступной для восприятия через повторяемые и узнаваемые речевые модели. Все рассмотренные языковые единицы – номинации, эпитеты, глаголы, антонимические пары, фразеологизмы, формулы и фразеосхемы – образуют целостную систему языковой объективации оппозиции «добро – зло», в которой именно словесная форма делает аксиологическую структуру сказки явной и лингвистически наблюдаемой.

Выводы по главе 2

Система аксиологических значений в русской народной сказке задается и поддерживается прежде всего языковыми средствами, причем на всех уровнях – от лексики и словообразования до синтаксиса, прагматики и композиции.

Показательно, что базовая оппозиция «добро – зло» в сказках редко вербализуется через абстрактные философские дефиниции; она разложена на сеть конкретных лексических оппозиций, которые выступают «рабочими» сигналами ценностного знака, причем каждая пара не только фиксирует

антонимы, но и распределяет позиции на аксиологической шкале (норма/анти-норма).

Выявлено, что оценка в сказке часто закрепляется не прилагательными, а существительными-ярлыками, которые сразу помещают персонажа в определенную социально-нравственную категорию. Эти номинации функционируют как готовые «ярлыки поведения»: они не описывают поступок, а переименовывают человека целиком, что превращает речь в инструмент аксиологического давления.

Положительный полюс, напротив, лексически маркируется формульными обозначениями, а также метафорическими именами ценности, переводящими нравственные качества в разряд безусловных ценностей.

Существенный пласт аксиологической информации реализуется через синтаксические конструкции и предикативные формулы. Оценка поведения и состояний часто выражается не отдельным прилагательным, а целой предикативной конструкцией, которая объединяет модальность (неизбежность, долженствование) и оценку, превращая ценностное суждение в «правило мира».

Особенно показателен синтаксический механизм оценки через категорию меры: сравнительные конструкции и сопоставительные ряды выстраивают оппозицию «естественное/мерное» – «избыточное/безмерное», где нарушение меры однозначно маркируется как зло. Оценочные суждения о бедности, труде, поведении часто оформляются именно как сопоставление, а не как прямой ярлык, что соответствует сказочному принципу «показывать», а не «объяснять».

Важную роль играют и безличные конструкции, в которых оценка как бы «обезличивается» и подается как объективный закон. Предикативы задают аксиологический статус поступка не как частное мнение, а как «правду мира», закрепленную в грамматике.

На уровне прагматики сказочный текст демонстрирует богатый набор речевых действий, через которые и проявляется оппозиция «добро – зло».

Персонажи постоянно оценивают друг друга в прямой речи: хвалят, ругают, клянут, угрожают, насмехаются, благословляют, выносят приговор. Оценочные номинации в диалоге не только констатируют, но и конструируют социальный статус, служа инструментом распределения ролей «свой/чужой», «умный/глупый», «смелый/трусливый».

Особо значим пласт «оценки-искажения»: ирония и антифразис, когда положительная лексема используется с отрицательной интенцией. Здесь оценка строится на расхождении между словом и ситуацией: формула похвалы превращается в насмешку, обнажая несоответствие героя аксиологической норме (обязанности быть храбрым, защищать, сражаться).

Похвала, напротив, чаще всего «социальна», привязана к результату действия – довести дело до конца, победить, избавить, выдержать испытание. Это подчеркивает деятельностный характер добра: ценится не декларируемое качество, а поступок, подтверждающий соответствие норме.

Наряду с оценкой персонажа принципиально важен «голос рассказчика», который задает аксиологическую рамку как нечто само собой разумеющееся. Повествователь почти не морализирует впрямую, но регулярно вводит краткие авторские комментарии, вводные формулы и обобщающие суждения.

Такие вставки функционируют как языковые маркеры коллективной нормы: они не столько выражают индивидуальное мнение, сколько артикулируют «голос традиции», от имени которого добродетель признается очевидной, а порок – неоспоримо порицаемым. Повествовательная оценка особенно часто реализуется через метафорические номинации, градации и отрицательные конструкции, описывающие зло как отсутствие должного.

Важным результатом анализа является различение прямой и косвенной оценки и выявление их взаимодействия. Прямая оценка реализуется через явные оценочные слова: прилагательные, существительные-ярлыки, формульные номинации, экспрессивные выкрики.

Косвенная оценка строится через описания состояний, сопоставления с природным порядком, «телесные» и физиологические метафоры, фиксирующие внутреннее искажение, речевые ситуации, финальные развязки, где судьба персонажа становится невербальным, но абсолютно однозначным вердиктом. Таким образом, язык сказки постоянно чередует и переплетает эти два типа оценки: слово-ярлык задает «быструю» аксиологическую маркировку, а сюжет и образные средства обеспечивают ее аргументацию и «доказательство» в действиях.

Наконец, в главе 2 выявлена подвижность аксиологической оппозиции «добро – зло» в отношении отдельных персонажей, особенно тех, кто относится к «пограничной» зоне.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

3.1. Семантические особенности аксиологической лексики

Особый слой аксиологической лексики образуют оценочные эпитеты и атрибутивные комплексы, то есть устойчивые сочетания, закрепляющие за персонажами и объектами типизированные ценностные ярлыки. В отличие от отдельных прилагательных, такие комплексы функционируют как готовые формулы сказочного стиля, мгновенно опознаваемые слушателем и автоматически включающие персонажа в определенный ценностный сценарий. Уже по первым словам «добрый молодец», «красная девица» или «страшное чудище» становится ясно, от кого в дальнейшем ждать подвигов, от кого – бед и опасностей, кого следует жалеть и кому сопереживать.

Одной из продуктивных моделей выражения положительной и отрицательной оценки в сказочном тексте являются атрибутивные сочетания типа «оценочное прилагательное + существительное, называющее персонажа или его социально-возрастную роль». В корпусе сказок А.Н. Афанасьева неоднократно встречаются формулы ***добрый молодец***, *красная девица, прекрасная королевна, молодой / младой юноша, бедный сиротка, бедный старик, злая мачеха*. Сочетания выполняют квалифицирующую функцию, через них одновременно задаются пол, возраст, социальный статус, сюжетная роль и ценностная характеристика персонажа.

Так, формула добрый молодец вводит героя не просто как молодого мужчину, а как персонажа, соотнесенного с идеалом мужской доблести, силы, решительности и нравственной надежности. В сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» стрелец вводится через устойчивое сочетание стрелец-молодец, а его конь определяется как богатырский: «У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский» (сказка № 103 «Жар-птица и Василиса-царевна», Приложение 1). В дальнейшем обращение

к герою как к добру молодцу усиливает не бытовую, а именно героико-оценочную характеристику персонажа: он представлен как достойный участник испытания и носитель положительной сказочной роли.

Аналогичным образом формула *красная девица* обозначает не только внешнюю красоту, но и принадлежность героини к сфере положительного, желанного и социально одобряемого. В одном из сюжетов о поисках невесты встречается диалогическая формула: *«Здорово, красная девица!» – «Добро пожаловать, прохожий молодец!»* (сказка № 103 «Жар-птица и Василиса-царевна», Приложение 1). Здесь сочетание красная девица соотносится с образом идеальной невесты, а молодец – с образом достойного жениха. Парность этих номинаций важна для лингвоаксиологического анализа: сказочный текст заранее задает ценностно согласованную модель встречи героя и героини, где положительная оценка выражена не прямым комментарием повествователя, а устойчивыми формульными именованиями персонажей.

Отрицательная оценка строится по той же модели, но с противоположным знаком: например, сочетание *злая мачеха* не просто сообщает о семейном статусе персонажа, а сразу включает его в устойчивую сказочную роль нарушителя домашнего порядка, справедливости и заботы. Следовательно, атрибутивные формулы в сказке выполняют функцию кратких ценностных характеристик: они не только называют героя, но и заранее задают ожидания относительно его поведения и места в системе «должного» и «недолжного».

Женские персонажи регулярно маркируются формулами *«красная девица», «прекрасная девица», «прекрасная королевна Елена», «Марфа Прекрасная»*. В книге I А.Н. Афанасьева встречается, например: *«Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка игольного…», «– Ах, прекрасная девица, – сказал Ивашко, – не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать», «– Здорово, красная девица! – сказала она: – Добро пожаловать, прохожий молодец!»;* в этих примерах эстетический эпитет

«красная» («красивая») тесно связан с ожиданием нравственной безупречности и гостеприимства. Напротив, негативно оцениваемые женщины почти всегда получают эпитеты «злая мачеха», «злая жена», реже *«злая сестра*». В сказке «Баба-яга» (кн. I, сказка № 58, Приложение 1) мачеха, ненавидящая падчерицу, прямо называется «злая мачеха», тогда как про саму девочку рассказчик говорит: *«девица красная», «бедная сирота».* То есть, уже на уровне эпитетов закрепляется оппозиция: родная, *«красная» дочь* – нравственно ценная; «*мачеха*» – почти автоматически «злая».

К этому же типу относятся обозначения социального и возрастного статуса с оценочным прилагательным: *«бедный сиротка», «бедный старик», «бедная старуха»*. В сказке «Мудрая дева» (кн. III, сказка № 188, Приложение 1) зачин звучит так: «*Помер старик со старухою, оставался у них сын сирота. Взял его к себе дядя и заставил овец пасти»;* здесь «*сирота»* уже сама по себе несет половину оценки, но в других текстах она усиливается формами «*бедный сиротка», «сирота бедная».* Эти эпитеты создают устойчивый образ страдающего, но внутренне правого (с его точки зрения) героя, с которым слушатель должен солидаризироваться и чье чудесное вознаграждение в финале воспринимается как восстановление справедливости [Веселовский 2006: 90; Потебня 1990: 33; Никитина 1993: 6].

Второй крупный тип – атрибутивные сочетания «оценочное прилагательное + зооним/чудо-существо». Прослеживается амбивалентность сказочной аксиологии: одни и те же «звериные» образы колеблются между полюсами опасности и помощи. В «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» (№ 102) царевичу навстречу выходит «пребольшой серый волк»: *«вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал: «Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич!»*; чуть позже тот же персонаж именуется «серый волк» и «волк» без эпитетов, но в речи героев появляются обращения: «*серый волк, друг мой», «серый волчок*». На первых порах эпитет «серый» связан с миром леса и хищности, и фигура волка читается как опасная; однако дальнейшие действия *(«– Добро, быть так! – молвил серый*

волк. – Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно») переопределяют его роль: волк становится верным помощником, и первоначальный негативный оттенок «серого» ослабляется, превращаясь в маркировку «чужого, но своего» («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», № 102, Приложение 1).

Противоположный полюс этого ряда составляют формулы типа «страшное чудище», «безобразный крылатый змей», «лютый зверь», «поганый зверь». В «Заклятом царевиче» купец, сорвавший запретный цветок, встречает «страшное чудище – безобразного крылатого змея с тремя головами», который требует в уплату младшую дочь; накопление прилагательных «страшное», «безобразного» и образ «крылатого змея» задает максимальную отрицательную оценку: физическая чудовищность совпадает с нравственной «проклятостью». В ряде сказок о Бабе-яге сама Яга обозначается как «Баба-яга, костяная нога», а ее избушка – как «избушка на курьих ножках»; атрибут «костяная нога» подчеркивает полумертвую, пограничную природу персонажа, обитающего «между» мирами, а формула «на курьих ножках» вводит в пространство абсурдной, «плохой» магии. Сходным образом описываются и другие существа: «змей огненный», «змей двенадцатиглавый», «черный ворон» и т. п.

Третий тип представляет собой сочетания, в которых оценочный компонент входит непосредственно в состав имени персонажа: «стрелец-молодец», «Иван-дурак», «Емеля-дурак», «Сопливый козел», «серый дурак». Здесь оценка из предиката («он молодец», «он дурак») превращается в неотъемлемую часть номинации. В уже упомянутой сказке № 103 зачин строится формулой: «жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский»; дальше «стрелец-молодец» нигде не называется по имени, эпитет «молодец» закреплен в самой структуре имени и перестает быть свободным атрибутом. Напротив, формулы «Иван-дурак», «Емеля-дурак», «сын дурак» подаются как исходная негативная оценка героя окружающими. В сказке «Медведь и петух»

говорится: *«Был у старика сын дурак. Просит дурак, чтобы…»;* далее рассказчик и другие персонажи продолжают употреблять «дурак» как основное обозначение, однако сюжет последовательно демонстрирует, что именно этот «дурак» оказывается счастливее и удачливее умных братьев. В сказке «Волк-дурень» мужик называет зверя «серый дурак» («Через два дня приходит серый дурак и говорит…»), тем самым уничижительно оценивая его глупость и ненасытность; в сказке «Сопливый козел» соответствующее прозвище («Сопливый козел») сначала оформляет образ отвратительного чудовища, но к финалу, когда заклятие снимается, из текста исчезает и сам эпитет, а герой получает статус «доброго молодца» (сказка № 24 «Волк-дурень», Приложение 1).

Помимо простых двучленных конструкций, в сказке широко представлены сложные атрибутивные комплексы, выполняющие функцию гиперболической оценки, прежде всего в отношении детей с чудесными признаками, идеальных красавиц и чудесных пространств. В третьей книге Афанасьева, в сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» повторяется формула: *«по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре, по косицам часты мелки звездочки – насмотреться невозможно!»*; в другом варианте говорится о сыновьях: *«у всех по колена ноги в золоте, по локти руки в серебре, по косицам часты мелки звездочки».* Здесь эпитеты «золотой», «серебряный» и образ «звездочек» по волосам формируют сразу несколько оценок: эстетическую (высшая красота), социально-статусную (царственность, избранность) и религиозно-символическую (свет, звезды как знак небесной благодати). В вариантах с дочерьми встречается еще более усиленная формула: «по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по косам часты звезды»; подобные комплексы не могут быть сведены к одному прилагательному, они представляют собой целые мини-тексты, где гиперболическая атрибуция тела становится способом выражения сверхценности персонажа.

Те же механизмы работают при описании идеальных пространств. В «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» царский сад характеризуется так: «сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было»; далее уточняется, что в нем растут деревья с золотыми и серебряными яблоками, поют дивные птицы, «на деревьях сидит жар-птица, своим пером потемки освещает». Многократное наращивание атрибутов («богатый», «золотой», «серебряный», «дивный») превращает сад в модель идеального, благоустроенного мира, который позже будет нарушен кражей жар-птицы. Описание палаты Марфы Прекрасной в третьей книге («позвала их в палаты белокаменные, накормила-напоила, на дорогу хлебом наделила») работает аналогично: здесь формула «палаты белокаменные» сама по себе уже является готовым атрибутивным комплексом, закрепляющим представление о царском, справедливом и щедром пространстве. Следовательно, атрибутивные комплексы, описывающие сказочные пространства, участвуют в репрезентации ценностей не менее активно, чем характеристики персонажей, вербализуют народные представления о благом, правильном и достойном устройстве мира.

С точки зрения субъектной организации текста принципиально важно различать эпитеты рассказчика и эпитеты в речи персонажей. Рассказчик вводит такие характеристики, как «старый царь», «бедный купец», «злая мачеха», «девица красная», «страшное чудище», «безобразный крылатый змей», и эти обозначения воспринимаются как исходящие от коллективного голоса традиции, а потому обладают повышенной степенью авторитетности. Так, в начале сказки «Баба-яга» читаем: «жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте»; далее мачеха получает устойчивую характеристику как «злая», а девочка – как «бедная» и «девица красная». Тем самым рассказчик с самого начала задает оценочно-нормативную перспективу повествования: мачеха маркируется как носительница зла, жестокости и нарушения семейной нормы, тогда как

падчерица – как жертва, достойная сочувствия, защиты и последующего вознаграждения. Аналогично в сказках о чудесных детях формулы «Марфа Прекрасная», «царевна прекрасная», «меньшая дочь красавица» выражают положительную аксиологическую позицию рассказчика: такие именования заранее включают персонажа в сферу одобряемого, должного и ценностно высокого. Иначе говоря, эпитеты рассказчика ориентируют слушателя, кого следует воспринимать как носителя нормы, а кого – как ее нарушителя, поэтому они выполняют важную функцию аксиологического программирования.

В речи персонажей эпитеты и оценочные обозначения нередко поляризуются в зависимости от ценностной позиции говорящего. Так, в сказке «Лиса-исповедница» лисица, обращаясь к петуху, говорит: «а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах…», а затем повторяет: «а тебе, дурак, бездельник, не быть теперь живому!»; здесь отрицательные характеристики выражают враждебность персонажа и служат речевой формой унижения адресата (сказка № 4 «Лиса-исповедница», Приложение 1).

Оценочная предикация в сказке организуется как система глагольных, именных и результативных формул, через которые текст последовательно разграничивает одобряемое и порицаемое, должное и недопустимое.

Во-первых, можно выделить случаи лексически маркированной оценочной предикации, когда аксиологический знак заложен в самом предикате. К положительно маркированным относятся глаголы и предикативные сочетания типа *спасти, пожалеть, помиловать, наградить, благословить, послужить верой и правдой*; к отрицательно маркированным – *обмануть, предать, изгнать, проклясть, погубить, казнить*. Так, в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» положительная оценка поведения волка выражена не словом *жаль* как таковым, а предикативной конструкцией «жаль мне тебя», которая передает сочувствие, и последующим глагольным сочетанием «служить верой и правдой», закрепляющим его переход в разряд помощников героя.

Во-вторых, следует выделить контекстуально маркированную предикацию, при которой оценка возникает не из отдельного слова, а из всего предикативного комплекса. В таких случаях аксиологически значимым оказывается не вспомогательный компонент, а смысловой центр конструкции. Поэтому в формуле «взял да и бросил ее в лесу» оценка связана не с глаголом взял, выполняющим служебно-композиционную функцию, а с действием бросил, обозначающим жестокое оставление без защиты. Напротив, в формуле «накормил, напоил, в путь-дорогу снарядил» последовательность действий репрезентирует гостеприимство, заботу и готовность помочь, то есть образует устойчивую модель положительно оцениваемого поведения.

В-третьих, в сказке представлена ситуативно обусловленная предикация, при которой один и тот же глагол получает различный аксиологический смысл в зависимости от объекта действия и сюжетной позиции. Так, предикат убить в отношении змея, чудовища или иного воплощения враждебной силы осмысляется как восстановление справедливости и защита должного порядка, тогда как тот же предикат в отношении брата, невинного соперника или беззащитного персонажа маркируется как преступление и тяжкое нравственное нарушение. Следовательно, оценочная предикация в волшебной сказке строится не только на прямой семантике отдельных глаголов, но и на их включенности в типовые сюжетные модели, где действие получает одобрение или осуждение в зависимости от своей функции в ценностной структуре текста.

Один из центральных классов положительной предикации образуют глаголы помощи и милости. В сказках постоянно повторяются конструкции типа «помог ему в беде», «выручил из темницы», «спас от смерти», «пожалел сиротку», «накормил, напоил, в путь-дорогу снарядил», «приютил у себя на ночь», «отпустил с миром». Когда в сказке «Старая хлеб-соль забывается» № 27 в I книге сборника А.Н. Афанасьева мужик, спасенный зверем, оказывается неблагодарным, рассказчик проговаривает норму через жалобу

животного: «Я тебя из какой неволи выручил, а ты старую хлеб-соль забыл», – тем самым закрепляя за глаголом «выручить» статус акта, который обязывает к ответному добру. В сюжетах о гостеприимстве формула «накормил, напоил, в путь-дорогу снарядил» фактически заменяет прилагательное «добрый»: царь, купец или бедный мужик, поступающий таким образом по отношению к страннику, автоматически оказывается на стороне добра, даже если рассказчик прямо этого не называет.

Особо показателен образ волка-помощника в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» (№ 168, Приложение 1). Сначала волк появляется как потенциально опасное существо: он съедает коня Ивана-царевича и тем самым вводится в сюжет как носитель угрозы. Однако далее его поведение резко меняется: волк говорит герою «Жаль мне тебя, Иван-царевич», велит ему сесть на себя, несет его в нужные места, помогает добыть жар-птицу, коня и Елену Прекрасную, а в финале некоторых вариантов способствует возвращению героя к жизни. Текст сказки действительно строит этот поворот через слова волка о жалости к Ивану-царевичу и через дальнейшую активную помощь герою.

К кругу глаголов помощи примыкают предикаты милости и благодеяний «сверху вниз»: «пожаловать», «наградить», «миловать», «благословить», «простить», «позвать к столу». В сказке о Жар-птице (№ 103) царевич или стрелец после удачного испытания «возвращается» к царю, и тот «пожаловал его большим жалованьем», «наградил его золотом», иногда «отдал за него дочь». Так, в сказке «Иван Быкович» (сказка № 137, Приложение 1) перед отправлением героев в путь говорится: «Царь их благословил, на дорогу казной наградил». Сочетание предикатов «благословил» и «наградил» аксиологически значимо, благословение оформляет предстоящее действие как соответствующее норме и одобряемое старшей инстанцией, а награда подтверждает признание достоинства и готовность власти поддержать правое дело.

Отрицательную предикацию прежде всего создает класс глаголов вреда, насилия и предательства при концентрации слов *бить, избивать, изуродовать, заколоть, зарезать, изрубить, утопить, сжечь, повесить, заморить голодом, сгноить в темнице*.

В вариантах сказок о завистливых братьях старшие братья Ивана-царевича, завидуя его успехам, «сговорились меж собой», «закололи» его во время сна, «изрубили на мелкие части», «бросили тело в глубокий ров» – эта цепочка глаголов демонстрирует постепенное нарастание жестокости и является кульминацией их морального падения. В сюжетах о мачехе и падчерице совокупность предикатов *ругает, бьет, гонит в лес, заставляет работать до смерти, приказала отвезти в лес и оставить, велела сжечь в печи* создает образ злой мачехи даже в тех фрагментах, где прилагательное *злая* не повторяется. Само то, что герой оказывается *сгноен в темнице, заморен голодом, выгнан из дому* и т. п., уже говорит о нарушении нормы по отношению к нему.

К этому же негативному классу относятся глаголы обмана, подмены и присвоения: *обмануть, подменить, подложить, отобрать, выдать, пригрозить, присвоить.* Особенно показателен здесь сказочный тип чудесного ребенка. Так, в сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» завистливые старшие сестры и их помощницы подкупили нянюшек, мамушек, украли настоящих детей царевны и подложили вместо них сначала котенка и щенка, а в другом варианте баба-яга отобрала у Марфы-царевны сыновей и оставила *трех поганых щенят.* Эти глаголы оформляют именно аксиологически маркированное действие: зло здесь проявляется как сознательное искажение истины, разрушение материнства, родства и доверия. Ту же семантику предательства обнаруживает «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»: старшие братья, «прельстившись» добычами Ивана, «вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти», а затем принудили Елену Прекрасную говорить, «будто все это они достали». Поэтому глаголы обмана и присвоения в русской народной сказке маркируют

не бытовую хитрость как таковую, а нравственное отпадение от правды, верности и законного порядка; именно в этом и заключается их устойчивая отрицательная оценочность.

При этом существенно, что оценочность глагола в сказке задается не самим действием как таковым, а его объектом, мотивировкой и итоговой сюжетной санкцией. Один и тот же предикат насилия в зависимости от контекста получает противоположный аксиологический знак. Так, в сказке «Иван – крестьянский сын» герой «срубил у змея четыре головы», затем «еще три головы отсек», а в финале боя вместе с товарищами уничтожает последнюю голову чудовища; здесь насилие осмыслено как защита своего мира от явно враждебной силы и потому получает положительную, героическую маркировку. Иной смысл тот же семантический ряд приобретает в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», где старшие братья не совершают подвига сами, но присваивают добытое младшим, вытесняют его из пространства законной славы и тем самым совершают нравственное преступление; здесь негативную оценку создает уже сама логика братского предательства и незаконного присвоения чужой заслуги. Из этого следует, что при анализе подобных предикатов их нужно различать не формально, по словарному значению «убить – срубить – зарезать», а функционально: кто действует, против кого направлено действие, ради чего оно совершается и как его оценивает сама сказка через дальнейшее развитие сюжета. Если герой поражает змея, чудо-юдо, ведьму или иную демоническую силу, насильственный глагол включается в семантику спасения, восстановления порядка и торжества справедливости; если же тот же тип действия обращен на брата, гостя, невиновного или вообще «своего», он маркирует преступление, измену и моральное падение. Следовательно, аксиологический потенциал глагола в русской народной сказке структурно связан прежде всего с оппозициями «свой/чужой», «защитник/агрессор», «праведник/злодей», а не с лексемой самой по себе.

Значительный пласт аксиологической предикации связан с тематикой труда, испытания и выносливости. Положительный полюс здесь формируют глаголы «работать», «трудиться», «пахать», «сеять», «молотить», «жать», «прясть», «ткать», «шить», «мыть», «мести», «готовить», «сторожить», сопровождаемые обстоятельствами вроде «от зари до зари», «не разгибая спины», «не покладая рук». В сказках о падчерице у мачехи девочка «работала с утра до ночи», «замесила тесто, напекла хлеба», «перебрала по зернышку мак с золой», «наткала полотна» – гиперболизированные задания и повторяющиеся глаголы труда создают образ праведного страдания и одновременно подготавливают чудесное вознаграждение: старик или Баба-яга потом «одаряет» ее богатством за терпение и усердие. Герой, поступивший «в службу», часто должен «насыпать» за ночь гору, «построить» корабль, «вспахать» невиданное поле – с помощью чудесных помощников он выполняет эти задания, и последовательность предикатов «сложил», «насыпал», «построил», «вспахал» оформляет его как «истинного» избранника судьбы.

Отрицательный полюс в этой сфере формируют глаголы «лежать», «валяться», «спать», «лениться», «ничего не делать», «отказываться работать». В сказках про Емелю часто повторяется формула: «Емеля лежал на печи, ничего не делал»; эта леность в начале подается как комический, а не однозначно порицаемый признак, но все равно служит фоном для дальнейшего морального роста героя. В других текстах ленивые сестры или братья прямо противопоставлены трудолюбивым: одни «сидят, сложа руки», «плести, ткать не хотят», «на работу не идут», другие «работают с утра до ночи», без жалоб «делают все, что велено». В финале ленивых «выгоняют из дому», «оставляют ни с чем», тогда как трудолюбивые «получают» богатство или удачный брак: глаголы «выгнали», «остались ни с чем» по отношению к одним и «получили», «разбогатели» по отношению к другим окончательно закрепляют за трудом положительную оценку, а за ленью – отрицательную. В промежуточной зоне находятся глаголы «терпеть», «страдать»,

«переносить», «выдерживать»: герой «терпит муки», «выдержал тяжелую службу», «перенес много бед и страданий», и через эту предикацию оформляется ценность стойкости как добродетели.

Еще один блок глаголов, имеющих прямую аксиологическую нагрузку, связан с речевой деятельностью. Речь в сказке – не просто сообщение, но действие, и глаголы речи часто превращаются в индикаторы нормы или девиации. Предикаты «сказать», «молвить», «объявить», «приказать», «велеть» в сочетаниях вроде «приказал казнить», «велел наградить», «велел взять под стражу», «велел отпустить с миром» и т. п. превращают слово царя в акт высшего суда. К этим актам примыкают глаголы «благословить», «проклясть», «молиться», «помолиться», маркирующие религиозно-аксиологический слой. Родители «благословляют» детей «на путь-дорогу», на брак, на службу; отсутствие благословения зачастую служит скрытым указанием на сомнительность предприятия. Напротив, глагол «проклясть» сигнализирует радикальный разрыв родственных и нравственных связей: мачеха в гневе «проклинает» падчерицу, братья «проклинают» младшего, уходящего за счастьем, – и дальнейший ход сюжета показывает неправоту проклинающего. Когда герой оказывается в беде, он «молится Богу», «просит помощи», «бьет поклоны», и такая предикация, как правило, предшествует чудесному вмешательству высшей силы: помогать человеку, который «молится», – соответствует сказочной норме.

Отдельной группой выступают оценочные акты речи: «хвалиться», «хвастаться», «ругать», «бранить», «насмехаться», «клеветать», «клясться», «давать слово» и «нарушать слово». Показателен в этом отношении сюжет сказки А.Н. Афанасьева № 158 «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», где старшие сестры «хвалятся», что «одна накормит все царство одним пирогом, другая наберет для царя в один день по ковшу воды из всех морей», а младшая «ничем не хвалится», а просто говорит: «Родила бы я царю сыновей и дочерей с золотыми ручками, серебряными ножками»; в дальнейшем глагол «хвалиться» оказывается связан с пороком гордыни и

пустой болтовни. Мачеха «ругает», «бранит» падчерицу, «насмехаются» над героем братья, и через эти глаголы речи видно, кто морально ошибается, даже если рассказчик не сопровождает сцену прямым комментарием. Наконец, формулы «поклялся», «дал слово», «клялся у креста» и последующее «не сдержал», «нарушил свое слово» создают мощный негативный эффект: нарушение клятвы воспринимается как один из тяжелейших грехов, и более мягкие предикаты «обманул» по сравнению с «переклялся» здесь уже не равнозначны.

К сфере оценочной предикации относятся и именные, и кратко-прилагательные сказуемые, отвечающие на вопросы «он кто?» и «он каков?». Это конструкции типа «он добрый молодец», «она красная девица», «он злодей», «она хвастунья», «он лентяй», «он грешник». Показателен пример из сказки А.Н. Афанасьева № 155 «Заклятый царевич» (Приложение 1) в сборнике «Народные русские сказки». Краткие формы прилагательных и предикативные слова – «прав», «виноват», «стыдно», «жалко», «грех», «нельзя», «должно» – часто появляются после цепочки событий и выполняют роль свернутого морального вывода.

Особо значима для аксиологии сказки предикация через воздаяние, прежде всего в финале. Положительное воздаяние выражается предикатами брака, признания и восстановления законного статуса: «вышла замуж», «женился», «стал жить», «взяли с честью». Так, в сказке А.Н. Афанасьева № 102 «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» финал строится как восстановление справедливости после братского предательства: Елена Прекрасная велит взять Ивана-царевича «под ручки» и вести «с честью», после чего выходит за него замуж, а сам герой «стал жить с Еленой Прекрасною»; этот ряд финальных предикатов и образует высшую положительную санкцию сказки. Негативное воздаяние в сказке тоже не следует понимать механически как любое насилие в финале. Его нужно отличать от ложного, то есть сюжетно несправедливого, наказания. Например, в сказке А.Н. Афанасьева № 158 «По колена ноги в золоте, по

локоть руки в серебре» царевну по навету признают виновной, ей велят «выколоть глаза, засмолить с ребенком в бочке и пустить на море»; но это не финальная мораль сказки, а напротив, пример ложного суда, вызванного обманом и завистью старших сестер. Истинная аксиологическая санкция возникает позже, когда правда раскрывается и первоначально наказанная героиня оказывается невиновной. Отсюда и критерий различения. Справедливое воздаяние в сказке следует за раскрытием истины, доказанной виной персонажа и восстановлением нарушенного порядка; несправедливое наказание, напротив, основывается на клевете, подмене, ложном письме, обмане или ошибочном суде. Поэтому сами по себе предикаты «казнили», «бросили в море», «пустили в бочке» еще не равны окончательной оценке: важно, кого именно наказывают, за что, подтверждена ли вина и чем заканчивается весь сюжет, а не отдельный эпизод.

Промежуточные же формулы типа «отпустили», «оставили в живых», «прогнали», «велели уйти» можно понимать как неполное санкционирование. Это не оправдание персонажа, но и не окончательное уничтожение: сказка выводит его из своего, правильно устроенного мира, не возводя ни в статус героя, ни в статус окончательно казненного злодея. Иначе говоря, это не «полутоновая мораль» в современном смысле, а ослабленная форма отрицательной оценки: виновный не реабилитирован, но и не подвергнут высшей мере сказочного воздаяния. Аксиологическая сила финального предиката определяется не степенью его внешней жестокости, а его местом в структуре восстановления или, наоборот, нарушения справедливости.

Наконец, при анализе оценочных высказываний в сказке необходимо различать прямую и косвенную предикацию, а также учитывать субъект оценки, то есть определять, кому принадлежит оценочный голос: рассказчику, персонажу или всей сказочной норме, проявляющейся через развязку. Прямая предикация представлена эксплицитными характеристиками персонажа, выраженными прежде всего качественными

прилагательными, существительными-характеристиками и оценочными номинациями: «злой», «добрая», «лютая», «завистливые», «вор», «дурак», «молодец». Косвенная предикация особенно характерна для сказочного текста, поскольку аксиологический смысл здесь выводится из типизированного действия. Так, в формулах типа «взял да и бросил ее в лесу», «оставили в темном бору», «велел казнить», «накормил, напоил, в путь-дорогу снарядил» оценка не названа прямо, но однозначно считывается как отрицательная или положительная в пределах сказочной нормы. Иначе говоря, семантика действия в сказке сама становится носителем оценки: жестокость, предательство, милосердие, помощь, трудолюбие и верность распознаются не по отвлеченной характеристике, а по повторяющимся сюжетным моделям поведения.

Тем самым сказка ретроспективно закрепляет оценочный знак всех предшествующих действий: награда подтверждает их нормативность, наказание – их аксиологическую неприемлемость.

Рассказчик в русской народной сказке не только передает события, но и выступает носителем нормативной точки зрения. Однако эта позиция обычно выражается не прямым комментарием, а системой языковых и сюжетных средств: отбором глагольных предикатов, описанием последствий поступка, реакциями персонажей и финальным воздаянием. Иначе говоря, оценка в сказочном тексте часто создается не с помощью прямых определений добрый / злой, а через то, какие действия закрепляются за персонажем и к какому результату они приводят.

Так, в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» старшие братья сначала не получают от рассказчика прямой характеристики как злые персонажи. Их отрицательный ценностный статус формируется постепенно – через цепочку действий и намерений. Уже в начале пути Димитрий и Василий «начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича», поскольку именно Ивану удалось добыть перо жар-птицы (№ 168). Позднее, увидев добытые Иваном-царевичем коня златогривого и жар-птицу в золотой

клетке, они «весьма на них прельстилися» и решили «брата своего Ивана-царевича убить до смерти». Местоимение *них* относится прежде всего к предметам добычи – коню и жар-птице, которые становятся объектом зависти и присвоения.

Таким образом, семантические особенности аксиологической лексики русской народной сказки определяются взаимодействием закрепленных в значениях слов оценочных компонентов и оценок, формирующихся в контексте повествования. Эпитеты, устойчивые атрибутивные сочетания и номинации персонажей задают исходную характеристику героев и объектов, тогда как глагольные и именные предикаты раскрывают их свойства через поступки, речевое поведение и отношения с другими участниками событий. При этом описательные признаки – возраст, цвет, размер или социальный статус – не следует автоматически отождествлять с положительной либо отрицательной оценкой, а эмоциональную и эстетическую характеристику – с нравственной.

Существенным условием анализа является разграничение оценочной позиции рассказчика и суждений персонажей, которые могут выражать враждебность, заблуждение или намеренный обман. Поэтому ценностно-оценочное содержание языковой единицы устанавливается с учетом субъекта оценки, мотивов и объекта действия, его последствий и итогового положения героя. Развязка позволяет уточнить или переосмыслить первоначальные характеристики, но не отменяет необходимости различать справедливое воздаяние и наказание, вызванное клеветой или ошибочным судом. Следовательно, реконструкция ценностной организации сказки требует перехода от анализа отдельных оценочных слов к исследованию их функций в целостном тексте.

3.2. Классификация устойчивых и оценочно маркированных единиц в языке русской народной сказки

Особое внимание при лингвоаксиологическом анализе русской народной сказки требует формульный и фразеологический слой текста.

В лингвоаксиологическом плане повтор как языковая организация зачина смещает фокус с «того, как было на самом деле» к «тому, как должно быть», то есть от эмпирического описания – к нормативной модели. Уже сама неопределенная референция («некоторое царство») сигнализирует, что перед нами не хроника, а повествование о норме и ее нарушениях, о правильном и неправильном устройстве мира. Иначе говоря, лексема «некоторый» и парная номинация «царство / государство» выполняют функцию грамматико-лексического маркера аксиологически нагруженного, но исторически не привязанного хронотопа.

Одновременно с обезличиванием пространства зачин вводит социально маркированных персонажей посредством типизированных номинаций. Уже в первых строках фиксируется, что действующими лицами будут «царь», «старик», «старуха», «купец», «солдат», «стрелец-молодец» и т. п. Эти лексемы представляют собой социальные наименования, в которых грамматически свернута информация о статусе, профессии, возрасте, гендере, а значит – о месте персонажа в ценностной иерархии. Формула «Жили-были старик да старуха» (частотная для бытовых и волшебных сказок), дополненная, например, указанием «у них было три дочери», конструирует «нижний» социальный полюс (бедность, старость, зависимость). Напротив, формула «Жил-был купец, у него было три дочери» репрезентирует фигуру владельца богатства и ресурсов, то есть заведомо более высокий статус.

Таким образом, с первых слов задается исходная точка ценностной биографии героя: позиция «наверху» (царь, богатый купец) или «внизу» (бедный мужик, сирота, солдат на службе). Дальнейшее повествование

(унижение, испытание, возвышение) строится как развертывание этой исходной «вертикали», где лексически закрепленные статусы («царь», «мужик», «солдат») задают координаты для оценки любого движения персонажа: подняться вверх – значит подтвердить норму или восстановить справедливость, опуститься – значит утратить честь, власть или ответственность.

Особое внимание в лингвистическом анализе зачина требует формула пространственной дистанции «за тридевять земель, в тридесятом государстве». Термин «формула» в данном случае относится к уровню устойчивых текстовых единиц – фольклорных клише, близких к фраземам: это повторяющаяся, целиком воспроизводимая конструкция с фиксированной структурой и обобщенным значением. Устойчивость данной формулы подтверждается ее вариативной повторяемостью в разных сюжетах (о жар-птице, молодильных яблоках, живой и мертвой воде).

Семантически выражение «за тридевять земель» представляет собой гиперболизированный пространственный образ. Числительное «тридевять» – явно фольклорное образование, объединяющее «три» и «девять» как сакрально маркированные числа; в совокупности оно обозначает не конкретную величину, а «многократно далекое», «почти немыслимо отдаленное». В сочетании с существительным «земля» и предлогом «за» формируется образ пространства «по ту сторону» обычного мира: герой должен выйти за пределы привычного, оседлого пространства, чтобы совершить подвиг.

Этимологически устойчивое выражение «за тридевять земель» связано с древним представлением о многочленном устройстве мира, где числа «три» и «девять» маркируют полноту, завершенность, предельность. В наивно-реалистической перспективе такое расстояние невозможно измерить, но в аксиологической перспективе оно прозрачно кодирует трудность испытания: «далеко» здесь значит «тяжело, сверх меры». Языковая гипербола, таким

образом, выполняет оценочную функцию: чем невероятнее дистанция, тем выше ценность решимости героя, согласившегося ее преодолеть.

Герой, который без колебаний принимает поручение отправиться «за тридевять земель», получает аксиологическую «фору» еще до конкретного действия: его готовность выйти за привычные границы ради долга, чести, спасения близких уже лингвистически подана как положительное качество. Гиперболизация расстояния в формуле – не декоративная деталь, а средство ранней аксиологической разметки: слушатель сразу понимает, что речь идет о подвиге, а не о рядовом поручении.

Отдельный интерес представляет вариант хронотопического зачина с отрицательной частицей: «Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь и царица; у царя, у царицы было три дочери» (вариант сказки № 158 «По колена ноги в золоте…»). Здесь отрицательная конструкция «не в каком царстве, не в каком государстве» выполняет функцию усиленной дейктической неопределенности. Если «в некотором царстве» задает неопределенно-обобщенную локацию, то «не в каком царстве» как бы выводит сюжет за пределы всех мыслимых, именуемых царств.

Синтаксически это двойное отрицание с повтором существительного («царство / государство»), которое переводит пространство действия в область «вне» и «по ту сторону» привычного мира: сказка намеренно подчеркивает, что описываемые события не соотносятся ни с одной из известных реальностей. Такая конструкция радикализирует сказочную условность: мир повествования оказывается не просто неопределенным, а принципиально не локализуемым в системе реальных политико-географических координат.

Аксиологически это можно интерпретировать как усиление универсальности и «над‑историчности» описываемых ценностей: сказка как бы заявляет, что речь идет о таком порядке вещей (или его нарушении), который не может быть привязан к конкретному «царству»; он валиден для «любого» и «никакого» пространства одновременно. Отрицательная частица

здесь не столько отрицает существование царства, сколько отнимает у него индивидуальные признаки, превращая его в чистую модель.

В ряде текстов хронотопический зачин предваряется присказкой, образуя двухчастную формулу: «Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещи каурки… Это присказка, сказка будет впереди. В некотором царстве, в некотором государстве…» (сказки о Сивке-Бурке и близкие варианты). Здесь присказка выполняет метатекстовую функцию: она прямо сообщает слушателю, что происходит переход в особый регистр речи – из зоны обыденного, шуточного слова в зону «настоящей сказки», где начнут действовать иные причинно-следственные связи и иные нормы.

«Долго ли, коротко ли ехал он…» – в данных формах содержится ценностное противопоставление легкости сказа и трудности действия. Контраст «скоро сказка сказывается – не скоро дело делается» подчеркивает важную для народной этики установку: значимым является не само сообщение о подвиге, а его совершение, требующее времени, труда, терпения и внутренней стойкости.

В описании сказочного зачина оправдано говорить о «формуле» в лингвистическом смысле этого термина. В фольклористической и лингвистической традиции под формулой понимают устойчивый, воспроизводимый в неизменном или малоизменяемом виде текстовый фрагмент, обладающий типизированным значением и определенной структурой; этот подход восходит к работам А.Н. Веселовского, А.Ф. Гильфердинга, позднее – к формульной теории устной поэзии М. Парри и А. Лорда, а в славянском материале развивался, в частности, в исследованиях В.Я. Проппа и его последователей. Для обозначения таких единиц используется и более широкий термин «формульные клише» или «формульные конструкции», относящиеся к уровню устойчивых фразеологизированных текстовых сегментов, занимающих промежуточное положение между фразеологизмами и паремиями.

Зачин сказки № 103 «Жар-птица и Василиса-царевна» – «В некотором царстве, за тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь» – репрезентирует именно такую формулу: она регулярно воспроизводится, имеет устойчивый каркас и выполняет специфическую семантико-прагматическую функцию.

Формульный удвоенный синтаксис («в некотором царстве, в некотором государстве») создает стилистический параллелизм и, следовательно, повышает степень памятности за счет ритмической организации.

С точки зрения лингвоаксиологии, такая языковая организация зачина задает сдвиг от эмпирического «как было» к нормативному «как должно быть». Неопределенность («некоторое») и двойная номинация («царство / государство») сигнализируют, что перед нами не локальный случай, а модельный мир, в котором будут проверяться, утверждаться или нарушаться общезначимые ценности. Уже на уровне грамматики и лексики сказка снимает вопрос «где именно?» и подменяет его вопросом «как правильно/неправильно?» – то есть маркирует дальнейший текст как повествование о норме и девиации.

Статус формулы «за тридевять земель, в тридесятом государстве» в лингвистическом описании также требует терминологического уточнения. Это устойчивое выражение, функционирующее в сказках как фразеологизированный оборот с гиперболической семантикой; по уровню обобщенности оно близко к устойчивым сравнениям и гиперболическим фраземам. Числительное «тридевять» – типичный для восточнославянской традиции фольклорный числовой комплекс, образованный на основе сакрально значимых чисел «три» и «девять», и в устойчивых выражениях («тридевятое царство», «за тридевять земель») обозначающий «многократно», «предельно» далекое [Телия 1996: 50; Мокиенко 1989: 64; Ковшова 2012: 40].

Лингвистически здесь важно сочетание разговорной образности («по усу текло») с устойчивым синтаксическим каркасом: подобные формулы

легко вставляются в разные сказки, не требуя адаптации к конкретному сюжету. Это типичный пример текстовой фраземы, несущей аксиологический подтекст: под маской шутки закрепляется мысль о том, что награда принадлежит тем, кто действовал, а не тем, кто только «видел» и «рассказывает».

Паремии и устойчивые выражения («утро вечера мудренее», «дай нам праведной суд», «про тебя говорят…», «напраслина») в аксиологическом пространстве сказки работают как «свернутые» модели нормативного знания.

В выражении «чужое добро», звучащем в сказке «Орел и ворона», пересекаются сразу две ценностные оси: «свое/чужое» и «правда/ложь». На уровне лексики «добро» обозначает не только вещь, имущество, но и «доброе», «правильное» – то, что принадлежит по праву. Устойчивое сочетание «на чужое добро рот разевать» представляет собой образную фразему, в которой глагол «разевать рот» метафоризирует жадное посягательство; притом «чужое» занимает позицию препозитивного атрибута, закрепляя мысль о нарушении границ собственности. Здесь «чужое добро» – это одновременно чужой труд и чужая «правда» (правомерное владение), а посягательство на него – не только кража, но и ложь по отношению к установленному порядку распределения. Лексико-семантическая структура выражения таким образом делает ощутимой глубинную связку: присвоение чужого всегда есть нарушение и правды (справедливости), и истины (порядка).

Оппозиция «труд/леность» в сказках Афанасьева реализуется прежде всего через оценку отношения к труду, а не через прямое прославление «работы как таковой».

Лингвистически здесь можно говорить о перераспределении модальности: высказывание беса, по форме напоминающее хвастливый монолог, в контексте сюжета превращается в «инструкцию», которая после смены адресата меняет и аксиологический знак. Это подчеркивает, что в сказочной аксиологии ценен не любой труд, а труд, подкрепленный знанием

и правильной организацией, и язык фиксирует это через оппозицию «долго, тяжело, но напрасно» – «знаю как – делаю эффективно».

Негативный полюс шкалы «труд/леность» задается в языке устойчивыми характеристиками типа «самые распутные и горькие пьяницы», «негодные матросы». Конструкция «самые распутные и горькие пьяницы» представляет собой интенсифицированный атрибутивный комплекс: прилагательное «распутные» (нормативно осуждаемое поведение, лишенное нравственной сдержанности) сочетается с устойчивым эпитетом «горькие» по отношению к «пьяницам».

В сказке о чудесном колечке из кольца появляются «триста молодцев и сто семьдесят богатырей» и обращаются к хозяину с вопросом: «Что заставишь нас работать?» Устойчивость этой реплики важна: работа здесь мыслится не как абстрактное «делание чего-нибудь», а как выполнение вполне определенной задачи. Герой немедленно конкретизирует: нужно снести старую избу, построить в срок каменный дом, возвести мост, приготовить пир и т. п. Доброе чудо проявляется именно в сверхэффективной работе, а не в произвольной магии. В этом смысле чудесные помощники воплощают идеал труда как четкого, организованного, целенаправленного усилия, а их вопрос подчеркивает, что «правильный» труд всегда связан с ясной целью и ответственной организацией.

Ценностная оппозиция «свой/чужой» в русской народной сказке выражается не только как пространственное или этническое различие, но прежде всего как различие аксиологическое: «свой» маркируется как носитель нормы, порядка и жизненной правоты, тогда как «чужой» связывается с угрозой, пограничностью, иным законом существования. Особенно ясно это проявляется в устойчивых формулах, сопровождающих встречу героя с обитателями иного мира.

Фразеологически выражение «на чужое добро рот разевать» представляет собой образное устойчивое сочетание, где глагольно-именная конструкция описывает жадное, неконтролируемое стремление к

присвоению. В этой фраземе «чужое» конструирует чужую сферу прав, чужой труд, чужую правду; посягательство на нее одновременно нарушает и справедливое распределение благ, и правдивую картину «мое/не мое». Таким образом, на уровне языка устойчивое сочетание структурирует двойную аксиологическую запретность: «чужое добро» – это то, к чему нельзя прикасаться ни с точки зрения истины (нельзя объявить «своим»), ни с точки зрения морали (нельзя присваивать).

Фразеологически важным является и блок выражений, связанных с оппозицией «свой/чужой», в частности формулы с компонентом «русский дух» и «по белу свету». В репликах Бабы-яги типа «Фу-фу-фу! Русским духом пахнет!» устойчивым образом структурируется столкновение двух миров: «русский дух» обозначает сферу «своего» (человеческого, культурно упорядоченного), тогда как пространство избы Бабы-яги относится к миру «чужого», потустороннего, людоедского. Лексема «дух» здесь выступает носителем метафорически осмысленной сущности: принадлежность к миру человека выражается не через имя, не через социальный титул, а через «запах» духа.

Формула о «русском духе» выступает в этом случае как ключевой фразеологический маркер принадлежности героя к миру «своих», даже если в сюжете он временно оказывается «на чужой территории».

Фразеологические единицы, участвующие в объективации оппозиции «добро – зло», необходимо систематизировать по классификации Н.М. Шанского. Такая систематизация показывает, что оценочное значение закрепляется не только за отдельным словом, но и за устойчивой воспроизводимой конструкцией. К фразеологическим сращениям относятся единицы, значение которых не выводится из суммы значений компонентов: *нечистая сила*, *живая вода*, *мертвая вода*. В этих сочетаниях значение закреплено за всей единицей целиком. К фразеологическим единствам относятся обороты с прозрачной внутренней образностью: *правда глаза колет*, *кривить душой*. Их значение мотивировано, но не сводится к прямому

лексическому смыслу слов. К фразеологическим сочетаниям относятся устойчивые словосочетания с ограниченной сочетаемостью компонентов: *добрый молодец*, *красна девица*. В них именно сочетание в целом выступает носителем устойчивого аксиологического признака.

Таблица 13.

Типы фразеологических единиц и их аксиологическая маркированность в русских народных сказках

Тип по классификации В.В. Виноградова и Н.М. Шанского	Единица	Характер значения	Аксиологический знак
Фразеологическое сращение	*нечистая сила*	значение не выводится из компонентов	−
Фразеологическое сращение	*живая вода*	магическое значение целой единицы	+
Фразеологическое сращение	*мертвая вода*	магическое значение целой единицы	− / амбивалентно
Фразеологическое единство	*правда глаза колет*	прозрачная образность	+
Фразеологическое единство	*кривить душой*	образ нравственного искривления	−
Фразеологическое сочетание	*добрый молодец*	ограниченная сочетаемость	+
Фразеологическое сочетание	*красна девица*	ограниченная сочетаемость	+

Формулы с компонентом «по белу свету» («пойти по белу свету», «по белу свету странствовать», «по белу свету погулять») также относятся к устойчивым выражениям, кодирующим представление о «своем» мире как пространстве человеческой общности.

Лексема «воля» в данном контексте обозначает личный выбор, инициативу («сам ушел, сам решился»), «неволя» – внешнее принуждение (царский приказ, долг, клятва). Рассказчик, вкладывая в уста героя формулу «сколько волею, а вдвое неволею», показывает, как внешняя «чужая» воля (царя, судьбы) принимается и интериоризуется героем: то, что исходно приходит извне, становится внутренним обязательством и, в конечном итоге, «своей» обязанностью.

Семантически эта формула отражает сложную аксиологическую конфигурацию: путь героя осмысляется как сочетание собственной инициативы и принятых обязательств; «воля» и «неволя» не противопоставлены жестко, а складываются в общую «сумму» его пути. В пересечении с оппозицией «свой/чужой» это означает, что внешняя, «чужая» воля (распоряжение царя) становится частью внутреннего, «своего» морального кода героя. Устойчивость этой конструкции, ее повторяемость в разных сказках превращают ее в своего рода фразеологический «комментарий» к теме долга и личной ответственности.

В свете проведенного анализа становится очевидно, что оценочность базируется не столько на абстрактной «символике» или «формулах», сколько на устойчивых единицах – фразеологизмах, паремиях, формульных клише, – как на основном инструменте вербализации аксиологических оппозиций [Арутюнова, 1999: 97; Колесов, 2004: 64]. Устойчивые выражения и паремии в русской народной сказке выступают не в роли стилистического украшения, а в качестве ядра ценностного кода.

3.3. Символика сказочного текста

Символика художественного пространства в русской волшебной сказке позволяет рассматривать место действия не как нейтральный фон, а как разветвленную семиотическую карту ценностей. Если последовательно фиксировать пространственные лексемы – «дом», «изба», «терем», «двор», «лес», «сад», «поле», «чистое поле», «дорога», «путь-дорога», «перекресток», «мост», «река», «море», формулы «за тридевять земель», «в тридесятом государстве» и т. п., – и описывать их типичные окружения, становится очевидно, что каждая пространственная зона связана с определенной ценностной конфигурацией. Переход героя через границу этих зон интерпретируется как переход через нравственный рубеж: из «своего» в «чужое», из порядка в хаос, из обыденного в сакральное и обратно. В этом отношении структура сказочного пространства хорошо согласуется с представлением о художественном пространстве как проекции культурной картины мира: любая граница (между домом и лесом, берегом и морем, «своим» царством и «тридевятым») несет устойчивую аксиологическую нагрузку.

Дом (изба, двор, терем, царский дворец) в корпусе русских сказок А.Н. Афанасьева практически неизменно задается как исходная «зона нормы», в которой закреплены родственные связи, социальный статус и законная власть и куда устремлен «правильный» финал – возвращение и воцарение героя. В сказке «Сопливый козел» (сказка № 156, Приложение 1) дом купца предстает пространством судьбы: сны дочерей в новом доме пророчат их будущий брак, а похищение младшей происходит в тот момент, когда она нарушает пространственную границу, «выходит на крылечко» вместо того, чтобы оставаться внутри. Выход за пределы отцовского пространства – переход в «чужой» двор козла, отгороженный частоколом с девичьими головами, – немедленно переводит героиню в зону угрозы и испытания: ее поведение в этом пространстве постоянно оценивается.

Подчеркивается, что она «не брезгует, платочком утирает» козлиные сопли, смиренно выполняет обязанности жены чудовища. В финале избавление от козлиной шкуры, превращение козла в «доброго молодца» и возвращение пары к отцу, в купеческий дом, означают не только счастливый исход, но и восстановление нормального пространственного и морального порядка: законная жена больше не живет «за крутыми берегами», а оказывается включена в признанное обществом «свое» пространство.

В сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (вариант а, № 158) образ дворца задается через устойчивый набор номинаций и атрибутов, которые структурируют «правильный» центр мира.

Лексемы «солнышко», «месяц», «звездочки» в уменьшительно-ласкательной формы не только эстетизируют образ, но и ритуально маркируют детей как «световых» носителей династической легитимности. Таким образом, на языке формулы и образной номинации закрепляется идея: истинный наследник – тот, кто связан с небесным светом, а значит, с высшей, «светлой» нормой.

Конструкция «засмолить в бочку» также имеет устойчивый характер: сочетание глагола «засмолить» с объектом «бочка» образует устойчивый способ описания насильственного изгнания. Это фразеологический комплекс, который в ряде сказок обозначает мотив несправедливого изгнания законного наследника (или наследников) из центра мира. Лексика жидкой, неустойчивой среды («море», «волны») противопоставляется устойчивости «дворца» и «дома», а повторяющаяся формула «пустить по морю» оформляет изгнание как временное выведение из нормы – из «своего» дома в «ничейное» пространство. Когда же на пустынном берегу по волшебной формуле возникает новый дворец и сад, лексика повторно конструирует центр: «дворец», «сад», «законная жена», «правильные дети». Повтор номинативного ряда, но в ином месте, создает эффект альтернативного центра: старый дворец с узурпаторшей получает отрицательную, «ложную» маркировку, новый – положительную. На уровне языка это выражается через

изменение оценочной лексики: узурпаторша обозначается через отрицательные эпитеты («злая», «колдунья», «старшая сестра, что брата погубила»), в то время как законная жена и дети удостаиваются метафорических и уменьшительно-ласкательных характеристик [Земская 1992: 67; Улуханов 1977: 66].

В сказке «Заклятый царевич» (№ 155) противопоставление «правильного» и «чужого» дома задается прежде всего через систему пространственных номинаций. «Купеческий дом» описан лексикой уюта и родства: «дом», «батюшка», «матушка», «дочка» – здесь присутствует устойчивый набор терминов родства и глаголов, описывающих заботу и любовь. В противопоставление ему введен «дворец» змея, который связан с лесом и мотивом «выкупа». Номинативный комплекс «дворец змея» уже сам по себе сочетает несочетаемое: «дворец» (атрибут власти и порядка) объединен с «змеем» (носителем хаоса и угрозы).

Лексема «цветочек» с уменьшительным суффиксом, с одной стороны, делает эпизод бытово-психологически понятным (отец хотел порадовать дочь), с другой – встраивает его в систему знаков избыточного желания (лишнее украшение, лишняя «красота»), за которое нужно платить «живой душой».

Лексема «та же дорога» в последующих эпизодах («поехал той же дорогой») – указатель повторяемости маршрута: наречие «той же» создает эффект «наезженного», уже освоенного пути, который, однако, всякий раз оказывается связным с новым испытанием (подвенечное платье, кипящий котел, морской берег). Структурно это описывается через ряды: «поехал…», «доехал…», «вернулся…», оформленные одинаковыми глагольными формами, что превращает дорогу в ритмически оформленную «ось» сюжета.

Даже в сюжетах с брошенными в море героями (№ 104, варианты № 158) дорожная тема вербализуется через указательные и дейктические средства. Формула «шел той же дорогой» оформляет движение младшего сына как повтор маршрута братьев: указательное прилагательное «той же»

фиксирует идентичность внешней траектории, на этом фоне семантически выделяется отличие поведения. Глагол «свернул» в описании поступка старших («свернули к вдове», «зашли в дом») маркирует отклонение от магистральной линии пути: приставка «с-» в сочетании с глаголом движения «вернуть» («свернуть») семантически фиксирует уход в сторону, что в последующем получает негативную оценку через последствия (предательство, гибель). Напротив, глагольная цепочка в описании младшего («пошел дальше», «не стал оставаться», «пошел в неизвестность») кодифицирует стойкость и «прямоту» движения.

Формульные конструкции «долго ли, коротко ли», «шел он день, шел другой, третий» в этих эпизодах выполняют функцию временных маркеров, при этом они не уточняют хронологию, а только задают длительность и непрерывность испытания. Синтаксический параллелизм («шел… шел… шел…») и анафора («долго ли, коротко ли») формируют типичный для волшебной сказки «протяженный» хронотоп пути, где длительность пути = длительности испытания.

Реки, мосты, море-океан в языке сказки составляют особый набор пространственных знаков, оформляющих жесткие границы между мирами. Комбинации типа «через море-океан», «через реки горючие», «через горы высокие» представляют собой устойчивые перечислительные формулы; каждая часть этого комплекса – фразеологически закрепленное словосочетание. Эпитет «горючие» при «реки» (то есть «реки огня») выводит воду из обычной физической семантики: «река» превращается в испытательный рубеж, пересечение которого требует помощи. Повтор предлога «через» задает ритмическую структуру, в которой каждая новая граница («море», «реки», «горы») усиливает ощущение возрастающей сложности пути.

В «Жар-птице и Василисе-царевне» море кодируется через сочетание «синее море» / «синя море» – стандартный для эпоса цветовой эпитет, отмечающий стихию как «иную», глубокую, недоступную.

Последовательность добываемых благ («золотые яблоки» и «жар-птица» – «конь златогривый» - «Елена Прекрасная») оформляется на уровне языка через повторяющиеся конструкции «надобно… добыть», «надо поехать за…», «привези…», «приведи…». Таким образом, язык строит иерархию: сначала герою поручают добычу предметов (яблоки, птица), затем животного (конь), затем живого человека (невеста). Синтаксическая однотипность распоряжений и постепенное усложнение лексического объекта (от вещи к живому существу и к брачному союзу) формируют «скрытую» шкалу ценностей: внешнее богатство - средство (конь) - личное и социальное завершение (брак). Лингвистически это выражено через однотипную конструкцию с варьирующимся дополнением.

Аксиологическая двойственность «иного царства» тоже имеет языковой коррелят. Герой в ряде случаев выступает как нарушитель местного порядка: глаголы «украсть», «увести», «похитить», «пересадить» отражают его действия, но повествовательная интонация не маркирует их как однозначно негативные. Ключевым оказывается финальное распределение: если ценность возвращается в «свой» мир и оказывается там на «правильном» месте (любящая жена с героем, живительная вода для нуждающихся, конь для справедливого царя/героя), лексика награды («жили-поживали», «добра наживать») перекрывает мотив нарушения. В этом смысле «иное царство» в языке сказки фиксируется как пространство предельно высокой ценности и одновременно как зона амбивалентной морали, где действия героя формально нарушают «чужой» порядок, но в перспективе повествователя служат восстановлению «своего».

Фраза «край света, где солнышко из моря восходит» в «Жар-птице и Василисе-царевне» обобщает эти черты: «край света» – предел человеческого пространства, «где солнышко из моря восходит» – точка, где космическая закономерность (восход) становится видимой. Лингвистически это сложное предложение с придаточным места, в котором описывается участок космического хронотопа. Царь, «посылая стрельца туда», использует

формулы приказа («ступай», «поезжай», «достань»), которые в комбинации с невозможной задачей («на край света») маркируют требование как заведомо выходящее за человеческую меру. Однако та же формула, будучи произнесенной в речи повествователя, становится маркером предельного испытания: герой, который «доехал до края света», получает в языке статус того, кто достиг предельного уровня испытаний.

В вариантах с бочкой пространство, к которому море выносит невинных, можно описать как «между-мир», и это тоже имеет языковой коррелят. Возникновение «на пустынном берегу» баньки, дома, дворца, сада оформлено через формулы «по щучьему велению, по моему хотению», «только скажет – так и сделается». Эти выражения относятся к числу магических формул, закрепленных в языке сказки; они демонстрируют, что герой, выросший в этом промежуточном пространстве, обладает особой способностью «переустраивать» мир словом. Лексически это выражено через повторяющиеся глаголы «велеть», «сказать», «сделалось», и таким образом «царство на берегу» вербализуется как альтернативный центр, где слово героя напрямую организует пространство.

В совокупности все эти наблюдения показывают, что пространственные структуры сказки (дом, дворец, лес, дорога, море, «иное царство») системно кодифицированы в языке через устойчивые формулы, фразеологизмы и наборы характерных номинаций. Движение героя к «краю света», «за тридевять земель», «в иное царство» на уровне языка всегда сопряжено с формульными указателями расстояния и предельности, а пересечение водных границ – с устойчивыми описаниями переправы, испытания и суда.

Формулы *«бей раз, во второй раз не бей, а то оживет»; «русский богатырь не бьет два раза, а раз да горазд»* имеют отчетливо пословичный характер: параллельная структура («раз – два раза», «раз да горазд»), ритм и рифмоподобие («раз – горазд») превращают их в афористические единицы.

В итоге, если рассматривать описанный материал как раздел о «устойчивых предметных единицах», видно, что каждый предметный образ закреплен в языке через:

– устойчивые номинации и эпитеты (кольцо – «волшебное», меч – «кладенец», вода – «живая/мертвая», печь – «домашняя», «горячая», «печка»);

– фразеологические сочетания («по колена ноги в золоте», «по щучьему веленью», «жить-поживать да добра наживать»);

– формульные конструкции (загадки, пословичные формулы, повторяющиеся реплики);

– типовые предикаты обладания и лишения («имел / лишился кольца», «приели весь хлеб», «облил мертвой / живой водой», «не бьет два раза»).

Именно эта языковая закрепленность превращает вещи в устойчивые «вещные символы» лингвоаксиологической системы сказки: речь не просто описывает предметы, а задает через них повторяемые сценарии выбора, испытания, признания и награды.

3.4. Языковые средства реализации аксиологических установок в нарративной организации русской народной сказки

Для сказки как «мифологического нарратива в миниатюре» ценности задаются прежде всего через систему оппозиций: добро/зло, свой/чужой, справедливость/корысть, труд/леность и др. Е.М. Мелетинский подчеркивает, что мифофольклорное мышление структурируется вокруг бинарных противопоставлений, которые одновременно и когнитивны, и аксиологичны: через них мир делится на «правильное» и «неправильное», «наш» и «чужой» порядок, на сакрально значимое и ценностно отрицательное [Мелетинский 1976: 11; Пропп 1986: 10]. В аксиологии подобные оппозиции описываются как устойчивые «ценностные координаты» языковой картины мира

фольклора, закрепленные в типизированных сюжетах и типичных ролевых конфигурациях [Готлиб 2011, с. 8; Илинган 2011: 20].

Оппозиция добро/зло в русской волшебной сказке не просто номинируется, а разыгрывается в виде устойчивых сценариев, в которых персонажи обнаруживают свою ценностную позицию через поступки. Так, в сказке А.Н. Афанасьева № 155 «Заклятый царевич» купеческая дочь выступает носителем добра: она жертвует собой ради отца, добровольно отправляется к змею, принимает жизнь рядом с чудищем и стремится сдержать данное слово. Когда героиня, поддавшись уговорам завистливых сестер, нарушает срок возвращения, это приводит к гибели заколдованного жениха; однако последующие поиски, слезы и поцелуй, снимающий заклятие, восстанавливают нарушенный порядок. В финале змей оказывается не носителем зла, а жертвой чар: «я не змей, а заклятый царевич». Тем самым оппозиция «добро/зло» конкретизируется как противопоставление самоотверженности и верности, с одной стороны, и зависти с корыстью – с другой; сюжетное развертывание конфликта превращается в проверку подлинной аксиологической ориентации персонажей.

Аналогичная модель реализуется в цикле сказок о чудесной супруге («Царевна-лягушка», «Василиса Прекрасная» и др.), когда внешние антагонисты (Кащей, Змей) сочетаются с «внутренними» нарушителями семейной и социальной нормы (злые тетки, завистливые сестры, «злая мачеха»), тогда как добро воплощено в верности избраннику, терпении и готовности героя или героини «идти до конца» ради восстановления справедливости. Показательно, что нарушение нормы самим героем (например, преждевременное сжигание лягушачьей кожи в «Царевне-лягушке») наказывается не окончательной гибелью, а усложнением пути, что также задает тонкую градацию внутри оппозиции добро/зло.

Первую группу образуют оценочные лексические единицы, функционирующие в тексте сказки как прямые носители положительной или отрицательной характеристики. В отличие от фразеологизмов, такие единицы

не обладают обязательной воспроизводимостью в готовом виде, однако систематически участвуют в репрезентации аксиологической оппозиции «добро – зло». Их удобно распределять по частям речи, поскольку именно грамматический класс во многом определяет способ выражения оценки.

Среди имен существительных положительную или отрицательную оценку несут слова молодец, красавица, злодей, дурень. Лексема молодец в сказочном контексте обозначает не просто молодого мужчину, а удалого, достойного героя; тем самым в ее значении совмещаются возрастная, социальная и оценочная семантика. Напротив, существительные злодей и дурень маркируют негативный полюс: первое называет носителя злой воли, второе - персонажа, чье поведение отклоняется от нормы разумности.

В группе прилагательных особую роль играют эпитеты добрый, злой, лютый, светлый, темный. Эти слова образуют базовые оси сказочной оценки: доброе соотносится с правильным и нормативным, злое – с опасным и враждебным, светлое – с открытым и благим, темное – с чуждым и угрожающим. На уровне наречий аналогичную функцию выполняют пары честно / хитро, справедливо / злобно, которые характеризуют уже не носителя признака, а способ действия. Глаголы помочь, выручить, накормить, с одной стороны, и обмануть, погубить, с другой, выражают оценку через сам тип поступка: в этом случае аксиологическое значение закрепляется в семантике действия.

Таблица 14.

Частеречная принадлежность и функции оценочной лексики в русских народных сказках

Разряд	Положительный полюс	Отрицательный полюс	Функция
Существительные	молодец, красавица	злодей, дурень	Номинация персонажа с оценкой
Прилагательные	добрый, светлый	злой, темный, лютый	Оценочная характеристика

Глаголы	помочь, выручить, накормить	обмануть, погубить	Оценка через действие
Наречия	честно, справедливо	хитро, злобно	Оценка способа действия

Таким образом, оценочная лексика образует первый, наиболее прямой уровень языковой объективации ценностных смыслов. Однако ее нельзя смешивать с фразеологическими единицами, поскольку она не всегда имеет устойчиво воспроизводимый характер и функционирует прежде всего как словарный, а не как формульный ресурс сказочного текста.

Вторую группу составляют собственно фразеологические единицы, которые следует описывать по классификации В.В. Виноградова в интерпретации Н.М. Шанского. В этой системе выделяются фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания; Н.М. Шанский дополнительно выделял также фразеологические выражения как особый тип устойчивых оборотов. Применение этой классификации позволяет избежать терминологического смешения и точно определить, какие единицы относятся к фразеологии в узком смысле.

К фразеологическим сращениям относятся обороты, значение которых не выводится из суммы значений компонентов. Если используется единица *не в свои сани не садись*, ее необходимо рассматривать именно как устойчивое выражение с целостным нормативным смыслом: не занимай чужого места, не претендуй на то, что не соответствует твоему положению.

К фразеологическим единствам относятся обороты, образность которых сохраняется и потому остается семантически мотивированной. Сюда могут быть отнесены выражения *бить баклуши* и *зарубить на носу*: их общее значение не совпадает с прямой суммой слов, но внутренняя форма еще ощутима. Для анализа таких единиц важно показать, как переносное значение связано с исходным предметным образом.

К фразеологическим сочетаниям относятся устойчивые словосочетания, в которых один из компонентов реализует связанное значение. Именно к этому типу правильнее относить сказочные комплексы

ясный сокол и *красна девица*. В этих сочетаниях прилагательные не употребляются в полностью свободном значении: слово *красна* означает «красивая, прекрасная», а *ясный* в сочетании *ясный сокол* приобретает значение идеализированной характеристики героя или образа. Поэтому такие единицы нельзя описывать как обычные свободные словосочетания.

Устаревшие значения компонентов в ряде сказочных сочетаний нуждаются в специальном комментарии. Так, существительное *краса* в историческом употреблении соотносится со значением «красота», а прилагательное *красна* в составе устойчивого словосочетания *красна девица* обозначает красивую, прекрасную девушку, а не цветовой признак. Аналогично слово молодец в традиционном словоупотреблении обозначает не просто молодого человека, а удалого, достойного мужчину, что усиливает его положительную аксиологическую маркировку.

Третью группу образуют фольклорные формулы, которые не следует механически включать в состав фразеологии в узком смысле. Их отличает не только устойчивость, но и текстовая закрепленность: они занимают типовые позиции в сказке, повторяются от текста к тексту и выполняют композиционно-прагматическую функцию. Поэтому формулы типа *Жили-были, Стали жить-поживать да добра наживать, Я там был, мед-пиво пил, Направо пойдешь…, Куда путь держишь?, Жаль мне тебя, Накорми меня, напои меня* следует рассматривать как особый класс устойчивых текстовых единиц.

Формулы-зачины открывают повествование и маркируют переход в особый сказочный хронотоп. Формулы-концовки закрепляют модель желательного финала или создают дистанцию между рассказчиком и изображаемым миром. Формулы испытания структурируют выбор героя, а формулы диалога оформляют типовые коммуникативные сценарии встречи, просьбы, жалости, предупреждения или испытания.

Формула *Жили-были* особенно показательна: она не является фразеологическим сращением, поскольку ее лексический состав может

варьироваться, а значение определяется прежде всего текстовой позицией и жанровой функцией. Именно поэтому корректнее определять ее как инициальную текстовую формулу, или клише-конструкцию сказочного зачина.

Таблица 15.

Типология и функции устойчивых сказочных формул

Тип формулы	Примеры	Функция
Формулы-зачины	Жили-были…	Ввод в сказочный мир
Формулы-концовки	Стали жить-поживать да добра наживать; Я там был, мед-пиво пил…	Закрепление финала
Формулы испытания	Направо пойдешь…, налево пойдешь…	Моделирование выбора
Формулы диалога	Куда путь держишь?; Жаль мне тебя; Накорми меня, напои меня	Типизация речевой ситуации

Таким образом, фольклорная формула отличается от фразеологизма прежде всего позиционной закрепленностью и текстообразующей функцией. Если фразеологизм существует как единица языка, то формула существует как устойчивая единица сказочного текста.

Четвертую группу образуют символические номинации персонажей и образов. Их нельзя полностью отождествлять ни с оценочной лексикой, ни с фразеологизмами, поскольку они функционируют как имена и устойчивые наименования, за которыми закреплен широкий культурно-семантический комплекс. В сказке такие номинации обладают выраженным аксиологическим потенциалом и нередко сразу задают отношение к персонажу.

Номинация Баба Яга сочетает в себе демоническую, пограничную и оценочную семантику. В зависимости от сюжета ее знак может

варьироваться: в одних случаях она выступает как носитель зла, в других – как помощник героя, однако исходная отрицательная коннотация имени сохраняется. Имя *Кощей* традиционно связывается с образом костлявости, истощенности и смерти; поэтому даже на уровне внутренней формы оно тяготеет к отрицательной аксиологической маркировке. Напротив, имя Иван в сказочной традиции чаще включается в положительную или амбивалентно-положительную перспективу: даже если герой именуется Иван-дурак, сюжетное развитие переоценивает внешне отрицательную характеристику.

К числу символических номинаций относятся и зооморфные сочетания серый волк, ясный сокол, серая мышка. Их оценка задается не только прямым значением слов, но и культурной символикой образа. Так, серый волк в сказке может совмещать признаки опасного зверя и чудесного помощника, тогда как ясный сокол закрепляется за положительным, идеализированным полюсом и обычно соотносится с мужским героическим началом.

Таблица 16.

Базовые оценочные коннотации и контекстная динамика номинаций сказочных персонажей

Номинация	Тип	Базовая коннотация	Возможная динамика
Баба Яга	Символическое имя персонажа	Отрицательная	Возможен переход к роли помощника
Кощей	Символическое имя персонажа	Отрицательная	Обычно сохраняется
Иван	Антропоним сказочного героя	Положительная / амбивалентная	Усиливается сюжетом
Серый волк	Зооморфная номинация	Амбивалентная	От угрозы к помощи
Ясный	Зооморфно-	Положительная	Стабильна

сокол	символическая номинация		
Серая мышка	Зооморфная номинация	Сниженно-положительная / помогающая	Контекстуальна

Оппозиция «свой/чужой» в русской волшебной сказке реализуется прежде всего как пространственно-сюжетная. Герой покидает свое пространство – дом, родную сторону, царский двор – и вступает в чужое, связанное с опасностью, испытанием и иным порядком бытия: лес, «тридесятое царство», владения нечистой силы, пространство «за синими морями». Так, в сказке А.Н. Афанасьева № 154 «Береза и три сокола» солдат, согласившись служить нечистому, входит в его палаты и тем самым пересекает границу между человеческим, социально упорядоченным миром и миром демонического чужого: он оказывается в доме нечистого, где нарушены обычные связи и человеческие облики скрыты под чарами. Однако именно внутри этого чужого пространства герой откликается на просьбу березы, добывает у священника волшебную книгу и освобождает царевну и ее братьев-соколов; в результате чужое перестает быть враждебным, а солдат возвращается уже не просто как пришелец, а как спаситель и будущий член царской семьи. Сходным образом в сказке А.Н. Афанасьева № 102 «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» переход в чужое пространство маркируется формулами дальнего пути и выходом героя за пределы родного царства: именно там, вне своего мира, сосредоточены и опасность, и ценностно значимые дары – жар-птица, чудесный конь, Елена Прекрасная. Поэтому «чужое» в сказке не сводится к просто враждебному: это пространство испытания, из которого герой может вынести ценность лишь при условии верности правильному нравственному порядку. Возвращение домой с добытыми дарами означает не механическое присвоение чужого, а включение освоенного иного пространства в систему своего, уже восстановленного и справедливого мира.

Оппозиция «справедливость/корысть» и «труд/леность» в анализируемых сказках объективируется прежде всего через систему глагольных предикатов, оценочных существительных и устойчивых формул, а не только через сюжетную схему.

В сказках о чудесных детях корыстное присвоение чужого статуса вербализуется через цепочки глаголов, обозначающих тайное насилие и подмену: «взяла сыновей», «забросила на остров», «принесла трех щенков», «положили в коробочку», «пустили в пруд» и т.п. Эти глаголы образуют устойчивый сценарий действий над законными наследниками: сначала их «берут» (вынут из нормального контекста), затем «забрасывают», «пускают», «бросают» – то есть помещают в зону удаления, изгнания, уничтожения.

Лексема «коробочка» в сочетании с глаголом «положили» особенно показательна: ребенок предстает в грамматической позиции объекта, лишенного собственного голоса, его описывают как вещь, которую можно «положить» и «пустить». Глаголы безлично-коллективного действия («положили», «пустили») создают эффект обезличенности зла: субъект скрыт, но акты насилия фиксируются.

К этим глаголам насилия постоянно присоединяются оценочные номинации и ярлыки. Существительное «хвастунья» по отношению к законной супруге («Вот твоя хвастунья трех щенков принесла!») выполняет функцию ложной оценочной перекодировки: виновной в речи объявляется жертва. Здесь семантика «хвастунья» (та, кто хвалится, «хвастается») накладывается на ситуацию, где никакого «хвастовства» нет; ярлык создает ложный мотив (якобы хвасталась беременностью и обещаниями), тем самым оправдывая в глазах царя карательную реакцию.

Особенно важен зооморфный ряд номинаций: «щенок», «котенок». В сказочном тексте это слова нейтральные, но в составе формулы «супруга родила щенка/котенка» они приобретают ярко выраженную деградирующую функцию. Лексема «родить» в норме сочетается с существительными «сына», «дочь», «младенца»; замена этого слова на «щенок», «котенок»

создает эффект категорического снятия человеческого статуса. Лингвистически это комбинация семантической аномалии и оценочной девальвации: человеческий ребенок вербализуется как животное, а значит, лишается родового и династического значения.

Лексемы «солнышко» и «месяц» в уменьшительной форме усиливают эмоционально-позитивную окраску. Устойчивость этой формулы (она повторяется в разных сказках) делает ее фразеологическим знаком: по ней слушатель узнает «чудесных детей» и автоматически относит их к положительному полюсу.

На уровне синтаксиса это набор предикативных конструкций с эллипсисом глагола-связки: «ноги (есть) в серебре», «руки (есть) в золоте». Такое оформление создает ощущение статичности и данности признаков: они не привнесены, а «принадлежат» ребенку от рождения. Язык, таким образом, задает критерий правды: то, что нельзя подделать и что повторяется в разных вариантах, признается несомненным свидетельством.

Финальная санкция клеветниц («посадили в бочку, засмолили и в море бросили») – еще один устойчивый глагольный комплекс. Три глагола («посадили», «засмолили», «бросили») образуют градацию: изоляция – герметизация – удаление. Их повторяемость в разных текстах делает эту цепочку формулой высшей казни; она симметрична действиям, совершенным над невинными ранее. Лингвистически это композиционная «зеркальность»: одни и те же глаголы применяются сначала к невинным, потом к виновным, но исход разный (невинных море не принимает, виновных – поглощает).

Таким образом, оппозиция «справедливость/корысть» разворачивается как противопоставление двух наборов глаголов и номинаций.

На уровне языка это реализуется так:

– трудолюбивая героиня описана через глаголы труда и мягкие, ласкательные обращения («девица», «крошечка», «Хаврошечка»);

– ленивая – через отсутствие действий и резкие эпитеты;

– «свой» мир – через лексику дома, двора, печи, хлеба;

– «чужой» – через лес, подземелье, дворец змея.

Комбинация этих лексических полей создает в тексте «сетка» оппозиций, где каждое слово работает как маркер определенного ценностного полюса.

В терминах морфологии В. Я. Проппа, испытания относятся к «кругу дарителя» (функции 12–14). С лингвистической точки зрения они часто оформляются через устойчивые формулы обращений и ответов. Типичны конструкции типа:

– Дай мне… – На, возьми… (прямая просьба и ответ);

– Съешь моего… – Не стану есть… / Съем, спасибо…;

– Помоги мне, солдат… – Жалко мне тебя….

В «Березе и трех соколах» просьба березы («сходи к попу, выпроси сонную книгу») оформлена с уменьшительно-ласкательной интонацией («батюшка-поп», «сонная книжечка» – в некоторых вариантах), а ответ солдата выражен через реплику, содержащую оценку («жалко мне тебя»). Лексема «жалко» в русской языковой картине мира традиционно маркирует милосердие; повторяемость схемы «жалко – помог – получил дар» в разных сказках формирует устойчивую фразеологизированную модель.

В «Заклятом царевиче» конструкция «Бог даст» - устойчивый модально-религиозный оборот, вводящий высшую санкцию и снимающий часть ответственности с человеческой воли: речь строится не как индивидуальное решение, а как согласие с «Божьей волей».

Предикатив «хорошо будет» в форме будущего времени закрепляет готовность принять неизвестное как потенциально благоприятное.

Таким образом, верность тут оформлена не абстрактным прилагательным («верная») и не именем качества, а структурой высказывания: ласковое обращение + религиозная модальность + спокойный предикат согласия.

Финальное превращение «козла» в «прекрасного молодца» оформлено через глагол «обернулся» / «превратился» и эпитет «прекрасный»,

«красивый». Лингвистически здесь важен контраст: одна и та же фигура получает радикально разные эпитеты на разных этапах («сопливый козел» → «прекрасный молодец»), а изменение оценки связано не с его внутренней сущностью, а с завершением испытания. Смирение героини вербализовано не как «покорность» (лексема «покорная» может и не появляться), а как отсутствие отрицательных предикатов в ее речи и наличие глаголов заботы: «ухаживает», «моет», «кормит», «терпит».

В сказках о Бабе-яге послушание оформлено через перечислительные ряды действий: «затопить печь», «сварить еду», «перебрать зерно», «убрать избу». Эти глаголы – предикаты, описывающие выполнение конкретных поручений. В ответ на них Баба-яга обычно использует краткие предикаты оценки: «ладно», «молодец», «справилась» или, наоборот, «плохо», «не справилась», «ленива». Таким образом, язык строит модель экзамена: в характеристике героини – глаголы труда, в характеристике дарителя (Бабы-яги) – глаголы оценки.

Запретные элементы оформляются через конструкции с отрицанием и модальностью: «никак не выходи из избы», «не смей заглядывать», «не трогай…». Нарушение запрета описано глаголами с приставками «за-», «от-», «про-» («заглянула», «открыла», «проглядела»), что создает контраст между четкими, жесткими инструкциями и «шаловливым» действием. Лингвистически тест на послушание – это тест на умение соотнести свою речь и свои действия с заданным словом, не нарушая его.

В солдатских сказках лексика хитрости организована вокруг глаголов с приставками: «перехитрил», «обманул», «провел», «запер», «заставил», «выманил». Словообразовательный элемент «пере-» в глаголе «перехитрить» расставляет роли: кто-то хитер, но герой хитрит «больше», «лучше». Объектами этих действий служат лексемы с уже закрепленной негативной оценкой: «черт», «дьявол», «барин», «смерть». Комбинация «перехитрить черта» формирует устойчивое словосочетание, в котором хитрость позитивна

по определению: она направлена на ослабление или обезвреживание однозначно враждебной силы.

В «Неумойке» договор с нечистой силой описан через глаголы: «заключил условие», «обязался», «подписался», а последующие действия - через глаголы переигрывания: «переиграл», «обошел».

Таким образом, лингвистический анализ показывает, что испытание в волшебной сказке – это не только мотив на уровне фабулы, но и особый тип речевого и текстового оформления:

– через обращение и модальные формулы («батюшка», «Бог даст», «не печалься»),

– через глаголы, описывающие нарушение и восстановление слова («обещал», «не выдержал», «пошел искать»),

– через устойчивые формулы запретов и задач («не в гостях и не дома…»),

– через набор типичных предикатов поведения («перехитрил», «пожалел», «выдержал», «послушался»).

Проведенная классификация показывает, что устойчивый и оценочно маркированный слой языка русской народной сказки неоднороден. Оценочная лексика, фразеологические единицы, фольклорные формулы и символические номинации представляют собой разные типы языковых средств и потому требуют раздельного анализа.

3.5. Модель лингвоаксиологической организации текста русской народной сказки: критерии, уровни и результаты количественно-качественного анализа

Под аксиологическим контекстом понимается фрагмент сказочного текста, в котором прямо или косвенно выражена оценка персонажа, поступка, качества, речевого поведения, ситуации, предмета или итогового события. Такой фрагмент может включать одно слово, словосочетание, реплику,

формулу, описание действия или финальную развязку. Например, сочетание добрый молодец представляет собой краткую атрибутивную характеристику персонажа; выражение воровать боится передает нравственный запрет через внутреннее состояние героя; формула «русский богатырь не бьет два раза, а раз да горазд» задает норму справедливого и ограниченного применения силы; финал, в котором герой получает награду, а нарушитель порядка – наказание, выступает формой сюжетной оценки.

Аксиологический контекст является минимальной рабочей единицей, позволяющей соединить лингвистический анализ с интерпретацией ценностного смысла. Он фиксирует не только наличие оценки, но и способ ее выражения: лексический, фразеологический, грамматический, символический или нарративный.

Таблица 17.

Структура аналитической модели исследования аксиологического содержания русских народных сказок

Элемент модели	Содержание элемента	Исследовательский вопрос
1. Ценностная оппозиция	Добро / зло, свой / чужой, труд / леность, правда / обман, верность / предательство, милосердие / жестокость	Какая ценностная пара организует данный фрагмент?
2. Объект оценки	Герой, поступок, речь, качество, ситуация, предмет, пространство, итог	Что именно оценивается в тексте?
3. Языковое средство	Эпитет, существительное-ярлык, глагол, предикатив, формула, пословица, сравнение, символический предмет	Каким языковым средством выражена оценка?
4. Способ выражения	Прямой или косвенный	Названа ли оценка прямо или выводится из контекста?
5. Сюжетная функция	Характеристика героя, испытание, предупреждение, разоблачение, награда, наказание	Какую роль оценка выполняет в развитии сюжета?
6. Нормативный	Подтверждение ценности или разоблачение антиценности	Какой вывод о должном и недолжном закрепляет

вывод		сказка?

В обобщенном виде модель может быть представлена следующим образом: ценностная оппозиция – объект оценки – языковое средство – способ выражения оценки – сюжетная функция – нормативный вывод.

Например, в сказках о мачехе и падчерице ценностная оппозиция строится вокруг противопоставления справедливости / несправедливости, заботы / жестокости, своего / чужого. Объектом оценки становится не только мачеха как персонаж, но и сам тип семейного отношения, при котором родство подменяется избирательной любовью и нарушением защитной функции дома. Языковыми средствами выступают номинации падчерица, родная дочь, оценочные характеристики, глаголы насильственного или враждебного действия, а также финальное воздаяние. Сюжетная функция такой оценки состоит в выявлении нарушения нормы, а нормативный вывод заключается в восстановлении справедливого порядка.

Для проверки модели была использована созданная картотека аксиологических контекстов. Таким образом, общее количество зафиксированных языковых единиц (2400) включает повторяющиеся употребления, при этом корпус содержит 251 уникальную языковую единицу, участвующую в формировании выделенных оценочных моделей, относящихся к 147 номерным позициям сказок А.Н. Афанасьева (Приложение 1). Каждая запись включает номер сказки, название текста, объект оценки, цитату, языковое средство, способ выражения оценки, семантическую помету и интерпретацию. Количественные данные в данном случае имеют не вероятностно-статистический, а описательно-типологический характер: они позволяют показать, какие типы оценочных средств и какие объекты оценки наиболее активно представлены в исследуемом материале.

Первый расчет связан с соотношением прямого и косвенного способов выражения оценки. Под прямой оценкой понимаются случаи, когда ценностный знак выражен лексически или грамматически явно: через эпитет,

номинацию, оценочный предикатив, бранный ярлык, прямое обвинение, формулу похвалы или порицания. Под косвенной оценкой понимаются случаи, когда оценочный смысл выводится из действия, последствий поступка, сюжетной позиции персонажа, финального наказания или награды.

Таблица 18

Количественное распределение контекстов по способу выражения оценки

Способ выражения оценки	Количество контекстов	Доля от общего числа
Прямая оценка	1742	72,6 %
Косвенная оценка	658	27,4 %
Итого	2400	100 %

Полученные данные показывают, что в картотеке преобладают прямые способы выражения оценки, что объясняется спецификой сказочного текста: он активно использует формульные характеристики, эпитеты, устойчивые номинации, экспрессивные обращения и предикаты, которые быстро и ясно задают ценностный статус персонажа или ситуации. Вместе с тем почти треть материала составляют косвенные оценки. Это принципиально важно для исследования, поскольку именно косвенная оценка показывает, что аксиологический смысл сказки формируется не только через отдельные слова, но и через последовательность действий, сюжетные последствия и финальное воздаяние.

Следующий параметр – распределение аксиологических контекстов по объекту оценки. В сказочном тексте оценивается не только персонаж как носитель положительных или отрицательных качеств, но и его речь, поступок, состояние, социальная роль, предметный мир, ситуация и итог действия.

Таблица 19

Количественное распределение оценочных контекстов по объектам оценки

Объект оценки	Количество контекстов	Доля от общего числа
Ситуация / событие	461	19,2 %
Качество / свойство	429	17,9 %
Речь и речевое поведение	351	14,6 %
Итог / воздаяние	316	13,2 %
Персонаж и его статус	222	9,2 %
Поступок / поведение	211	8,8 %
Предмет / пространство	85	3,5 %
Состояние / эмоция	82	3,4 %
Труд / служба	23	1,0 %
Норма / ценность как таковая	17	0,7 %
Смешанные и переходные случаи	203	8,5 %
Итого	2400	100 %

Наиболее представительной группой оказываются контексты, в которых объектом оценки выступает ситуация или событие. Это закономерно для сказочного повествования: ценностный смысл часто раскрывается через испытание, угрозу, обман, встречу с чужим пространством, нарушение запрета, бедность, помощь или наказание. Вторую по численности группу составляют контексты оценки качества или свойства.

Ласковая речь может выражать заботу, но может становиться и речевой маской обмана; бранная номинация может не только характеризовать адресата, но и выполнять функцию социального осуждения.

Отдельно следует отметить контексты, связанные с итогом и воздаянием. Их значительная представленность подтверждает, что финальная санкция является одним из центральных способов лингвоаксиологической организации сказки. Награда героя и наказание нарушителя порядка не просто завершают сюжет, а переводят частные действия персонажей в область общей нормы.

Распределение 2400 анализируемых контекстов по типу средства, посредством которого выражается оценка, представлено в таблице 20.

Таблица 20

Количественное распределение контекстов по средствам выражения оценки

Языковое средство	Количество контекстов	Доля от общего числа
Атрибутивные характеристики: прилагательные, эпитеты	595	24,8 %
Предикативные и модальные конструкции	454	18,9 %
Глагольные предикаты действия / состояния	401	16,7 %
Фольклорные формулы, пословицы, афоризмы	371	15,5 %
Номинации лица и оценочные ярлыки	262	10,9 %
Сюжетная санкция: награда / наказание	177	7,4 %
Сравнения и сопоставления	36	1,5 %
Вопросительные и риторические конструкции	11	0,5 %
Речевые формы и обращения	11	0,5 %
Лексические средства смешанного типа	9	0,4 %
Повторы	2	0,1 %
Прочие и смешанные средства	71	2,9 %
Итого	2400	100 %

Данные показывают, что наиболее частотным способом выражения оценки являются атрибутивные характеристики, прежде всего прилагательные и эпитеты, что соответствует формульной природе сказочного текста: сочетания типа *добрый молодец, красная девица, прекрасная королевна, злая мачеха, бедный сиротка, старый старик* позволяют в краткой форме соединить номинацию персонажа с его социальной, возрастной и ценностной характеристикой.

Второе место занимают предикативные и модальные конструкции. Они особенно важны в тех случаях, когда оценка выражается не через название

качества, а через состояние, возможность, невозможность, внутренний запрет или итоговое положение героя. Например, выражения типа *воровать боится, млосно сделалось со страху, делать нечего, не скоро дело делается* позволяют передать ценностный смысл через грамматическую организацию высказывания.

Третья группа – глагольные предикаты действия и состояния. Их значимость объясняется тем, что сказка оценивает персонажа прежде всего через поступок. Герой не столько описывается, сколько действует: помогает, кормит, спасает, благодарит, обманывает, крадет, убивает, нарушает запрет или выполняет поручение. Поэтому глагольная семантика оказывается одним из главных механизмов аксиологической характеристики.

Значительная доля фольклорных формул, пословиц и афористических конструкций показывает, что сказка активно использует обобщенное народное знание. Формулы типа *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, русский богатырь не бьет два раза, а раз да горазд, утро вечера мудренее* не только организуют повествование, но и задают устойчивые представления о терпении, мере, мудрости, решительности и правильном отношении к действию.

Для описания степени выраженности оценки в исследовании используется трехуровневая модель. Она позволяет различать, на каком уровне сказочного текста формируется ценностный смысл.

Таблица 21

Трёхуровневая модель репрезентации оценки в русском народном сказочном тексте

Уровень	Характеристика уровня	Основные средства	Пример функции
I. Лексико-номинативный	Оценка выражена отдельным словом или словосочетанием	эпитет, существительное-ярлык, оценочное прилагательное	первичная характеристика героя
II. Контекстно-	Оценка	глагол, предикатив,	выявление

предикативный	формируется через действие, состояние, речь или ситуацию	модальная конструкция, реплика	нравственного выбора
III. Символико-нарративный	Оценка закрепляется через предмет, мотив, испытание, финал	кольцо, хлеб, меч, печь, дорога, награда, наказание	восстановление порядка, разоблачение или воздаяние

Лексико-номинативный уровень наиболее очевиден: он связан с прямыми характеристиками персонажей и ситуаций. Однако он не исчерпывает лингвоаксиологическую структуру сказки. Контекстно-предикативный уровень показывает, что ценность раскрывается через действие и ситуацию выбора. Например, герой может быть положительно маркирован не потому, что назван добрым, а потому, что накормил, спас, пожалел, выполнил слово или не переступил нравственную границу. Символико-нарративный уровень является наиболее обобщающим: на нем оценка закрепляется через повторяемые мотивы, предметные знаки, пространственные оппозиции и финальное воздаяние.

Применение данной модели к материалу исследования можно показать на конкретных примерах.

Таблица 22

Применение трёхуровневой модели к анализу аксиологического содержания сказочных фрагментов и мотивов

Фрагмент / мотив	Объект оценки	Языковое средство	Способ оценки	Уровень модели	Аксиологический смысл
добрый молодец	персонаж	атрибутивная формула	прямая	I	герой соотнесен с идеалом силы, доблести и нравственной надежности
злая мачеха	персонаж / семейная роль	эпитет + номинация	прямая	I	семейная роль сразу получает отрицательную

					ценностную маркировку
воровать боится	поступок / внутренний запрет	глагольно-модальная конструкция	косвенная	II	герой находится в нужде, но не переступает нравственную границу
а нищих не зовут	ситуация / отношение к слабому	отрицательная глагольная форма	косвенная	II	нарушение нормы гостеприимства и человечности
бей раз, во второй раз не бей	применение силы	формула запрета	прямая / косвенная	II–III	сила признается правомерной только при соблюдении меры
Мотив узнавания по кольцу	предмет / право на союз	символический предмет	косвенная	III	вещь подтверждает верность, память и справедливое признание
Финальная награда героя	итог	сюжетная санкция	косвенная	III	положительная ценность подтверждается результатом сюжета
Наказание антигероя	итог	сюжетная санкция	косвенная	III	нарушение нормы получает окончательную отрицательную оценку

Из таблицы видно, что одна и та же ценность может выражаться разными средствами. Например, ценность верности может быть передана через прямое обещание, через действие героя, через сохранение предмета, через узнавание по кольцу и через финальное восстановление брачного союза. Ценность милосердия может выражаться через глаголы помощи и кормления, через включение слабого в «свой» круг, через благодарность и награду. Антиценность обмана может быть выражена прямым глаголом

обмануть, речевой маской ласкового обращения, несоответствием слова и действия, а затем – разоблачением и наказанием.

Следовательно, лингвоаксиологическая модель русской народной сказки имеет не линейный, а многоуровневый характер. В ней взаимодействуют как минимум три плана: языковой, символический и сюжетный. Языковой план задает первичную оценку через слова и конструкции; символический план связывает оценку с предметами, пространством и мотивами; сюжетный план проверяет и закрепляет эту оценку через испытание и итог.

Особенно важно, что в сказке ценность редко остается только декларацией. Она должна быть подтверждена действием. Герой не просто называется добрым, а помогает, кормит, спасает, терпит, исполняет обещание, проходит испытание. Антигерой не просто называется злым, а нарушает границу, обманывает, присваивает чужое, угрожает, применяет насилие, не соблюдает меры. Поэтому лингвоаксиологическая характеристика персонажа формируется не одним признаком, а совокупностью языковых и сюжетных показателей.

На основании проведенного анализа можно выделить основные компоненты лингвоаксиологической модели русской народной сказки.

Таблица 23

Компоненты модели аксиологической организации русской народной сказки, способы их выражения и текстовые функции

Компонент модели	Способ выражения	Функция в сказочном тексте
Ценностная оппозиция	добро / зло, свой / чужой, труд / леность, правда / ложь	задает смысловое напряжение сюжета
Персонаж-носитель ценности	герой, помощник, даритель, падчерица, младший сын	воплощает положительную модель поведения
Персонаж-носитель антиценности	мачеха, старшие братья, обманщик, насильник, жадный персонаж	воплощает нарушение нормы

Испытание	дорога, запрет, задание, встреча с чужим пространством	выявляет скрытые качества персонажа
Языковая маркировка	эпитеты, глаголы, формулы, ярлыки, сравнения	делает оценку узнаваемой и повторяемой
Символический предмет	кольцо, хлеб, вода, меч, печь, ключ	связывает бытовую вещь с ценностным смыслом
Финальная санкция	награда, брак, возвращение, наказание, изгнание	закрепляет нормативный вывод
Обобщающая формула	пословица, афоризм, повторяющееся клише	переводит частный сюжет в форму народного знания

Модель позволяет объяснить, почему сказка обладает высокой степенью ценностной определенности. Даже если отдельный фрагмент допускает неоднозначность, сюжет в целом стремится снять ее через финальную санкцию. Обман может временно приносить выгоду, но в финале разоблачается; слабый герой может казаться беспомощным, но получает поддержку; младший сын или падчерица могут быть унижены в начале сюжета, но именно они оказываются носителями правильной ценностной позиции. Тем самым сказка выстраивает не только последовательность событий, но и систему нравственной ориентации.

Важным результатом является также выявление соотношения между оценкой персонажа и оценкой поступка. В сказочном тексте персонаж чаще всего получает устойчивый ценностный статус через повторяемые действия. Так, мачеха отрицательно маркируется не только потому, что названа злой, а потому, что нарушает норму заботы и справедливости. Иван-царевич, младший сын, падчерица или бедный герой положительно оцениваются не только через эпитеты, но и через способность пройти испытание, сохранить верность, проявить милосердие или принять помощь. Поэтому аксиологический смысл возникает на пересечении номинации, поступка и сюжетного результата.

Можно представить это следующей последовательностью:

персонаж – поступок – последствие – оценка – воздаяние

Если поступок соответствует норме, герой получает помощь, признание, брак, богатство или возвращение домой. Если поступок нарушает норму, персонаж сталкивается с разоблачением, потерей, наказанием, изгнанием или гибелью. Следовательно, финал сказки выполняет функцию не только композиционного завершения, но и аксиологического подтверждения.

На основании количественно-качественного анализа можно сделать несколько выводов:

1. В исследуемом материале преобладает прямая оценка, однако косвенная оценка играет системообразующую роль. Она связывает языковой материал с сюжетной логикой и позволяет выявить ценности, которые не названы прямо, но последовательно реализуются через действие и его последствия.

2. Наиболее значимыми объектами оценки являются ситуация, качество, речь, итог и персонаж. Это показывает, что сказка оценивает не только «каким является герой», но и «как он говорит», «как поступает», «в какой ситуации оказывается» и «какой результат получает».

3. Ведущими средствами выражения оценки являются атрибутивные характеристики, предикативные конструкции, глагольные предикаты и фольклорные формулы. Их сочетание обеспечивает особую плотность аксиологического смысла: оценка может быть краткой, формульной, эмоционально насыщенной и одновременно сюжетно подтвержденной.

4. Предметная символика и финальная санкция переводят отдельные оценки на уровень целостной модели мира. Кольцо, хлеб, вода, меч, печь, ключ, дорога, лес и дом выступают не нейтральными деталями, а знаками определенных ценностных отношений. Финал же закрепляет мнение о том, какая модель поведения признается правильной, а какая отвергается.

Выводы по главе 3

Проведенный в главе анализ показал, что лингвоаксиологические характеристики русской народной сказки проявляются прежде всего через систему оценочных высказываний, связанных с изображением персонажей, их поступков и сюжетных исходов. Ценностное содержание сказки выражается не только в прямых характеристиках героев, но и в том, как повествование распределяет одобрение и осуждение между различными типами поведения.

Анализ лексико-семантических особенностей оценочной лексики показал, что в корпусе сказок устойчиво сосуществуют две группы средств: единицы с «встроенной» прямой оценкой (добрый, злой, лихой, лукавый и др.) и слова, приобретающие оценочность в контексте за счет типовой для сказки ситуативной нормы (дороженька, сирота, батрак, милостыня, хитрость и пр.).

Именно через изображение отклонения от нормы особенно отчетливо обозначаются границы допустимого и недопустимого.

В исследуемом материале преобладает прямая оценка, однако косвенная оценка играет системообразующую роль. Она связывает языковой материал с сюжетной логикой и позволяет выявить ценности, которые не названы прямо, но последовательно реализуются через действие и его последствия.

Наиболее значимыми объектами оценки являются ситуация, качество, речь, итог и персонаж. Это показывает, что сказка оценивает не только, каким является герой, но и как он говорит, как поступает, в какой ситуации оказывается и какой результат получает.

Ведущими средствами выражения оценки являются атрибутивные характеристики, предикативные конструкции, глагольные предикаты и фольклорные формулы. Их сочетание обеспечивает особую плотность

аксиологического смысла: оценка может быть краткой, формульной, эмоционально насыщенной и одновременно сюжетно подтвержденной.

Предметная символика и финальная санкция переводят отдельные оценки на уровень целостной модели мира. Кольцо, хлеб, вода, меч, печь, ключ, дорога, лес и дом выступают не нейтральными деталями, а знаками определенных ценностных отношений. Финал же закрепляет, какая модель поведения признается правильной, а какая отвергается.

Таким образом, русская народная волшебная сказка в афанасьевском корпусе может быть рассмотрена как модель аксиологической социализации. Через фантастический, условный, но внутренне строго организованный мир адресату передается иерархия значимого: жизнь и справедливость, труд и милосердие, верность и смирение получают положительное сюжетное подтверждение, тогда как жадность, жестокость, ложь и нарушение слова ведут к поражению, утрате и наказанию. Лингвоаксиологический подход позволяет увидеть за устойчивыми формулами и внешне простой образностью сложный механизм ценностного кодирования, в котором слово, образ, действие и композиция совместно участвуют в формировании нравственной картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании были рассмотрены лингвоаксиологические характеристики русской народной сказки как особого типа дискурса, в котором языковыми средствами конструируется и транслируется ценностная картина мира традиционной культуры. Поставленная в работе цель – выявить и описать основные аксиологические основания русской народной сказки и механизмы их языкового воплощения – была достигнута посредством комплексного анализа теоретико-методологической базы лингвоаксиологии, исследования мифологических и христианских оснований сказочной ценностной системы, а также детального лингвоаксиологического анализа сказочного текста на лексическом, фразеологическом, символическом и нарративном уровнях.

Теоретико-методологический анализ показал, что лингвоаксиология как междисциплинарное направление формируется на пересечении философской аксиологии, лингвистики, культурологии, психолингвистики и когнитивной науки. В рамках данного подхода язык рассматривается не только как средство описания ценностей, но и как инструмент их формирования и закрепления в коллективном сознании. Была уточнена понятийная база исследования (ценность, оценка, аксиологическое поле, аксиологическая доминанта, ценностная оппозиция), прослежено становление лингвоаксиологической проблематики в гуманитарном знании и показано, что обращение к народной сказке отвечает современному интересу к исследованию наивной картины мира и повседневной этики.

Особое внимание было уделено обоснованию сказки как специфического объекта лингвоаксиологического анализа. В работе показано, что русская народная сказка обладает целым рядом характеристик, способствующих концентрации и передаче ценностных смыслов: ярко выраженной бинарностью (оппозиции свой/чужой, жизнь/смерть, порядок/хаос), устойчивой композиционной моделью, повторяемостью

мотивов и формул, ориентацией на детского и подросткового адресата при посредничестве взрослого рассказчика. Сказка выступает как «модельный» текст традиционной культуры, в котором нормы и запреты, образцы и антиобразцы поведения представлены в игровой и фантастической форме, но заданы с высокой степенью однозначности.

Анализ аксиологических оснований сказки показал, что ее ценностная система формируется в результате наложения и взаимного преломления мифологических и христианских представлений. Мифологический пласт проявляется в устойчивых образах и мотивах (космогонические инициации, путешествие героя в «иной» мир, фигуры медиаторов между мирами, антропоморфизация природных сил), задающих базовые оппозиции и архетипические сценарии. Христианская традиция привносит в сказку лексику и образы, связанные с идеями смирения, милосердия, праведности, греха и покаяния, а также представление о личностной ответственности героя за свой выбор.

Важным результатом исследования стало выявление того, что ценности в сказке почти всегда имеют событийную, «сюжетную» форму существования: они проявляются и закрепляются не в абстрактных декларациях, а в конкретных, повторяющихся сценариях выбора и его последствий.

Лингвоаксиологический анализ корпуса русских народных сказок позволил на материале языка детально показать, как именно работает механизм ценностной социализации. На лексико-семантическом уровне выявлено аксиологическое поле, включающее как единицы с прямой оценочной семантикой (эпитеты, номинации лиц, оценочные наречия и частицы), так и слова, приобретающие оценочный характер в типичных для сказки контекстах. Установлено, что глагольная предикация («что делает герой и к чему это приводит») играет не меньшую, а зачастую и большую роль, чем прилагательные с «готовой» оценкой: именно через глагол

разворачивается противопоставление помощи и вреда, созидания и разрушения, награды и наказания.

Фразеологический уровень сказочного текста представлен пословицами, присловьями, устойчивыми формулами, которые выполняют функцию лингвоаксиологического «комментария» сообщества. Они вводятся в смысловых узлах сюжета – перед испытанием, в момент перелома, в финале – и закрепляют вердикт коллективного опыта, благодаря чему сказочное повествование включается в более широкий контекст народной мудрости. Фразеологизмы позволяют избежать прямой авторской морализации: ценность или антиценность озвучивается как самоочевидная норма, выраженная в традиционной формуле.

Анализ символов показал, что предметный мир сказки систематически «нагружен» ценностным содержанием. Устойчивые комплексы образов (кольцо, хлеб, вода, меч, печь, дверь, ключ, дорога, лес) соотносятся с определенными типами ценностных ситуаций: выбором и верностью, гостеприимством и достатком, испытанием и очищением, границей между своим и чужим, переходом из одного статуса в другой. Пространственные оппозиции «дом – лес», «деревня – царство», «земля – иной мир» маркируют переход героя из зоны защищенности в зону риска и обратно, а также сопровождаются изменением его ценностного статуса.

Рассмотрение нарративных стратегий позволяет показать, что сказочный сюжет в целом функционирует как серия аксиологических испытаний. «Круг дарителя», троекратные проверки, столкновение с персонажами-двойниками (старшие братья и младший, родная дочь и падчерица, добрый и злой работник) организованы таким образом, чтобы многократно выявить устойчивость ценностных характеристик героя.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении круга анализируемых материалов за счет других жанров устного народного творчества (былины, легенды, духовные стихи, исторические предания), в сопоставительном изучении лингвоаксиологических характеристик русской

сказки и сказок других культур, а также в привлечении корпусных методов для количественного анализа распределения оценочной лексики и моделирования лингвоаксиологических полей. Важным направлением может стать также исследование трансформаций традиционной сказочной ценностной системы в литературной сказке и современных массовых нарративах (кино, анимация, компьютерные игры), что позволит проследить, как изменяется и как сохраняется ценностное ядро русской культурной традиции в новых коммуникативных форматах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акименко, Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса: дис. канд. филол. наук / Н.А. Акименко. – Волгоград, 2005. – 193 с.
2. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.
3. Алексеева, О. Б. Русские народные сказки / О.Б. Алексеева. – М.: Наука, 1987. – 508 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алифиренко. – М.: Флинта. – 2010. – 288 с.
6. Алещенко, Е.И. Сказочный текст как отражение христианской языковой картины мира/Е.И. Алещенко //Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2006. – №. 3. – С. 47-52.
7. Алещенко, Е.И. Концепт «крещение» в русской народной сказке/Е.И. Алещенко// Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – № 5 (56). – С. 48–53.
8. Алещенко, Е.И. Лексико-фразеологические средства вербализации христианской языковой картины мира в русской народной сказке/Е.И. Алещенко //Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – №. 2. – С. 54-59.
9. Алещенко, Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: на материале народной сказки: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 /Е.И. Алещенко. – Волгоград, 2008. – 432 с.
10. Аникин, В.П. Русская народная сказка: пособие для учителей/ В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1959. – 256 с.

11. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том 1: Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп./Ю.Д. Апресян. – М.: Восточная литература, 1995. – VIII, 472 с.

12. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография/Ю.Д, Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с.

13. Артемов В.Н. Социально-политические контексты философии С.Л. Франка/В.Н. Артемов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2017. – № 4. – С. 39–52

14. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт/Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

15. Арутюнова, Н.Д. Об объекте общей оценки / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1985, № 3. – С. 13–24.

16. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

17. Арутюнова, Н.Д. Тождество и подобие / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова – М.: Наука, 1990. – С. 3 – 22.

18. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

19. Арутюнова, Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.

20. Асмус, В.Ф. Проблема целесообразности в учении Канта об органической природе и в эстетике/В.Ф. Асмус //Кант И. Соч. – 1966. – №. 6. – С. 5-63.

21. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексикофразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика.: дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.

22. Байрамова, Л.К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме/Л.К. Байрамова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 275 с.

23. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 360 с. 20.

24. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: [перевод с польского] / Е. Бартминьский. – М.: Индрик, 2005. – 527 с.

25. Барышков, В.П. Аксиология: учебное пособие / В.П. Барышков. – Саратов: «Наука». – 2009. – 65 с.

26. Батлер, У. О появлении монографии И.А. Ильина «О сущности правосознания»: к истории публикации/У. Батлер // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 1 (22). – С. 47–49.

27. Белинский, В.Г. О народных сказках [Электронный ресурс] / В.Г. Белинский // Критическая история русской литературы. – 1977. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_skaz.html

28. Белоусова, А.С. Концепт как предмет описания в «Русском идеографическом словаре. Мир человека и человек в окружающем его мире» / А.С. Белоусова, Ю.Л. Воротников // Человек о языке – язык о человеке: Сборник статей памяти ак. Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. – С. 33 – 45.

29. Бельчиков, Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века / Ю.А. Бельчиков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

30. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. – М.: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. – 358 с.

31. Бердяев, Н.А. Философия свободы/Н.А. Бердяев. – М.: Путь, 1911. – 280 с.

32. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека/Н.А. Бердяев. – М.: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. – 358 с.

33. Большакова, А.Ю. Архетип: от Филона Александрийского до Блаженного Августина/А.Ю. Большакова // Архетипы и архетипическое в

культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции, 5-6 марта 2010 года. – Пенза: ООО Науч.-изд. центр «Социосфера», 2010. – С. 5-20.

34. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии/А.В. Бондарко. – Л.: Наука. Ленингр. Отд., 1983. – 207 с.

35. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка/А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

36. Бондарко, А.В. Функционально-семантическое поле/А.В. Бондарко // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов (пред.) [и др.]; отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая российская энциклопедия, 2017. – Т. 33: Уланд – Хватцев. – С. 662.

37. Брандаусова, А.В. Основные синтаксические особенности английской литературной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Брандаусова. – М., 2008. – 24 с.

38. Буслаев, Ф.Н. Народный эпос и мифология / Ф.Н. Буслаев. – М.: Высшая школа, 2003. – 400 с.

39. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2/Ф. Бэкон / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина. – М.: Мысль, 1972. – 581, с.

40. Валгина, Н.С. Современный русский язык: Учеб. пособие для филол спец. / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина, В.В. Цапукевич. – М.: Высшая школа, 1971. – 512 с

41. Введенский, А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики/А. И. Введенский. – Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1892. – 119 с.

42. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов /А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры. – 2001. – 288 с.

43. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

44. Виндельбанд, В. История и естествознание /Виндельбанд В.// Прелюдии: философские статьи и речи / пер. с нем.; предисл. С. Л. Франка. – Санкт-Петербург: Д. Е. Жуковский, 1904. – 374 с.

45. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

46. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

47. Воеводина, Л.Н. Мифология и культура / Л.Н. Воеводина. – М.: Вече, 2002. – 384 с.

48. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки/Е.М. Вольф. – URSS, 2009. – 250 с.

49. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

50. Выжлецов, Г.П. лингвоаксиология культуры на рубежах веков/Г.П. Выжлецов // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2 (23). – С. 15–26. – [Электронный ресурс]. – URL: https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/02_2016/ijcr_2-23-2016_vyzhletsov%2015-26.pdf (дата обращения: 19.12.2025).

51. Гак, В.Г. От толкового словаря к энциклопедии языка / В.Г. Гак // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30. Вып. 6. – С. 524 – 530.

52. Гак, В.Г. Синтаксис эмоции и оценок / В.Г. Гак // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е.М. Вольф: Сборник. – М.: ИЯЗ РАН, 1996. – С. 20-31.

53. Гартман, Н. К основоположению онтологии: электронная публикация (пер. Ю. В. Медведева; рус. изд.: СПб., 2003)/Н. Гартман [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал. – URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5683 (дата обращения: 19.12.2025).

54. Гартман, Н. Этика /Г. Гартман// пер. с нем. А.Б. Глаголева ; под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Скляднева. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 707 с.

55. Гибатова, Г.Ф. Аксиология в языке/Г.Ф. Гибатова //Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – №. 2 (121). – С. 127-132.

56. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского/ Т. Гоббс. – 1651. – URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt (дата обращения: 20.07.2014).

57. Голованов, И.А. Аксиологические константы русской ментальности (на материале фольклорных текстов) / И.А. Голованов, Е.И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – №. 1 (42). – С. 13-24.

58. Грот, Н.Я. Владимир Соловьев. «Оправдание добра. Нравственная философия»/Н.Я. Грот // Вопросы философии и психологии. – 1897. – Кн. 1 (36). – С. 155–160.

59. Гураль, С.К. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система / С.К. Гураль // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – №298. – С. 32-35.

60. Гураль, С.К. Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения / С.К. Гураль // Язык и культура. – 2008. – №4. – С. 14-21.

61. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.

62. Девицкая, Е.Н. Цветовая характеристика мира в лексике русских и немецких народных сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Девицкая. – Славянск-на-Кубани, – 2014. – 23 с.

63. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ванн Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с

64. Декарт, Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и фр. ; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова/Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.

65. Диалоги Платона. Хармид. – URL: http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/harmi.htm (дата обращения: 15.11.2023).

66. Добровольская, Е.В. О типах концептов в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях/ Е.В. Добровольская //Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2020. – №. 1. – С. 69-75.

67. Дробницкий, О.Г. Моральная философия: избранные труды / О.Г. Дробницкий. – М.: Гардарики, 2002. – 520 с.

68. Дробницкий, О.Г. Понятие морали: историко-критический очерк/О.Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1974. – 386 с.

69. Дронова, Л.П. Картины русского мира: лингвоаксиология в языке и тексте: сб. монографий / под ред. З. И. Резановой/ Л.П. Дронова, Л.Н. Ермоленкина, Д.А. Катунин. –Томск: Издательство Томского университета. – 2005. – 353 с.

70. Егорова, О.А. К вопросу об актуализации мифологических представлений в фольклоре (на материале русских и британских сказок)/О.А. Егорова //Litera. – 2018. – №. 3. – С. 296-303.

71. Егорова, О.А. Специфика мифологической основы волшебного вымысла в сказках Британских островов/О.А. Егорова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 87–97.

72. Елина, А.К. «Добрые» и «злые» персонажи русских народных сказок: соотношение признаков/А.К. Елина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2 (22). С. 70-74.

73. Елина, А.К. Психолингвистическое моделирование концептов персонажей народных сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.К. Елина. –Кемерово, – 2013. – 23 с

74. Ермакова, О.П. Семантические процессы в русском молодежном жаргоне / О.П. Ермакова // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Сб. ст.

памяти Т.Г. Винокур / Отв. ред. Н.Н. Розанова. – М.: Наука, 1996. – С. 190 – 199.

75. Живов, В.М. История понятий, история культуры, история общества / В.М. Живов // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 5 – 26.

76. Живов, В.М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века / В.М. Живов. – М.: ИРЯ АН СССР, 1990. – 271 с

77. Зайченко, Г.А. Джон Локк/Г.А. Зайченко. – М., 1988. – 236 с.

78. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Издательство «Языки славянских культур», 2005. – 554 с.

79. Зализняк, А.А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Издательство «Языки славянских культур», 2012. – 696 с.

80. Зализняк, А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект Каталога семантических переходов /А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001, № 2. – С. 13 – 26.

81. Зализняк, А.А. Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2008. – С. 660 – 667.

82. Зализняк, А.А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.

83. Зеньковский, В.В. Психология детства/В.В. Зеньковский. – Екатеринбург: Деловая книга, 1995. – 346 с.

84. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1998. – 528 с.

85. Ивин, А.А. Основания логики оценок/А.А. Ивин. – М.: МГУ, 1970. – 230 с.

86. Ивин, А.А. Человеческие предпочтения/А.А. Ивин. – М.: ИФРАН, 2010. – 122 с.

87. Ивин, А.А. лингвоаксиология: научное издание / А.А. Ивин. – М.: ВШ, 2006. – 390 с.

88. Ильин, И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 864–902.

89. Ильин, И.А. Русская душа в своих сказках и легендах/И.А. Ильин // Портал Свеча. URL: http://svecha-p.chat.ru/books/ilin/ilin_2.htm (дата обращения: 27.02.2026).

90. Каган, М.С. Философия культуры: учебное пособие / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.

91. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. СПб.: Петрополис, 1997 – 205 с

92. Канадцева, Е.Е. Явление архаизации в словарном составе современного русского языка: дис. … канд. фил. наук: 10.02.01 / Е.Е. Канадцева. – М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2007. – 271 с.

93. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.

94. Кант, И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – 544 с.

95. Кант, И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – 564 с.

96. Карасик, В.И. Этноспецифические концепты / В.И. Карасик // Иная ментальность: коллективная монография /В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005б. – С. 8 – 101.

97. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с

98. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс/В.И. Карасик. – М.: Гнозис. – 2004. – 390 с.

99. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена.– 2002. – С. 166-205 с.

100. Карпухина, В.Н. Функционирование русскоязычного интертекста в переводе: лингвоаксиология перевода постмодернистского текста/В.Н. Карпухина // Русский язык за рубежом. – 2020. – №. 2. – С. 66-70.

101. Кельтская мифология: энциклопедия / Под ред. Д.Л. Брэна. – М.: Эксмо, 2005. – 640 с.

102. Кирьякова, А.В. Теория ценностей – методологический базис лингвоаксиологии образования/А.В. Кирьякова // лингвоаксиология и инноватика образования. – 2010. – №1. – С. 2-32.

103. Кобзев, А.И. Добро и зло в китайской культуре / А.И. Кобзев // Общество и государство в Китае. 38-я научная конференция: сб. материалов. – М., 2008. – С. 136–143.

104. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 352 с.

105. Колесов, В.В. Жизнь происходит от слова / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 154 с.

106. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору: уч. пособие/Е.А. Костюхин. М.: Дрофа, 2004. 332 с.

107. Костюхин, Е.А. Лекции по русскому фольклору / Е.А. Костюхин. – М.: Российская государственная гуманитарная академия, 2004. – 336 с.

108. Кравец К.В. Е.Н. Трубецкой о соотношении права и нравственности/К.В. Кравец // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46. – № 4. – С. 698–707.

109. Кравцов, Н.И. Славянский фольклор / Н.И. Кравцов. – М.: Лабиринт, 2009. – 352 с.

110. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

111. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова// Язык и наука конца 20 века: Сб. ст. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144 – 238.

112. Кузьмина, С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений / С.М. Кузьмина // Грамматические исследования. Функциональностилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика: Сб. ст. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 158 – 231.

113. Лапшин, И.И. Проблема «чужого я» в новейшей философии/И.И. Лапшин. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1909. – 192 с.

114. Ласкавцева, Е.Ю. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой сказки: автореф. дис. канд. филол. наук / Е.Ю. Ласкавцева. – Краснодар, 2001. – 24 с.

115. Леонова, Е.В. История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века /Е.В. Леонова//Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика. – 2011. – №. 3. – С. 23-29

116. Ломакина, О.В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень/О.В. Ломакина //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16. – №. 3. – С. 622-637.

117. Лосский, Н.О. Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей/Н.О. Лосский. – Париж: YMCA-PRESS, 1931. – [Электронный ресурс]. – URL: https://predanie.ru/book/90072-cennost-i-bytie/ (дата обращения: 19.12.2025); также: https://azbyka.ru/cennost-i-bytie-bog-i-carstvo-bozhie-kak-osnova-cennostej (дата обращения: 19.12.2025).

118. Маслов, Е.С. Фольклорный мотив внезапного проявления положительных качеств и его связь с ожиданием золотого века/Е.С. Маслов //

Ученые записки КазГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – № 2. – С. 123-133.

119. Мелетинский, Е.М. Герой волшебной сказки: происхождение образа/Е.М. Мелетинский. – М.: Академия Исследований Культуры [и др.], 2005. – 237 с.

120. Мелетинский, Е.М. Миф и двадцатый век [Электронный ресурс] / Е.М. Мелетинский. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm (дата обращения: 01.03.2025).

121. Мелетинский, Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора [Электронный ресурс] / Е.М. Мелетинский. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky4.htm (дата обращения: 01.02.2025).

122. Мелетинский, Е.М. Миф и сказка [Электронный ресурс] / Е.М. Мелетинский. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky11.htm (дата обращения: 01.02.2025).

123. Милованова, М.С. лингвоаксиология и когнитивная лингвистика/М.С. Милованова //Вопросы психолингвистики. – 2024. – №. 4 (62). – С. 144-147.

124. Милованова, М.С. Общая и русская лингвоаксиология/М.С. Милованова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – № 5. – С. 96–98

125. Мирошников, Ю.И. История лингвоаксиологии: от Платона до Канта/Ю.И. Мирошников //Первые Лойфмановские чтения: лингвоаксиология научного познания. Выпуск 1.–Екатеринбург, 2005. – 2006. – С. 96-105.

126. Мифология Британских островов: энциклопедия / Под ред. Т. Уильямса. – М.: Астрель, 2004. – 640 с.

127. Мур Дж.Э. Принцип этики/Дж.Э. Мур. М.: Прогресс, 1984. – 326 с.

128. Мурзин, Л.Н. Компрессия и семантика языка / Л.Н. Мурзин // Семантика и производство лингвистических единиц. – Пермь: ПГУ. – 1979. – С. 36-46.

129. Неклюдов, С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» / С.Ю. Неклюдов // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции // Государственный республиканский центр русского фольклора. – М., 2005. – Вып. 8. – С. 22-41.
130. Нигматуллина А. Русская народная сказка как проводница христианского миросозерцания/А. Нигматуллина //Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Том 65: по материалам XII Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» «SCIENCEFORUM PAN-ART XII». Художественная картина мира. 20 октября 2023 года / Редактор-составитель А.И. Демченко. – Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2023. – С. 208-211.
131. Никифоров, А.И. Жанры русской сказки / А.И. Никифоров // Ученые записки. Вып. I. – Л., 1938. – С. 233-259. 18) Ожегов, С.И. Толковый словарь
132. Никифоров, А.И. Жанры русской сказки / А.И. Никифоров // Ученые записки. Вып. I. – Л., 1938. – С. 233-259
133. Новоселова, Д.А. Ценностные ориентиры с позиций лингвоаксиологической лингвистики/Д.А. Новоселова //E-Scio. – 2019. – №. 12 (39). – С. 110-117.
134. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с.
135. Оправдание добра. Нравственная философия // Большая российская энциклопедия: электронная версия. – 2023. – 28 марта. – Дата обращения: 25.12.2025.
136. Павлов, С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С.Г. Павлов // Вестник Мининского университета. 2013. – № 2. – С. 8-8.

137. Падучева, Е.В. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость/Е.В. Падучева // Revue des études slaves, 1990. – Т. 62, fasc. 1–2. – С. 303–320.
138. Падучева, Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки/Е.В. Падучева // Труды международной конференции «Диалог 2006».– М., 2006. – С. 403–413.
139. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп/Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
140. Падучева, Е.В. Семантические явления в высказываниях от 1 лица: Говорящий и наблюдатель [Электронный ресурс]/Е.В. Падучева. – 2008. – 16 с. Режим доступа: https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/slavisty_2008.pdf (дата обращения: 19.12.2025).
141. Петрова, Е.Е. Способы лингвопрагматической репрезентации фантазийных концептов (на материале английских волшебных сказок): дис. канд. филол. наук / Е.Е. Петрова. – Санкт-Петербург, – 2011. – 219 с.
142. Планк, М. Отношение новейшей физики к механистическому мировоззрению: речь, произнесенная во втором общем заседании 82-го съезда Общества германских естествоиспытателей и врачей 23 сент. 1910 г. в Кенигсберге/М. Планк / пер. И.Л. Левинтова. – Одесса: Типография Акционерного южн.-русского общества печатного дела, 1911. – 41 с.
143. Плахова, О.А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Плахова. – Нижний Новгород, 2007. – 221 с.
144. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 413 с.
145. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
146. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1969. – 168 с.
147. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ. – 1984. – 332 с.

148. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 327 с

149. Пугач, В.Н. Аксиологичность как константная характеристика фразеологии: к проблеме коммуникативного режима речи / В.Н. Пугач, М.Н. Заметалина // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 49 – 52

150. Радбиль, Т.Б. Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет / Т.Б. Радбиль // Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Флинта, Наука, 2015. – С. 8 – 36

151. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. под ред. С.И. Гессена/Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 415 с.

152. Рафекова, Д.Р. Аксиологический подход в системе анализа фольклорного текста / Д.Р. Рафекова // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 1. – С. 21-28.

153. Рафекова, Д.Р. Аксиологический подход в исследовании русских народных сказок / Д.Р. Рафекова // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 1. – С. 56-63.

154. Рафекова, Д.Р. Аксиологическая основа русской народной сказки / Д.Р. Рафекова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2025. – № 6 (199). – С. 111-117.

155. Рафекова, Д.Р. Аксиологический анализ русской народной сказки и языковые механизмы репрезентации ценностей и оценок по корпусу А.Н. Афанасьева / Д.Р. Рафекова // Филологический вестник. – 2026. – Т. 5. – № 1. – С. 40–45.

156. Рафекова, Д.Р. Аксиологический анализ фольклорных текстов / Д.Р. Рафекова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. – 2025. – № 3 (38). – С. 56-60.

157. Рафекова, Д.Р. Аксиологическая основа русской народной сказки и ее воспитательный потенциал в формировании культурного кода нации / Д.Р. Рафекова // Славяно-тюркский мир: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2025. – С.164-168.

158. Румянцева, М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – Кн. 1. – С. 4-12.

159. Румянцева, О.Н. Амальгама язычества и христианства Древней Руси на материале русских волшебных сказок (образ иронического удачника) /О.Н. Румянцева //Вестник Костромского государственного университета. – 2007. – Т. 13. – №. 2. – С. 220-222.

160. Русская грамматика. В 2 т. Т. II. Синтаксис. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

161. Руссо, М.М. (публикация ИЛИНГ РАН). Языковая картина мира как структура лексико-семантической системы [Электронный ресурс]/М.М. Руссо. – URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf (дата обращения: 19.12.2025).

162. Седов, А. К. Зачем детям нужны сказки? /А.К. Седов// Русский дом. – 2007. – № 9. – С. 84-93.

163. Селезнева, И.П. Десакрализация мифологического дискурса/И.П. Селезнева // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира (сборник). Вроцлав, 2015. – С. 257-266.

164. Селиванов, Ф.М. Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике / Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике/Ф.М. Селиванов. – М.: Высш. школа, 1986. – С. 352-364.

165. Сергеева, Л.А. Коннотативное значение как объект лингвистического анализа / Л.А. Сергеева // Исследования по семантике: Общие вопросы

семантики: Межвузовский научный сборник / Отв. ред. Л.М. Васильев. – Уфа: Башкирский университет, 1983. – С. 114 – 119

166. Синявский, А.Д. Иван-дурак: Очерк рус. нар. веры/А.Д. Синявский. – М.: Аграф, 2001. – 463 с.

167. Скляревская, Г.Н. Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на материале русского языка) /Г.Н. Скляревская// Оценка в современном русском языке: сборник статей = Ocenka v sovremennom russkom âzyke: sbornik statej / ред. Н. Башмакова, Е. Хеллберг-Хирн. – Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti, 1997. – С. 166–184.

168. Скляревская, Г.Н. Реальный и ирреальный мир толкового словаря (к вопросу о прагматическом компоненте слова)/Г.Н. Скляпевская // Scando-Slavica. – 1993. – Vol. 39. – P. 166.

169. Скороходько, С.А. Жанровое и национальное своеобразие текста и перевод реалий: на материале волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук / С.А. Скороходько. – Симферополь, 1991. – 163 с.

170. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю.М. Скребнев. – Горький: Изд-во ГГПИИЯ, 1975. – 170 с.

171. Соборная, И.С. Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок): дис. канд. ... филол. наук / И.С. Соборная. – Сочи, 2004. – 154 с.

172. Соколов, Ю.М. Русский фольклор / Ю.М. Соколов. – М.: Российская академия наук, 2007. – 544 с.

173. Соловьев, В.С. Оправдание добра: нравств. философия / В.С. Соловьев. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. – XXXII, 681 с.

174. Спиноза, Б. Избранные произведения: в 2 т/Б. Спиноза. – М.: Наука, 1957. – Т. 1. – 768 с.

175. Стекольникова, Н.В. Фольклорный текст как объект лингвистического исследования / Н.В. Стекольникова // Вестник ВГУ. – 2014. – № 3. – С. 31-32.

176. Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
177. Степин, В.С. Философия науки: общие проблемы: учебник / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 382 с.
178. Стернин, И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения / И.А. Стернин // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 5-15.
179. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. – 156 с.
180. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.: Восточная литература, 1989. – 573 с.
181. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц/В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
182. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты/В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
183. Телия, В.Н. Фразеология в контексте культуры: сб. ст. / РАН, Институт языкознания/ В.Н. Телия, В.И. Постовалова, Е.Ф. Тарасов; отв. ред. В.Н. Телия; редкол.: В.Г. Гак [и др.]. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 336 с.
184. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
185. Телия, В.Н. Русская фразеология / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
186. Темкина, В.Л. Современные подходы к анализу языка художественной литературы / В.Л. Темкина, О.А. Семынина // Вестник ОГУ. – 2013. – № 11. – С. 72-77

187. Теория функциональной грамматики/А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, В.С. Храковский, В.П. Недялков и др.; редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. – 347 с.

188. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / А.В. Бондарко и др.; отв. ред. А.В. Бондарко; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука, 1992. – 303 с.

189. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность /А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др.; редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1990. – 262, с.

190. Тихомиров, С.А. Фольклор современной городской молодежи: лингвоаксиологический аспект: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / С.А. Тихомиров. – Санкт-Петербург, 2009. – 410 с.

191. Томсинов, В.А. Тема русского правосознания в творчестве Ивана Александровича Ильина /В.А. Томсинов // Правоведение. – 2010. – № 6. – С. 196–213.

192. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1918. – 232 с.

193. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – М.: Изд. студ., 1907. – 224 с.

194. Трубецкой, С.Н. Основания идеализма/С.Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. – 1896. – Кн. XXXI–XXXV.

195. Трубецкой, Е.Н. Избранные произведения [Сост., предисл. Матяш Т. П.]/Е.Н. Трубецкой. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 511 с.

196. Трубецкой, Е.Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке // Избранные произведения/Е.Н. Трубецкой. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 479–884.

197. Тугаринов, В.П. Теория ценностей в марксизме/В.П. Тугаринов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 124 с.

198. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с

199. Федотова, Л.В. Фольклор как художественный и духовно-философский феномен в эстетических исканиях поэтов английского романтизма: дис. ... канд. филол. наук: 05.10.07 / Л.В. Федотова. – Майкоп, 2007. – 334 с

200. Феклина, Е.М. Речь сказочных персонажей как объект лингвокультурного исследования (на материале русских и немецких народных сказок)/Е.М. Феклина // Язык и мир изучаемого языка. – 2015. – № 6. – С. 124-128.

201. Филатов, А.В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа /А.В. Филатов//Сибирский филологический журнал. – 2019. – №. 4. – С. 130-140.

202. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины: опыт правосл. теодицеи в двенадцати письмах / [соч.] свящ. Павла Флоренского/П.А. Флоренский. – М.: Путь, 1914. – 812 с.

203. Франк, С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию/С.Л. Франк. – Париж: YMCA-Press, 1930. – 316 с.

204. Фрэзер, Дж.Дж. Золотая ветвь / Дж.Дж. Фрэзер. – М.: Эксмо, 2002. – 781 с.

205. Хань, Ци. Сравнительное изучение представления о добре и зле в русских и китайских народных сказках / Хань Ци // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 3 (76). – С. 520–522.

206. Хэар, Р.М. Дескрипция и оценка/Р.М. Хэар // Новое в зарубеж. лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985. – С. 183–195.

207. Чекер, Н.В. Персоналистический смысл творчества в философии Н.А. Бердяева/Н.В. Чекер, С.А. Титаренко //Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2011. – Т. 24. – №. 1. – С. 102-109.

208. Чернышова, Т.В. Замкнутое время сказки [Электронный ресурс] / Т.В. Чернышова // Поэтика древнерусской литературы. – 1979. – Режим доступа: http://ksana-k.narod.ru/Book/poet/15.html

209. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории / К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – 303 с.

210. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 414 с.

211. Шаховский, В.И. Типы значений эмотивной лексики /В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 20-25.

212. Шаховский, В.И. Эмотивная валентность /В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 97-103.

213. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие к спецкурсу/В.И. Шаховский. – Волгоград, 1983. – 91 с.

214. Шелер, M. Ordo amoris // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова. – М.: Гнозис, 1994. – С. 339–377.

215. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова. – М.: Гнозис, 1994. – С. 259–337.

216. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей/М. Шеллер //Культурология XX век: Антология: аксиология, или Философское исследование природы ценностей/Отв. за вып. Е.М. Лазарева.–М.: ИНИОН РАН. – 1996. – С. 45-60.

217. Шеппинг, Д.О. Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках/Д.О. Шеппинг. – М.: ГПИБР, 2012. – 233 с.

218. Шмелькова, В.В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке: автореф. … док. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Шмелькова. – М., 2010. – 33 с

219. Шохин, В.К. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты / В.К, Шохин // Альфа и Омега. 1998. № 18 (3). – С. 295-315.

220. Штумпф, С.П. Духовность. лингвоаксиологическая направленность и социокультурная природа феномена: монография / С.П. Штумпф. – Красноярск.: Красноярский гос. Пед. Ун-т им.В. П. Астафьева. – 2013. – 256 с.

221. Эпоева, Л.В. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки: дис. канд. филол. наук / Л.В. Эпоева. – Краснодар, 2007. – 147 с.

222. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева [и др.] ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

223. Axiology // Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. – URL: https://www.britannica.com/topic/axiology (дата обращения: 19.12.2025).

224. Davis, Z. Max Scheler // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]/Z. Daviz. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/scheler/ (дата обращения: 19.12.2025).

225. Doel, F. Folklore of Dorset / F. Doel. – Great Britain: The History Press, 2006. – 160 p.

226. Geoffrey, A. Mythology of the British Isles / A. Geoffrey. – New Edition. – London: Thames & Hudson, 2002. – 333 p.

227. Ginsborg, H. Kant’s Aesthetics and Teleology/H. Ginsborg // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E. N. Zalta. – 2005. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/kant-aesthetics/ (дата обращения: 19.12.2025).

228. Hornby, A. Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Электронный ресурс] / A. Hornby. – Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/a-shornby

229. Jones, G. Stories from Wales / G. Jones. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 240 p.

230. Newton, I. Opticks: or, A Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections and Colours of Light/I. Newton. – London: Printed for Sam. Smith, and Benj. Walford, 1704. – 458 p. – URL: https://archive.org/details/optickstreatise00newta (accessed: 19.12.2025).

231. Peterson, K. Nicolai Hartmann/K. Peterson // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/nicolai-hartmann/ (дата обращения: 19.12.2025).

232. Simpson, J. Dictionary of English Folklore / J. Simpson, S. Roud. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 412 p.

233. Sprat, T. The History of the Royal-Society of London, for the Improving of Natural Knowledge/T. Sprat. – London: Printed by T. R., 1667. – 438 p. – URL: https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A61158.0001.001?view=toc (accessed: 19.12.2025).

234. Swift, J. Travels into Several Remote Nations of the World. In Four Parts. By Lemuel Gulliver/J. Swift. – London: B. Motte, 1726. – 353 p. – URL: https://books.google.ht/books?id=AOgNAAAAQAAJ (accessed: 19.12.2025).

235. Tremblay, F. Ontological Axiology in Nikolai Lossky, Max Scheler, and Nicolai Hartmann/F. Tremblay. – 2019. – [Электронный ресурс]. – URL: https://philarchive.org/archive/TREOAI-2 (дата обращения: 19.12.2025).

236. Westwood, J. Country Lore and Legends / J. Westwood. – London: Pavilion Books, 2006. – 318 p.

237. Wilson, B. Stories from Scotland / B. Wilson. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 227 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 / В.И. Даль. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 576 с.

2. Дьяченко, Г.В. Полный церковно-славянский словарь / Г.В. Дьяченко. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – 1120 с.

3. Евгеньева, А.П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1987. – 752 с.

4. Ивин, А.А. Философия: энциклопедический словарь / А.А. Ивин. – М.: Гардарики, 2004. – 863 с. – URL: http://terme.ru/dictionary/187 (дата обращения: 10.07.2014).

5. Круглов, Ю.Г. Наши сказки: русские народные сказки / Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1983. – 320 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.М. Ярцевой. – М.: Энциклопедия, 1990. – 348 с.

7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

8. Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.

9. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 991 с.

10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта ; Наука, 2003. – 696 с.

11. Философский словарь. – 2003. – URL: http://philosophy.hl.ru/dict.php?dict=o (дата обращения: 15.11.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аникин, В.П. Сказки народов мира: в 10 т. / В.П. Аникин. – М.: Советская энциклопедия, 1987.

2. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 512 с.

3. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – 466 с.

4. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1984. – Т. 3. – 496 с.

5. Круглов, Ю. Г. Русские народные сказки / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. – 2-е изд. – М.: Советская Россия, 1992. – 3 т.